

Ю.М. АНТОНЯН
ОТРИЦАНИЕ
ЦИВИЛИЗАЦИИ

**КАННИБАЛИЗМ, ИНЦЕСТ,
ДЕТОУБИЙСТВО, ТОТАЛИТАРИЗМ**

Annotation

Известный криминолог и психолог рассматривает самые крайние и отталкивающие формы асоциального поведения людей, которые с истоков цивилизации находятся в непримиримом противоречии с общепринятыми нравственными и правовыми нормами. Анализ культурно-исторических, психологических, социальных и личностных предпосылок, причин и обстоятельств, вызывающих каннибализм, инцест и детоубийство позволяет сделать вывод, что эти явления относятся к числу поступков и действий, коренящихся в доисторическом прошлом человека. Автор показывает что такие крайние формы поведения, к которым, по его мнению, относятся и некоторые типы тоталитаризма, являются не просто тягчайшими преступлениями, но и выступают в качестве прямого отрицания цивилизации. В свою очередь отрицание цивилизации — одна из радикальных и, по-видимому, до конца не устранимых угроз обществу, которая чаще всего дает о себе знать на крутых изломах истории, когда отдельных людей пробуждаются низменные, архаичные страсти и побуждения.

Для культурологов, психологов, психиатров, криминологов, юристов, специалистов правоохранительных органов. Представляет интерес для ученых и специалистов в области социально-гуманитарных наук, а также для широкого круга читателей.

-
- [Антонян Юрий Миранович](#)
    - [Введение](#)
    - [Глава 1](#)
      - [1.1. Корыстный и мистический каннибализм](#)
      - [1.2 Сексопатологический каннибализм](#)
      - [1.3. Псевдобытовой или «житейский» каннибализм](#)
      - [1.4. Чикатило — классический случай сексопатологического каннибализма](#)
    - [Глава 2](#)
      - [2.1. Инцест как явление](#)

- [2.2. Инцест в психологическом \(психоаналитическом\) свете](#)
- [2.3. Педофильный инцест](#)
- [2.4. Другие сексуальные расстройства](#)
- [2.5. Психические расстройства](#)
- [Глава 3](#)
  - [3.1. Детей убивали всегда](#)
  - [3.2. Материнское убийство](#)
  - [3.3. Детоубийство из любви и детоубийство как самоубийство](#)
- [Глава 4](#)
  - [4.1. Необычные преступления тоталитаризма](#)
  - [4.2. Табуизация жизни](#)
  - [4.3. Уход в магию](#)
  - [4.4. Торжество примитива](#)
  - [4.5. Коллективный человек](#)
- [Глава 5](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)

- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)

- [57](#)
  - [58](#)
  - [59](#)
  - [60](#)
  - [61](#)
  - [62](#)
  - [63](#)
  - [64](#)
  - [65](#)
  - [66](#)
  - [67](#)
  - [68](#)
  - [69](#)
  - [70](#)
  - [71](#)
  - [72](#)
  - [73](#)
-

Антонян Юрий Миранович
**Отрицание цивилизации: каннибализм,
инцест, детоубийство, тоталитаризм**

И весь Израиль преступил закон Твой и отвратился, чтобы не слушать гласа Твоего; и за то излились на нас проклятие и клятва, которые написаны в законе Моисея, раба Божия: ибо мы согрешили перед ним.

Дан., 9:11

Введение

Человечество постоянно сталкивается с явлениями, которые, резко выделяясь своей необычностью, непонятностью своей природы и причин, вызывают гнев и возмущение, чувство омерзения и бесспорное порицание, особенно если они агрессивны и влекут за собой многочисленные жертвы и разрушения. Всех их объединяет то, что они знаменуют возврат к первобытной дикости, к тем весьма далеким временам, когда человек еще не отделил себя от природы, не в полной мере стал личностью, еще не знал ни религии, ни нравственности. Иными словами, в такого рода явлениях со всей очевидностью чувствуется зов древнего человека и они означают отрицание цивилизации.

Я имею в виду каннибализм, инцест и некоторые другие сексуальные нарушения, а также тоталитаризм в его наиболее бесчеловечных формах. Разумеется, это явления разного уровня и разных масштабов, но главным и объединяющим их представляются те истоки, которые, на мой взгляд, лежат в глубокой древности. К названным явлениям можно присоединить и некоторые психические расстройства, которые связаны с первобытными временами. В психиатрической литературе (А. Д. Зурабшвили) уже высказывались соображения относительно археопсихопатологии.

В этой книге я выделяю четыре группы явлений, означающих отрицание цивилизации, но не сомневаюсь, что их больше. Дело в том, что те явления, которые я здесь рассматриваю, мне более или менее знакомы, поэтому я мог бы высказать некоторые соображения (возможно, представляющие определенный интерес) по поводу их природы и источников возникновения. Впрочем, они известны не только мне. Однако если по поводу инцеста и особенно тоталитаризма имеется огромная литература, каннибализм исследован еще очень мало, если иметь в виду познание его природы и причин. Между тем он с пугающей настойчивостью встречается при расследовании уголовных дел, он сохраняется в народных сказках, он описывается в некоторых художественных произведениях, которые, внешне хотя и претендуют лишь на эпатирование читателя, на самом деле

представляют собой тщательно замаскированную реализацию тайных и бессознательных влечений самих авторов. В современной русской литературе — я имею в виду некрофильские и каннибальские сочинения скандально известного Владимира Сорокина — они вызывают вполне понятное омерзение. Попытки этого сочинителя представить каннибализм у современных, даже интеллигентных и думающих людей, как прорыв из человеческой ограниченности выглядят просто нелепо и даже смешно, но роднят его с де Садом. Тот тоже представлял себе инцест плодотворным взломом цивилизационных границ. Однако у де Сада все получалось как-то намного естественнее, органично вытекало из его психических и сексуальных расстройств. У Вл. Сорокина же все натужно и с явным истероидным желанием поразить читателя.

Что касается психических расстройств, то их археологические корни изучены явно недостаточно, особенно если иметь в виду эмпирические изыскания.

С одной стороны, культура делает предметом осознания и оценки, оформляет и регламентирует импульсы, идущие к ней от индивида, а с другой — «посылает» к нему нормы поведения, которые в окончательном виде вырабатывает на своем уровне. Иногда культурные нормы, как и нормы права, допускают возможность отклонения от них, но во всех иных случаях они «неумолимы». К числу неумолимых относятся нормы цивилизации, запрещающие каннибализм и инцест. Причем так обстоит дело практически во всем мире. Однако это нельзя сказать о тоталитаризме, к которому весьма предрасположены отдельные народы, видящие в нем не только естественный выход из собственной сложной и противоречивой ситуации, но привычный образ существования. Здесь я вижу свою задачу в том, чтобы показать, что тоталитаризм в наиболее жестоких формах, равно как и каннибализм, инцест и другие сексуальные патологии, является отрицанием цивилизации, а чаще — ее злейшим врагом.

Отрицанием цивилизации является и убийство детей, с которыми во все времена обращались жестоко, хотя иногда убийства объясняли религиозными соображениями, принося их в жертву Богам. Однако обеспечение неприкосновенности детской жизни является аксиомой цивилизации, а поэтому покушение на нее есть не только тягчайшее

преступление, но и отрицание того этапа истории, который мы называем современной цивилизацией.

Такие действия современных дикарей или первобытных людей, которые поедали покойников, вступали в инцестуальные связи или уничтожали детей как ненужную обузу, нельзя расценивать как вызов цивилизации или отрицание ее: они попросту не знают, что это такое. Действия же представителей древних цивилизаций (например, семитских), приносящих детей в жертву своим Богам, предусматривались их цивилизацией, соответствовали ей. В данной же книге речь пойдет не об отрицании цивилизации вообще, а именно об отрицании современной цивилизации.

Глава 1

Каннибализм^[1]

Каннибализм, или людоедство, — явление, практически у всех людей вызывающее резкое, безоговорочное осуждение, отвращение, омерзение, гнев и даже ужас.

Как правило, он бывает связан с совершением преступления или, если каннибал (людоед) признается невменяемым, с общественно опасными действиями. В настоящей работе мы попытаемся объяснить, что такое каннибализм (антропофагия), показать его истоки, патопсихологию каннибальского поведения. Подчеркнем, что это достаточно редкое явление, но даже единичные случаи неизбежно вызывают огромный интерес своей необычностью, таинственностью, непонятностью. Каждый из них несет на себе отпечаток первобытной дикости. Именно поэтому они должны стать объектом научного анализа.

Различают несколько видов каннибализма в зависимости от его причин:

1. Каннибализм из-за острого голода, что в современных условиях случается крайне редко и обычно в экстремальных обстоятельствах, чаще в группах, отрезанных от остального мира (например, в тайге, после кораблекрушения и т. д.). В глубокой древности люди могли поедать себе подобных как обычную пищу. Неизвестно, было ли это характерно для всех дикарских племен или некоторых из них.

2. Каннибализм при массовом голоде, как это имело место, например, в СССР в результате сталинской коллективизации в начале 30-х годов и в Эфиопии в конце 70-х — начале 80-х годов XX века.

3. Каннибализм «экстремистский», или «истероидный», когда поедание человеческого тела выступает в качестве способа самоутверждения, демонстрации того, что «я все могу, для меня нет запретов». Не исключено, что таким путем может быть предпринята попытка поразить воображение других.

4. Каннибализм, который можно назвать корыстным. Его истоки лежат в глубокой древности. Тогда дикарь поедал других людей не

столько из-за голода, сколько для того, чтобы приобрести силу, мужество и иные важные качества, которыми, как ему представлялось, обладал поедаемый. В те времена люди верили (современные дикари верят и сейчас), что вместилищем этих завидных качеств являются отдельные части человеческого тела.

5. Каннибализм мистический, или ритуальный, когда поедается тот, кого народ (племя, иная группа) наделяет сверхъестественными, сакральными качествами. Употребление в пищу его тела передает людоедам магическую силу последнего со всеми вытекающими отсюда, ни с чем не сравнимыми преимуществами.

6. Каннибализм сексопатологический, обычно наблюдаемый у лиц с сексуальными извращениями, которые в обычной жизни, как правило, являются сексуальными неудачниками. В этом случае на символическом уровне поедающий обладает телом своей жертвы. При этом акт каннибализма зачастую выступает эквивалентом полового акта.

7. Каннибализм псевдобытовой, или житейский, когда съедающий части человеческого тела людоед не видит разницы между человеческим мясом и мясом животных или другой пищей.

В поведении одного человека возможно сочетание признаков, относящихся к разным из числа названных типов. Первые три случая объяснить несложно, поэтому наше внимание будет сосредоточено на остальных четырех. Но все виды каннибализма объединяет один важнейший признак — абсолютный запрет, имманентно присущее развитию любой цивилизации табу на поедание плоти себе подобных, запрет самый строгий, несомненно даже более строгий, чем на насильственное лишение жизни, что иногда даже одобряется или не порицается (война, необходимая оборона, смертная казнь, кровная месть и т. п.). Поэтому каждый случай людоедства следует расценивать как выпадение из цивилизации, а, значит, в какой-то мере и ее крушение.

1.1. КОРЫСТНЫЙ И МИСТИЧЕСКИЙ КАННИБАЛИЗМ

Мифологическая и символическая стороны каннибализма представляются достаточно сложными. М. Элиаде отмечает, что на первобытной стадии культуры мы встречаемся с ритуальным каннибализмом, который в конечном счете является духовно обусловленным поведением «хорошего» дикаря. Самая величайшая забота каннибала в сущности выглядит метафизической — никогда не забывать того, что произошло в «незапамятные времена». Исследования показали, что, убивая свиней и поедая их во время торжеств, а также первые плоды урожая корнеплодов, человек, по мнению М. Элиаде, поедает божественную плоть — точно так же, как и во время празднеств каннибалов. Принесение в жертву свиньи, охота за головами и каннибализм символически означают то же самое, что и сбор урожая или кокосов. Съедобное растение не предоставлено природой. По мифологическим представлениям оно является продуктом убийства, потому что именно таким образом было приобретено в начале времен. Охота за головами, человеческие жертвоприношения, каннибализм — все это человек делал для обеспечения жизни растениям.

Каннибализм является типом поведения, свойственным данной культуре и основанным на религиозном видении мира. Осуждая каннибализм, мы не должны забывать, что он был заложен богами с целью сделать человека ответственным за Космос и поставить его в положение зрителя за продолжением растительной жизни. Следовательно, каннибализм имел отношение к ответственности религиозного характера^[2].

Эти мысли Элиаде являются несколько спорными и, уж во всяком случае, недостаточно доказанными. Требуется пояснение утверждение, что съедобное растение не предоставлено природой; если же об этом имеются мифологические данные, то автору следовало бы указать на них. Но даже если такие растения не предоставлены природой и являются продуктом убийства, то из текстов М. Элиаде все-таки непонятно, почему из-за этого надо поедать себе подобных. Тем более

остается неясным, как каннибализм, согласно М. Элиаде, обеспечивает жизнь растений.

Между тем изыскания этнологов свидетельствуют о том, что человеческие жертвоприношения ради урожая или иных благ иногда действительно сопровождались каннибализмом. Но, как можно предположить, здесь заложен иной смысл и иной механизм, чем те, которые проанализировал Элиаде. Возможно, это совместная трапеза с Богами (богом), что делало их психологически ближе к человеку, а значит, доступнее; более реальной становилась их помощь в произрастании растений, приумножении скота и т. д. А возможно, поедая людей во время ритуальных жертвоприношений, древний человек одновременно элементарно удовлетворял свой голод. Такой вывод представляется обоснованным потому, что необходимость в таком жертвоприношении дикаря была бы излишней, если бы людям не грозила голодная смерть. Поиск пропитания — их актуальная забота.

Если боги, как, например, у фиджийцев, считались большими охотниками до человеческого мяса, то каннибализм позволял таким образом приблизиться к ним, приобретая новое могущество. Особенно активны боги были в начале времен, и данный период весьма свят для первобытного человека; постоянно возвращаясь к нему, такой человек черпает в нем свою силу. По этой причине людоедство тоже было вполне возможно.

Вместе с тем несомненно, что каннибализм, как отмечает М. Элиаде, является типом поведения, свойственным данной культуре и основанным на религиозном (точнее, дорелигиозном) видении мира. Однако хотелось бы уточнить, что под культурой следует понимать не только религиозное, духовное и нравственное развитие, но и состояние производительных сил.

Анализ мифов привел М. Элиаде к выводу, что в истории религии известны боги, которых уничтожают мифические предки людей. Убитое божество продолжает существовать в ритуалах, которые периодически реактуализируют это убийство. При объяснении каннибализма важно учитывать, что в некоторых случаях божество воскресает в живых формах (звери, растения), появляющихся из его тела. Убиваемые не злопамятные и не мстят за себя, напротив, они учат людей, как извлечь пользу из своей смерти. Можно сказать, что

божество «скрывает» свое существование в различных формах бытия, которые оно само порождает своей насильственной смертью: в темном царстве мертвых, в мире животных и растений, выросших из его разрубленного тела, в различии полов, в смертности.

Насильственная смерть божества есть не только смерть, дающая жизнь, она есть также способ постоянного присутствия в жизни людей и даже в их смерти. Ведь питаясь растениями и животными, люди по существу питаются самим божеством. Убой свиньи, например, есть «представление» об убийстве божества; повторение его лишь говорит о служащем примером божественном действе, породившем все то, что существует на земле в настоящее время.

М. Элиаде разделяет мнение, что обряды, связанные с половым созреванием, напоминают, что для людей способность продлить род происходит из первого мифологического убийства, и равным образом поясняют тот факт, что смертность неотделима от продления рода. Погребальная церемония свидетельствует о том, что это последнее путешествие есть повторение того, что совершило божество. Но главным моментом оказывается повторение убийства божества. Человеческие жертвоприношения и жертвоприношение животных являются торжественным воспоминанием первоначального убийства. И каннибализм объясняется той же самой идеей, что проявляет себя в потребности клубней, в частности тем, что всегда (так или иначе) поедается божество. Человек питается Богом и, умирая, соединяется с ним в царстве мертвых^[3].

М. Элиаде писал, что первобытные земледельцы, понимая свою ответственность за процветание растительного мира, подвергали мучениям жертвы, приносимые Богам для увеличения урожая, предавались сексуальным оргиям и каннибализму, охотились за головами врагов. Все это проникнуто трагической концепцией существования и является результатом религиозной оценки мучений и насильственной смерти. Миф об убиваемом Боге заставлял человека смиренно принимать свой смертный, земной, плотский удел. Человек обречен убивать и работать, чтобы иметь возможность прокормить себя. Поняв, как он представлял себе, язык животного и растительного мира человек открывает религиозный смысл во всем, что его окружает и что он делает. Но это обязывает его принять жестокость и убийство как неотъемлемую часть своего существования. Конечно, жестокость,

пытки, убийства характерны не только для людей примитивного общества. Они встречаются на протяжении всей истории и иногда в масштабах, превосходящих то, что было известно архаическому обществу. Разница заключается в том, что для примитивных обществ такая жестокость имеет религиозную значимость и строится по сверхчеловеческим моделям.

Все это в целом не вызывает сомнений, но с позиции психологии и криминологии нуждается в серьезных дополнениях. Если полностью следовать М. Элиаде, то выходит, что человек архаического общества совершенно не похож на современного, поскольку существенно изменилась его психологическая природа, полностью сменились мотивы поведения. Если в прошлом он мучил и убивал по религиозным мотивам, то сейчас его заставляют так поступать иные стимулы, например корыстные. В примитивных обществах (по М. Элиаде) он прочно связан религиозно-идеологическими путями и даже не помышляет об их разрыве, это даже не приходит ему в голову. Выходит, что в его насильственных действиях нет или почти нет ничего индивидуального, субъективного, сугубо земного. Между тем если наш примитивный предок мучил и убивал ради обеспечения собственной жизни, то налицо сугубо корыстный мотив. Отметим также, что и современный человек отнюдь не свободен, поскольку он повязан вечно живыми архетипическими механизмами, зовом своих предков и сегодняшними мифами, актуальными реалиями и условиями, воспитанием и заложенной им программой поведения, своими эмоциями и переживаниями.

Если всерьез принять во внимание все упомянутые сомнения, то выходит, что и в далеком прошлом личность зависела не только от сверхчеловеческих моделей, насколько бы сильны они ни были, но и от собственных субъективных желаний и влечений, переживаний и состояний. Поэтому, когда примитивный каннибал уходил в поход за черепами, он вполне мог руководствоваться не только стремлением обеспечить урожай и рост поголовья скота, но и самоутвердиться, и утвердить себя в глазах племени, освободиться от мучивших его страхов и сомнений и принять самого себя.

Древний человек воспринимал мертвое человеческое тело не только в качестве источника обеспечения материального достатка, но и

причины сложных явлений, которые происходили среди людей. Д. Д. Фрезер приводит следующий пример.

Южноавстралийские туземцы, живущие на побережье бухты Энкауинтер, приписывают причину происхождения языков одной давным-давно умершей злой старухе. Ее звали Виррури, и жила она на востоке. У нее была привычка бродить по дорогам с толстой палкой в руке и разбрасывать костры, вокруг которых спали люди. Ее смерть стала настоящим праздником для народа; были даже разосланы гонцы по всем направлениям, чтобы известить людей о радостном событии. Мужчины, женщины и дети собрались не для того, чтобы оплакивать покойницу, а с целью предаться веселью над ее телом и устроить каннибальское пиршество. Первыми накинулись на труп рамидьери и начали пожирать ее мясо, но тут же стали говорить на непонятном языке. Позднее пришли с востока другие племена и принялись истреблять кишки — они заговорили на несколько ином языке. Последними явились северные племена и проглотили остальные внутренности и прочие части трупа. Эти племена стали говорить на еще менее похожем наречии^[4].

Из данного примера следует, что дикарь наделял человеческое тело мощными способностями, и поэтому его поедание становилось причиной таких весьма сложных изменений в мире, как появление новых языков. Разумеется, такая легенда могла возникнуть только у народа, который практиковал каннибализм. Разумеется, подобное представление о человеческом теле имело место в разных районах планеты.

Так, Д. Д. Фрезер писал о горных племенах юго-восточной Африки, которые, убив врага, отличавшегося храбростью, вырезали и съедали его печень (местопребывание мужества), уши (вместилище ума), кожу со лба (вместилище стойкости), тестикулы (вместилище силы) и другие части — носители иных добродетелей, а пепел племенной жрец давал юношам во время обрезания. Индейцы из Новой Гранады всякий раз, когда представлялась возможность, съедали сердца испанцев в надежде стать такими же бесстрашными, как и наводящие на них ужас кастильские рыцари. Д. Д. Фрезер приводит и другие примеры такого же рода^[5].

Вообще, как отмечается в «Мифологическом словаре», каннибализм относится к числу универсально распространенных

мотивов в мифах и фольклоре. Он восходит к соответствующей практике, засвидетельствованной в палеолите и ранее, кроме того, он являлся составной частью пищевого кода, соотносимого с другими кодами. К. Леви-Стросс пришел к выводу, что употребление человеческого мяса, особенно сырого, занимает низшее место в мифологически осмысленной иерархии пищевых режимов, тяготея к первому из членов фундаментальной оппозиции «природа-культура». Образы и символы каннибализма переплетены со всеми основными категориями и параметрами мифопоэтической модели мира в той ее части, которая относится к области докультурного. Так, с каннибализмом связывается болотная вода в отличие от воды-дождя, связанной с культивированием растений, или проточной воды, ассоциирующейся с рыболовством. Мотивы каннибализма синонимичны мотивам инцеста; так, имеются многочисленные случаи обозначения каннибализма и инцеста одним словом.

Существует множество мифов о возникновении каннибализма, в которых один акт каннибализма порождает серию подобных же актов и убийств. Так, в мифологии североамериканских оджибве съевший человеческое мясо индивид становится великаном-людоедом, т. е. приобретает определенные угрожающие черты. Сын Зевса Тантал, желая узнать, сведущи ли боги, убил своего сына Пелопса и накормил их его мясом. За это боги наказали Тантала: он стоял в подземном царстве в воде, но не мог утолить жажду; над ним висели ветки с плодами, но ветки сразу же отодвигались, когда он протягивал к ним руки. Иными словами, миф осуждает людоедство, но, по-видимому, такое порицание пришло несколько позже, чем подобные факты стали известными. Наказание за людоедство в некоторых античных мифах было очень суровым, вплоть до потери бессмертия. Вместе с тем участие женщин в людоедстве часто табуировалось, как и вкушение женской плоти. В этом можно видеть не заботу о женщине как символе земли и природы, а рассмотрение ее как недостойной вкушать то, что полагалось Богам. Последние же любили человечину, тем более, что человек был им подчинен: приношения человеческих жертв Богам, в частности Дионису, семитским божествам, проясняют именно эту ситуацию. Но боги могли поедать и собственных детей, как это делал, например, Кронос.

По мере укрепления и распространения запрета на людоедство его стали приписывать мистическим и сказочным персонажам, а не Богам, причем эти персонажи, как правило, враждебны людям. Следовательно, люди, несмотря ни на что, допускали наличие каннибализма, но только в качестве наказуемого поступка.

Можно полагать, что для объяснения фактов поедания частей тела женщин сексуальными убийцами и насильниками может оказаться полезной такая мифологическая информация. В некоторых мифах каннибализм предстает как эксцесс экзальтированной любви, в которой реализуется стремление к возможно более полному овладению партнером и оральному эротизму. Так, согласно легенде, Артемисия, сестра и жена царя Мавсола (IV век до н. э.), после его смерти выпила чашу с его прахом. Семантически еда и любовь очень близки, в фольклоре еда часто выступает в качестве метафоры интимной связи, эротический и пищевой коды оказываются параллельны. В некоторых мифах людоедство выступает в качестве наказания за прелюбодеяние, но людоедство здесь как бы вынужденное: так, обманутый муж «утешает» неверную жену половым органом и сердцем ее любовника, о чем она не знает.

Не следует думать, что дикие представления, порождающие каннибализм, возможны только среди первобытных народов. Дело в том, что подобные взгляды сохраняются в общечеловеческой невспомогаемой памяти и по механизмам коллективного бессознательного (соответствующая теория создана Юнгом) возвращаются к людям, живущим не только в странах так называемого третьего мира, но и во вполне цивилизованных. В этом убеждает анализ уголовных дел о серийных сексуальных убийствах. Он позволяет сделать вывод, что названные представления продолжают жить и сейчас среди тех, кто и не знал о такой значимости людоедства в древности и поэтому не оценивал соответствующие акты в подобном качестве. Сексуальный убийца Чикатило откусывал и поедал соски и матки убитых им женщин, т. е. те части тела, которые связаны с сексуальной жизнью. Это можно интерпретировать как попытку символического овладения женщиной, поскольку он, будучи импотентом, не смог сделать это фактически.

Этот же преступник съедал кончики языков и яички у мальчиков, что можно объяснить его желанием взять у них сексуальную силу,

которой у него, импотента, не было. Такие символические каннибалистские действия можно наблюдать и у некоторых других сексуальных убийц, в том числе у Джумагалиева, убившего в 80-х годах в Казахстане семь женщин. По его словам, съеденное женское тело наделяло даром пророчества и приводило к усилению «самостоятельного хода мыслей». Иными словами, он якобы приобретал качества, которых до этого был лишен.

Символический каннибализм тесно переплетается с той разновидностью этого явления, которое можно назвать ритуальным, — это когда человека приносят в жертву божеству или каким-то тайным могущественным силам в целях их умилостивления, обретения желаемых благ, но при этом отдельные части тела съедаются самими убийцами, чтобы овладеть качествами и способностями съеденного. Поскольку дикарь отдавал часть тела жертвы божеству, а другую поглощал сам, он, как уже отмечалось выше, тем самым разделял с божеством общую трапезу, т. е. психологически максимально приближался к нему, а это сулило ему большие выгоды.

Желание сохранить останки умершего и вместе с тем отвращение и страх перед ужасным превращением, вызванным смертью, порождает, по мнению Б. Малиновского, сакроканнибализм — обычай поедания плоти умершего в знак почитания его. Это делается с явным отвращением и ужасом и обычно сопровождается приступами сильной рвоты. И в то же время это почитается актом наивысшего почитания и настолько священным долгом, что у меланезийцев Новой Гвинеи, где Б. Малиновский был свидетелем этого явления и изучал его, данный обряд втайне практиковался, несмотря на строгий запрет и угрозу наказания со стороны белого правительства. Смазывание тел жиром умершего, распространенное среди австралийцев и папуасов, вероятно, является лишь разновидностью этого обычая. Во всех подобных обрядах, считает Б. Малиновский, присутствует желание сохранить связь и параллельно с этим стремление порвать узы. Так, погребальные обряды считаются нечистыми, прикосновение к трупам оскверняющим и опасным, и все исполнители этих обрядов должны обмыть и очистить свои тела, устранить все следы контакта и провести ритуальное очищение. И все же похоронный ритуал вынуждает человека преодолеть отвращение, побороть все страхи, сделать так, чтобы почтение и привязанность восторжествовали, а с ними и вера в

иную жизнь, в бессмертие души. Но именно с эмоциями, пробужденными столкновением со смертью и контактом с телом умершего, связана и берет от них начало идея души, вера в новую жизнь, которую начинает усопший^[6].

Отголоски сакроканнибализма встречаются среди некоторых кавказских народов, которым обычай запрещает употреблять мясо после смерти родственника или односельчанина в течение определенного времени.

Ужасный обычай поедания тела умершего диктуется вполне благородными побуждениями: желанием оставить в себе часть усопшего, не расставаться таким образом с ним, и в то же время проявляется протест против смерти. Поедается только плоть, но она является носителем каких-то чрезвычайно важных человеческих качеств, и именно поэтому их следует сохранить в себе, т. е. обеспечить таким способом бессмертие и этим качествам, и их носителю, поскольку съевший плоть мертвого в свою очередь после смерти должен быть также съеден и т. д.

Таким образом представляется, что наличие ритуальной мотивации у современных людоедов ни в коем случае нельзя игнорировать. Дело в том, что в нашей стране получили, к сожалению, опасное распространение самые варварские верования, не имеющие ничего общего с цивилизованной религией. Поэтому отнюдь не исключается людоедство и на столь мистической почве. Увлечение лиц, подозреваемых в соответствующих преступлениях, древними тайными учениями может служить признаком, указывающим на наличие названного мотива.

Напомним, что Джумагалиева, например, очень интересовали жертвоприношения животных и людей. Его намерение обмазать жиром убитой женщины могилу деда можно расценить как попытку жертвоприношения, но это еще не акт людоедства, которое интересует нас в первую очередь, тем более, что жертва приносилась не Богу, а его деду.

Следует отличать каннибализм лиц, которые убивают и поедают других людей, угощают знакомых человеческим мясом или продают его, однако в их действиях не обнаруживаются мотивы, свойственные другим людоедам. Представляется, что людоедства представителей этого типа порождается бессознательным ощущением себя как

биологического существа, не принадлежащего человеческому роду, полностью находящегося за пределами этого рода, не связанного с ним ни социально, ни психологически, ни биологически, ни тем более нравственно. Это своего рода аутизм. Акты людоедства могут сопровождаться у них эротическими, садистическими или мистическими фантазиями.

Среди людоедов можно выделить тех, которые путем поедания других людей утверждают себя в глазах малой антиобщественной группы, показывая себя сверхчеловеком. Каннибализм может выступать и в качестве способа самоутверждения, когда человек стремится доказать самому себе, что он способен преодолеть все запреты и нормы, поступая только так, как он сам желает. В глубокой древности, на стадии перехода от животного к человеку, каннибализм вообще был распространенным явлением, и человеческое мясо употреблялось в пищу, как мясо животных и растения. Это была наиболее дикая эра, когда человек еще не полностью выделил себя из животного мира и тем более из числа себе подобных. Это, по-видимому, надолго сохранилось у наиболее архаичных племен. Многие первобытные люди даже считали, что отдельные животные не только превосходят их своей физической силой, но и умнее, хитрее, изворотливее, чем они. Возможно, невыделение себя из животного мира, неоощущение себя личностью, тем более автономной, — одна из главных причин людоедства в так называемые доисторические времена.

В вечно современном мифе об утерянном рае, о благородном, добром дикаре, прекраснейшей земле и великолепных пейзажах, идеальном государстве (например, доколумбовой поры) и т. д. совершенно игнорируется то обстоятельство, что все эти якобы существовавшие прежде «блага» и «красоты» почти во всех случаях или в значительном их числе были связаны с каннибалами и каннибализмом. Дело в том, что и у дикарей-каннибалов в свою очередь есть представления об утраченном рае, об изначальном безмерном счастье, когда человек был бессмертен и напрямую общался с богом (Богам), ему не нужно было работать, поскольку его «просто» кормила природа или сказочные сельскохозяйственные орудия, которые работали наподобие автоматов. Казалось бы, можно подумать, что его ничегонеделание в те блаженные времена

выражалось в том, что он не возвращал злаки, не охотился и не разводил домашний скот; ему достаточно было пойти войной на другое племя или захватить зазевавшегося соседа, чтобы обеспечить себе превосходный обед или ужин. Во всяком случае, несмотря на всю омерзительность и опасность, каннибализм глубоко внедрился в человеческое сознание. Со времен его широкого распространения цивилизация достигла несомненных успехов, но тем не менее он время от времени вновь проявляет себя в разных формах.

Конечно, не следует преувеличивать масштабы этого явления и связывать его только с трудными социально-экономическими условиями или падением нравственности. Это было бы примитивизацией: как было показано выше, причины и механизмы рассматриваемого явления носят довольно сложный и неоднозначный характер. Однако встречающиеся отдельные акты каннибализма производят оглушительное впечатление, а те люди, которые непосредственно сталкиваются с ними, обычно приходят в шоковое состояние.

Среди личностных особенностей каннибалов особое внимание зачастую привлекает их полная психологическая и социальная отчужденность — естественно, мы имеем в виду современных каннибалов. В этом убеждают результаты анализа индивидуальных историй их жизни, их отношения к общечеловеческим ценностям, совершенных ими убийств, в большинстве случаев серийных, но в меньшей степени сами факты людоедства. Именно последние свидетельствуют о том, что они не пассивно отлучены от семьи, друзей, базовых человеческих ценностей, от нормального общения, а самым активным образом противостоят им. Активность проявляется непосредственно в акте каннибализма, который полностью, абсолютно, без каких-либо оговорок исключается современной цивилизацией. Такое всеобъемлющее порицание нельзя наблюдать ни в чем другом: убийца в некоторых случаях вызывает снисхождение, но каннибал — никогда. Даже если соответствующий акт имел место в случае острого голода, каннибал стигматизируется на всю жизнь как лицо, съевшее другого человека. Совсем иное дело — убийство. Убийца, например, своей жены из ревности отнюдь не исключается из общения. Некоторые убийцы становятся героями. При этом парадоксально, что убийство уголовно наказуемо, а людоедство — нет.

Можно предположить, что каннибализм, но в совершенно отличной форме (ее можно назвать психологической) приняло и христианство. Так, во времена Тайной вечери Христос установил таинство евхаристии, или причащения, как благодатное средство единения верующих с Христом — причащение Его тела и крови как истинного агнца. Во время вечери «Иисус взял хлеб, и, благословив, преломил, и, раздавая ученикам, сказал: примите, ядите: сие есть Тело Мое. И взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все; ибо сие есть Кровь Моя нового завета, за многих изливаемая во оставление грехов» (от Матфея, 26:26–28). Разумеется, причащение Его тела и крови, несмотря на все различия в понимании евхаристии разными ветвями христианства, всегда носит символический характер.

Другой, не менее серьезной гипотезой является предположение, что таинство евхаристии представляет собой пережиток древнего тотемического обычая богоедства (теофагии), при котором участники мистерий поедали мясо священного животного и пили его кровь. Позже для подобных жертвоприношений стали употреблять изображения животных и богов. Д. Д. Фрезер отмечал, что обычай умерщвлять Бога в лице животного возник на очень ранней стадии человеческой культуры. «Разрывание на части и пожирание живьем, например, богов и телят было, по-видимому, типичной чертой дионисийского культа. Если принять во внимание обычай изображать Бога в виде быка и вообще придавать ему черты сходства с этим животным, веру в то, что в виде быка он предстал перед верующими на священных обрядах, а также предание о том, что он был разорван на части в изображении быка, то нам придется признать, что, разрывая на части и пожирая быка на празднике Диониса, участники культа верили, что убивают Бога, едят его плоть и пьют его кровь»^[7]. Фрезер приводит многочисленные примеры из жизни первобытных племен о поедании Бога.

Умерщвление представителя Бога в виде быка (по Д. Д. Фрезеру) оставило заметный след, например, в кондских жертвенных обрядах. Так, по полям рассеивали пепел зарезанного марима; кровью юноши-брахмана окропляли посевы и поле; плоть убитого нага помещали на хранение в хлебные закрома; кровью девушки из племени сиу орошали семена. Отождествление жертвы с хлебом, т. е. представление о ней, как о воплощении или духе хлеба, дает себя знать в усилиях,

которые прилагали, чтобы установить физическое соответствие между духом и природным объектом, служащим его воплощением или представителем. Мексиканцы, к примеру, приносили детей в жертву молодым всходам, а стариков — спелым колосьям.

Итак, две версии о происхождении евхаристии, которая, как предположено выше, на символическом уровне порождена людоедством. Какая из них наиболее верна или обе верны и не противоречат друг другу? Не предшествовал ли «простой» каннибализм евхаристии, т. е. антропофагия теофагии? Возможно, что в разных районах мира жизнь сама решала этот вопрос по-разному, но скорее всего первое предшествовало второму, но не наоборот, или они существовали одновременно, что наиболее вероятно.

Вернемся к каннибализму, который внешне напоминает мистический (ритуальный).

Каннибалистские действия Джумагалиева никак не могли быть продиктованы голодом либо стремлением утвердить себя в качестве сверхчеловека в своих собственных. Он прибегал к людоедству для того, чтобы, по его же словам, таким способом приобрести определенные и очень нужные ему качества, т. е. следовал в этом за своими давно ушедшими предками. Думается, однако, что не только это мотивировало поведение данного людоеда, а больше его бессознательное стремление полностью возвратиться в дикую древность. Вот почему он подолгу жил в пещерах, иными словами, практически вел то существование, которое было у первых людей на Земле. Сверхценное отношение к животным тоже можно расценить как попытку возвращения в животный мир, но на психологическом уровне. Есть основания предположить, что психическое заболевание (шизофрения) стала тем механизмом, который способствовал созданию необходимых предпосылок и условий для формирования и реализации всех названных тенденций. Но шизофрения — лишь медицинский диагноз, а не полное объяснение общественно опасного поведения.

Можно говорить о наличии различных степеней и форм каннибализма. Кирсанин, например, убив (в 1994 г.) чем-то обидевшего его И., сразу же после убийства стал, по показаниям свидетелей, пить его кровь из раны на шее. Когда посторонние разошлись, он черенком лопаты снял кожу с лица, головы, с полости

рта и носоглотки. После задержания ни сразу, ни потом он не мог пояснить, зачем все это делал: «Делал все как будто во сне, что-то руководило мною, делал все машинально; сам не хотел, а руки делали, в голове потемнело. Потом я эту кожу закопал, где — не помню».

Его жизнь во многом напоминает жизнь Фирсова. Как и последний, он работал обвальщиком мяса на мясокомбинате, пристрастился к крови убитых животных, находил в этом удовольствие. После увольнения с мясокомбината стал убивать собак и пить их кровь. Пил и человеческую донорскую кровь.

1.2 Сексопатологический каннибализм

Для иллюстрации этого типа каннибализма приведем следующий пример.

Николаев, 42 года, родился в семье рабочего, был единственным ребенком. Родители разошлись, когда ему исполнилось 12 лет. Отец злоупотреблял алкоголем, якобы страдал «припадками с судорогами», часто конфликтовал с окружающими, отличался жестокостью, вспыльчивостью, избивал мать, Николаев рос слабым, болезненным, перенес тонзиллэктомию, менингит. Детский сад посещал непродолжительное время, был робким, пугливым ребенком, старшие ребята постоянно обижали его. В детстве отец случайно поранил ему руку, после этого он стал бояться его. Позже появилась ненависть к отцу, а затем желание отомстить. Он фантазировал, как убивает его вилами или топором. При ссорах между родителями всегда жалел мать.

До 12 лет он заикался, лечился у логопеда; страдал энурезом, мать водила его к «бабкам», которые «заговаривали», но и до настоящего времени у него периодически возникал энурез при высокой температуре и после волнения. В школу пошел с 8 лет, учился слабо, «не было ни памяти, ни интереса», в 6-м и 7-м классах оставался на второй год. Увлекался лишь анатомией, его интересовало, как все устроено. В подростковом возрасте был обидчивым и злопамятным. Со слов Николаева, когда ему было 13 лет, его «заманили в лес и изнасиловали солдаты». После этого он год не ходил в школу, плохо спал, боялся выходить на улицу, пугался солдат, незнакомых мужчин, ему «все время казалось, что они ищут» его.

Дома он с удовольствием занимался домашним хозяйством, научился вышивать, готовить, ему нравились женские занятия. Думал о том, «как хорошо быть девочкой»; предпочитал общаться с девочками, так как «чувствовал себя спокойнее, безопаснее». При этом мучил животных, вешал домашних кошек, испытывал удовольствие, когда они «агонизировали, дергались», ему было «интересно как умирают — сразу или нет».

Когда отец в отсутствие матери приводил домой женщин и вступал с ними в половые контакты, Николаеву нравилось подсматривать за ними, трогать спящих женщин. При этом он мастурбировал, пытался совершить с одной из спящих женщин половой акт. Впоследствии начал подглядывать за женщинами в банях, общественных местах; в общественном транспорте пытался «пристроиться сзади, потрогать женщин».

В 14-летнем возрасте после конфликта с родителями ушел жить в собачью будку и несколько дней ночевал там, совершая половые акты с собаками. В том же возрасте имел непродолжительную связь с 19-летней партнершей. Когда та вернулась к мужу, Николаев ревновал, «мучился, хотел сброситься с крыши», придумывал различные планы мести, а однажды попытался плеснуть на нее серной кислотой. Он был недоволен своей внешностью, казался себе слишком худым, «щуплым», начал посещать спортивные секции, но якобы из-за того, что сверстники его «дразнили», быстро оставлял занятия. «Для укрепления здоровья» приучил себя пить свежую кровь зарезанных свиней. В это же время он начал переодеваться в женскую одежду, пользоваться косметикой. Ходил на дискотеки «переодетым в женщину», чтобы знакомиться с офицерами, которых по-том опаивал одурманивающими веществами и грабил.

Окончил 8 классов. В 1977–1979 гг. служил в армии. Там он подвергался неуставным отношениям, по его словам, «было тяжело» — над ним «постоянно издевались». Николаев, «находясь на грани нервного срыва», однажды «взял автомат и пострелял по караулке», людей в тот момент там не оказалось. После службы в армии работал водителем в разных организациях, затем поступил на службу в милицию, дежурным в детский приемник-распределитель. Сотрудники приемника-распределителя сообщали, что он «склонен к аморальному образу жизни». На него поступали жалобы относительно того, что он присваивает себе чужие вещи, ссылаясь при этом на то, что работает в милиции. Мать его жаловалась, что он «живет дома с каким-то несовершеннолетним и постоянно ворует у нее спиртное и продукты». Подростки в распределителе рассказывали, что он приносит им спиртное и коноплю.

После увольнения из МВД в 1983 г. он работал водителем. В 80-х годах перенес несколько черепно-мозговых травм, по поводу которых

лечился стационарно. В 1989 году его осудили за совершение 18 краж к 5 годам лишения свободы. После освобождения еще трижды привлекался к уголовной ответственности за кражи, но учитывая положительную характеристику с места работы, был осужден условно, с испытательным сроком. Любую работу выполнял качественно и в срок, но его считали «вороватым».

В то время Николаев проживал в общежитии, жильцы которого, преимущественно женщины с детьми, обращались к администрации с просьбой о его выселении, так как он «грубил, были случаи рукоприкладства», злоупотреблял спиртным, менял сожительниц, его также подозревали в кражах. Им казалось странным, что он скупал игрушки у детей, зазывал их к себе.

Со слов Николаева известно, что приблизительно с 32 лет он стал «очень энергичным, подвижным, деятельным». Появились периоды «раздражительности, недовольства», временами становился «нервным, несдержанным», особенно в состоянии алкогольного опьянения. В тот же период он начал отмечать, что половое влечение у него усилилось, появились непроизвольные эякуляции, поэтому иногда он «ниткой перевязывал половой член». По его словам, имел нескольких сожительниц, которые не знали о существовании друг друга, так как «с одной жить быстро надоедало», а также зачастую прибегал к случайным половым связям, «предпочитая молодых, активных, темпераментных» партнерш. Имел также гомосексуальных партнеров, при этом обычно выполнял пассивную роль. Обнаружил, что испытывает очень приятные ощущения, когда «слегка придушивает партнершу» во время завершения полового акта. При мастурбации обматывал себе шею мокрым полотенцем, чтобы испытать приятные ощущения во время гипоксии, когда полотенце высохнет.

Аккуратно вел записи своих сексуальных походов, списки своих партнерш и партнеров. По много раз переписывал списки, классифицируя по именам: «десять Ирин, пять Светлан» или другим признакам. Переписывание доставляло удовольствие. По его словам, у него было 372 женщины и он собирался довести их число партнерш до 500. Николаев коллекционировал издания с эротическими и порнографическими фотографиями, ими была оклеена стена, часто мастурбировал, рассматривая их. С конца 90-х годов начал коллекционировать женское белье и косметику, которые покупал,

воровал, выменивал, припрятывал от партнерш. Пользовался женскими духами, надевал на себя женское белье, красил губы, при этом возбуждался, перед зеркалом мастурбировал. Субъективно приятные ощущения испытывал от запахов женской парфюмерии, особенно ему нравилось есть губную помаду, которую он намазывал на хлеб. Кроме того, он собирал коллекцию кукол, которых называл именами реальных партнерш, надевал на них белье, принадлежавшее женщинам, тщательно прятал кукол, так как по его словам, «было стыдно, что в 35 лет начал играть в куклы». В 1996 г. заболел сифилисом, по поводу чего в 1997 г. и 2000 г. проходил курсы медикаментозной терапии, состоял на учете.

В декабре 1996 г. на вокзале он познакомился с Татьяной Мишиной, привел ее к себе домой, где дважды совершил с ней половой акт, а в процессе третьего, «слегка придушив партнершу», испытал «необычно сильные» оргазмические ощущения. Только наутро он обнаружил, что девушка мертва, и «по следам от пальцев на ее шее понял, что задушил ее». Якобы забеспокоился, не зная, что делать, решил дождаться вечера, чтобы избавиться от тела. Пока труп лежал на кровати, попытался несколько раз совершить с ним половой акт, но «удовольствия не получил». Погрузил затем труп в ванну, по снегу отвез в безлюдный овраг. Потом приходил на то место, разговаривал с мертвой, «будто с живой», мастурбировал, ложился на труп, чтобы совершить половой акт, была эякуляция, испытывал приятные ощущения. Со слов испытуемого, брал с собой лупу и разглядывал половые органы жертвы. Однажды, увидев, что части трупа растаскивают собаки и птицы, решил, «чтобы не пропало», отрезать мягкие ткани и после кулинарной обработки съесть. При этом испытывал «очень приятные эротические ощущения». Обращаясь к кукле, которую назвал именем погибшей — «Таня», говорил: «Никто тебя не ищет», надевал на нее белье и кольцо, снятое с трупа.

В декабре 1997 г. познакомился на рынке с Вериной Ириной и предложил совершить половой акт. Она попросила денег, и он пообещал ей 500 рублей. Ирина «оказалась очень темпераментной», «царапала его ногтями»; в процессе третьего или четвертого полового акта он аналогичным образом ее «случайно задавил», причем, с его слов, самого момента удушения не помнил, зато помнил, как внезапно прилила сила, все сжалось, в глазах потемнело, в себя пришел якобы,

через несколько минут. Труп оставил в лесу, но забрал себе ювелирные украшения, нижнее белье, номерок из гостиницы. Впоследствии также возвращался к телу, «укрывал от дождя и холода», разговаривал, «казалось, будто она отвечает, открывает глаза, не думал, что она мертва», зажигал свечи, причесывал волосы, смазывал лицо трупа кремом, накладывал косметику, «чтобы было красиво». В то же время срезал ткани с бедер и голеней (даже когда уже начался процесс разложения трупа и появился характерный запах), принес домой и съел, «испытывая наслаждение». Обзавелся куклой «с белыми волосами», которую называл Ириной.

Первое время после убийства испытывал тревогу, страх, что «найдут тело и его поймают», становился раздражительным, подозрительным прислушивался к разговорам на улицах, на работе. Собирая сведения о своих жертвах, интересовался, не ищут ли их, даже ездил к родителям одной из убитых, представившись чужим именем. При этом продолжал работать, встречаться с разными женщинами. Проживая с ними, делал по дому всю женскую работу, «стремился чтобы все было чистенько, аккуратненько, все блестело», часто сам готовил пищу.

В 2000 г. он встретил Аллу Куликову, дочь одной из своих бывших сожительниц, несколько раз с ней встречался, совершал половые акты. Обнаружив, что вновь болен сифилисом, решил, что его заразила Алла, но она с тех пор не появлялась. В течение нескольких месяцев он имел периодические гомосексуальные контакты, в том числе и с Гориним. Отношения, с его слов, вначале были хорошими, при контактах Горин выступал в качестве «активного» партнера, делал ему подарки, приносил продукты. Но в августе 2000 г. после ссоры, когда «на людях» Горин «опозорил» его, «грубо обозвал гомосексуалистом», он «разозлился и решил отомстить». Выследив жертву в безлюдном месте, нанес ему сзади удар палкой по голове, снял с него джинсы, намереваясь совершить с ним активный половой акт (так как тот раньше «никогда этого не позволял»), а затем «срезать мясо», но помешал случайный прохожий. Забрав одежду, деньги, пакеты с продуктами, принадлежавшие потерпевшему, скрылся.

Спустя месяц, Николаев увидел в парке красивую 9-летнюю Настю. Некоторое время наблюдал за ней, «любовался», затем решил познакомиться — «заинтересовался, как устроены девочки». Подойдя

к ней через несколько дней, пообещал подарить ей живого ежика и назначил встречу на следующее утро. На встречу взял с собой увеличительное стекло, увел девочку на окраину, раздел ее, обнюхивал, разглядывал через лупу, испытывая «сильное возбуждение». Девочка не кричала, только испуганно спрашивала, ответит ли он ее домой. Попытался совершить с ней половой акт, но не смог ввести половой член, вводил пальцы во влагалище, на пальцах заметил кровь, слизывал эту кровь, мастурбировал. Вспоминал, что «кружилась голова, испытывал сильное наслаждение от детского запаха и вкуса крови», несколько раз происходила эякуляция. «Очнулся, когда девочка захрипела, испугался, почувствовал слабость, побежал за водой», но, когда принес воду, «она уже не дышала». По его словам, он «поплакал и связал ей руки, чтобы удобнее было ее тащить». Забрал одежду девочки, срезал мягкие ткани с бедер и голеней, «набрал целый пакет», принес его домой, хранил в холодильнике, иногда доставал, нюхал, облизывал, потом, «перемешав с собачьим мясом, чтобы никто ничего не заподозрил», делал пельмени и котлеты и угощал свою сожительницу и ее сына, стараясь, чтобы им досталось «поменьше человеческого и побольше собачьего мяса».

С его слов, часто вспоминал девочку, плакал, достал новую, маленькую, очень красивую куклу, которую назвал Настей. Много раз возвращался на место, где лежала жертва, интересовался ходом расследование дела об исчезновении девочки, которое получило в городе широкий резонанс, подслушивал разговоры прохожих на улицах, «постоянно был в движении», «боялся, что найдут».

В январе 2001 г. Николаев случайно встретил на улице Аллу Куликову, которая «попросила у него картошки». Отвел ее на дачу своей сожительницы. Там «немного выпили», Алла разделась и он увидел, что «ее тело и бедра покрыты коростой». Начал упрекать ее в том, что она «заразила его сифилисом». Она отрицала. В ходе ссоры Николаев убил ее, несколько раз ударив ее бутылкой, а затем кирпичом по голове. Труп закопал в снегу, недалеко от дачи.

Когда во время следствия у Николаева спросили, что он сделал с Настей, тот ответил, что и раньше ел людей. Что касается Насти, то с самого начала хотел ободрать ее. На вопросы о том, с какой целью он познакомился с ней и зачем стал ее душить, Николаев каждый раз

отвечал, что хотел ее съесть, на мясо разделать, никаких сексуальных влечений она у него не вызывала. «Раздел ее и обрезал мясо опасной бритвой, нарезал почти полный пакет — сначала спрятал его возле реки, потом мясо помыл, порезал, сварил в котелке на берегу». По его словам, он ничего не испытывал, так как это было не в первый раз. На место происшествия возвращался еще раз, чтобы забрать остатки мяса. По его словам, он начал употреблять в пищу человеческое мясо с 1996 г. — «меня что-то заставляло это делать, когда сильно выпивал». Когда бросил пить — «все прекратилось». «Не соображал, не знаю, что меня толкало, и вот тогда все это наслаждение получал, наслаждение от мяса, что ел». Есть мясо Куликовой «побрезговал из-за сифилиса», хотя к ее трупу «подходил в начале апреля, облил голову соляжкой, поджигал голову, но ничего не получилось — помешала машина, а я хотел из головы сделать холодец себе на день рождения».

На вопрос о цели еще одного убийства — Соловьевой — ответил: «Я не знаю, как получилось, но у меня была, конечно, мысль съесть ее. Когда пришел домой, то подумал: чего мясу пропадать, и вернулся». На вопросы о причинах совершения убийств женщин отвечал, что когда совершает половой акт, ему «становится не по себе, кто-то говорит: «Убей, убей». Подчеркивает, что, как только выпьет, появляется желание убить: «Мне всегда нужно мясо». Когда рассказывал о том, как употреблял в пищу ткани своих жертв, глаза его затуманивались и увлажнялись, на лице при этом застывала улыбка. По его словам, это «особое мясо, полезное, хорошее», особенно у девочки — «молоденькое, сладенькое, как сок вперемешку с лимонадом». Когда ел, испытывал сексуальное возбуждение, «особое наслаждение». Вербализовать свои ощущения затрудняется — «как будто еще раз секс с ними, и они уже совсем мои». Рассказывая о девочке, волнуется, появляются детские сюсюкающие интонации, говорит, что после этого случая «совсем сон потерял», «к ней ходил, да к ним всем ходил, ставил свечечки, причесывал, разговаривал», «так жалко, так жалко, что даванул, хотел ведь только в лупу ее рассмотреть». В то же время спокойно и деловито рассказывает, как «обдирал мясо» струпа девочки, кормил им своих домочадцев, чтобы «сожительнице досталось поменьше». Оценки содеянному не дает, заявляет, что «собирается повеситься», но выясняется, что не из-за

того, что раскаивается, а оттого, что обеспокоен своей дальнейшей судьбой — «а ну как будут мучить, а ну как разорвут?»).

У Николаева обнаружены признаки органического поражения головного мозга смешанного генеза (раннего, травматического, последствия нейроинфекции) с гипоталамо-гипофизарным синдромом.

Со слов испытуемого, возраст появления оволосения лобка — 15 лет, подбородка — 18 лет, бреется с 19 лет один раз в неделю. В 21 год перенес гонорею, в 1996, 1997, 2000 гг. — сифилис, получал медикаментозную терапию, состоял на учете в КВД.

На теле множество татуировок (среди них слово «киллер»), диспластичен, телосложение евнухоидное, гинекомастия, отложение жира — по женскому типу (на бедрах и животе), оволосение на теле скудное, на лобке — по женскому типу. Сочетание признаков опережения психосексуального развития (ранняя сексуализация поведения, ранняя допубертатная мастурбация с психическим оргазмом, опережение сексуальной фазой либидо других фаз и редукция платонической фазы); задержка психосексуального развития (отсутствие периода проявлений межполовой агрессии — дистинкции) и соматосексуального развития дают основания диагностировать сложную дисгармонию пубертатного развития.

Отмечается предпочтение игровой деятельности в группе противоположного пола, отождествление с персонажами противоположного пола, предпочтение внешних атрибутов другого пола; негативное восприятие собственного телесного облика; переживание психологического дискомфорта и непонимания сверстников своего пола; доминирование интересов и увлечений, более свойственных женщинам.

Проявляются элементы гипермаскулинного поведения: стремление к выращиванию маскулинной фигуры, промискуитет, стремление физически походить на женщин; генерализованное амбивалентное отношение к противоположному полу с сосуществованием разнонаправленных (негативных и позитивных) эмоциональных установок, предпочтение общения с женщинами; психологическая неудовлетворенность в сексуальных контактах с партнерами противоположного пола, несмотря на возможность физиологических реакций, тенденции к деперсонификации партнера. Выбирает социальные роли, более естественные для женщин.

Вышеуказанное дает основание диагностировать у него нарушение половой идентичности.

По заключению сексолога, у Николаева обнаруживается редуцированный полиморфный парафильный синдром с включением элементов вуайеризма, педо- и эфебофилии, гетеросексуального садизма, зоофилии, фетишизма, фроттеризма, трансвестизма двойной роли, фетишистского трансвестизма, аутоэротизма, озолагнии — фетишизма запахов, некрофилии, некросадизма, эротического каннибализма, анокии — удушения, транзиторными эпизодами эксгибиционизма, аутоасфиксияфилии с недифференцированным сексуальным объектом.

Указанные выше расстройства сопровождалась полиморфными сверхценными образованиями, патологическим фантазированием и недостаточными адаптивными возможностями со склонностью к декомпенсациям состояния в условиях субъективно сложных или психотравмирующих ситуаций, с возникновением транзиторных параноидных реакций, аффективных расстройств. Приблизительно с середины 90-х годов наблюдалась отрицательная динамика состояния — расстройства приобрели тенденцию к углублению и закреплению, произошло грубое расторможение влечений с расширением спектра их нарушения (педо- и эфебофилии, фроттеризма, фетишистского трансвестизма, некрофилии, некросадизма и т. д.).

При судебно-психиатрическом освидетельствовании Николаев эмоционально маловыразителен, неадекватен, обнажен, огрублен, холоден, манерен. Ригиден, застреваем, склонен к кумуляции и разрядке аффекта, подозрителен. Суждения непоследовательные, противоречивые, облегченные, монотематичные, часто шаблонные и стереотипные, несостоятельные. Мышление непродуктивное, конкретное формализованное, ускоренное по темпу с элементами дезорганизации. Интеллект и мнестические функции снижены. Кругозор и общий запас знаний мал. Вся сфера личностного функционирования определяется удовлетворением нарушенных сексуальных влечений и примитивных бытовых потребностей. Критические и прогностические способности грубо нарушены.

При экспериментально-психологическом исследовании на фоне снижения контроля за решениями и высказываниями, нарушения критических и прогностических возможностей обнаруживаются

мотивационные и операциональные отклонения в виде субъективности анализа, монотематичности интерпретаций, фиксации на теме половых взаимоотношений, ригидности и вязкости его суждений, своеобразия оценок. Продуктивный контакт подменяется нелепым и слабо организованным субъективным рассуждением. Трудности выделения существенного не связаны с пресыщаемостью и объективной сложностью проб. Фиксируется на собственных оценках. Ассоциативные образы монотематичны, конкретно-субъективны, вербальные связи крайне неравномерны по уровню. Дезорганизован, мнестические возможности снижены. Склонен к опоре на внутренние своеобразные критерии, ригиден в реализации избранных установок, субъективен в оценках происходящих с ним событий. Проявляются выраженное снижение интеллектуального и мотивационно-волевого контроля, выраженная ригидность переживаний, трудности понимания мотивов и поступков окружающих.

Признан невменяемым.

Постоянные психологические неудачи в сексуальных контактах, бессознательное ощущение того, что в этой наиболее значимой для него сфере жизни все складывается очень плохо, предопределили каннибальские действия Николаева. Проглатывая человеческую плоть, он тем самым компенсировал свои сексуальные провалы: это символизировало полное поглощение женского тела, безраздельное господство над ним. Именно поэтому людоедские акты приносили ему сексуальное удовлетворение. Вместе с тем в них просматриваются элементы и «псевдожизнейского» каннибализма, поскольку он угощал человеческим мясом и других.

1.3. Псевдобытовой или «житейский» каннибализм

Этот вид людоедства с сексуальными переживаниями никак не связан, что будет видно из следующего примера.

Нестерову ко времени расследования уголовного дела было 36 лет. С начала 90-х годов стал конфликтным, избил своего брата, поджег дверь в общежитии, где проживал, часто дрался. Лечился стационарно по поводу полученных в драках черепно-мозговых травм с сотрясением головного мозга. Практически ежедневно злоупотреблял алкоголем. Жаловался на слабость в ногах, жжение в пояснице, боли в пятках, ходил с трудом, опираясь на палочку. В психоневрологическом диспансере ему был поставлен диагноз: посттравматическая болезнь головного мозга, психопатоподобный синдром с истерическими включениями. После госпитализации высказывал суицидальные мысли, жаловался на страхи, головные боли и «голоса». Он заявлял, что «все болит, нет ни одного живого места», «не спит, в голове всякая ерунда», что у него «мочеиспускание один раз в день и длится несколько лет», что он видит перед глазами «то круги, то целые картины», испытывает «воздействие посторонней силы», которая «побудила» его избить человека. Утверждал, что чувствует присутствие женщины, которая провоцирует его повеситься, угрожал «повеситься и предварительно повесить еще одного человека», если ему не определят группу инвалидности. Во время госпитализаций испытываемый, как известно из историй болезни, «держал в постоянном напряжении персонал отделения, предъявлял самые невероятные жалобы, заявлял, что ставит целью своей дальнейшей жизни убийство человека. Часто конфликтовал с персоналом, отбирал у других больных передачи, требовал дополнительного питания. В отделении был бездеятелен, много спал, временами был злобен, сообщал о себе нелепые сведения, заявлял, что убил человека».

Несколько раз госпитализировался в психиатрические больницы получил 2-ую группу инвалидности. Не работал, вел асоциальный образ жизни, продолжал пьянствовать. За хулиганство был осужден на 4 года лишения свободы. В исправительном учреждении нарушал

режим, конфликтовал с другими осужденными, вновь был помещен в больницу с диагнозом: психопатия возбудимого круга. После освобождения от наказания переезжал с места на место, изредка работал. На вокзале познакомился с Беловым, который предложил ему ночлег и привел к себе на квартиру. Там между ними произошла ссора и Нестеров убил Белова, расчленил его труп на много частей и в течение последующих 5 дней, находясь в квартире убитого, употреблял в пищу органы и ткани потерпевшего. Из-за сильного запаха соседи вызвали милицию. Нестеров вначале дверь не открывал, но назвал свою фамилию и сказал, что хозяин квартиры уехал и будет не скоро. В квартире стоял сильный трупный запах, подушка на кровати была в крови, но пол был чисто вымыт. В сундуке был обнаружен труп без конечностей, на спине убитого вырезан крест. На полу в мешке находились голова, половые органы, кишечник, а в шкафу в пакете — кости, кисти рук и другие части туловища. На кухне в кастрюле были куски мяса, подвергнутые термической обработке.

Нестеров вел себя спокойно, молчал когда его спрашивали, где хозяин. В тот же день показал, где и как все происходило и собственноручно написал заявление, в котором сообщил, что «под воздействием голосов, под которыми находится два года... начал ударять Белова металлическим предметом по голове и после того, как он умер, расчленил его». Это голоса приказали «грохнуть его», стал «интенсивно долбить его по голове», затем «голоса приказали налить ему воды на голову», что Нестеров и сделал, после чего Белов «стих».

Затем «увидел, как мертвый пошевелился... начал подниматься и решил его расчленить. Вначале отрезал ему стопы ног, снял плавки, футболку. Затем отрезал голени. Труп глядел вверх... казалось, что еще может подняться... отчленил бедренные кости», «резал легко, как торт», «отчленил руки, голову, разрезал живот, грудь, делал все автоматически». Извлек внутренности, на спине «сделал надрез в виде креста... отрезал и половой орган». «..Удивился, что все так легко и просто, хотя делал это впервые... Срезал мясо с голеней, бедер, рук... Стал варить суп, варил и днем и ночью, пытался есть это мясо, хотя подташнивало, — так приказывали голоса. Кости положил в пакеты, туловище в сундук, голову и внутренности — в мешок. Печень, сердце, легкие варил... Кровь вытирал, так подсказывали голоса».

В своих последующих показаниях признавал содеянное, но о себе давал противоречивые сведения. Высказывания его были непоследовательны, нелогичны, в некоторых отмечалось совмещение условного и конкретного смыслов, часто встречались витиеватые, символические, полисемантические, а иногда и лишённые смысла обороты. Он настаивал, что «сделал все, что приказывали голоса», что сам он «постоянно находится под давлением, под воздействием лекарств, уколов». У него «путаница в голове, может, это все и приснилось». Он сообщил, что «слышит голоса разные — и женские, и мужские, они постоянно присутствуют... могут не только приказывать, но и управляют телом, рукой... подсказывают правильные выражения» и «все время ругаются» с ним. Когда они «приказывают, то поведение подчиняется этим голосам», он «даже не задумывается», «все получается автоматически, есть такая аппаратура — один пишет, другой диктует... приказать могут любое — смотря для кого плохое, а для кого именно это является хорошим».

О себе Нестеров сказал: «Я — тот, который исполняет, действую непроизвольно, мне навязаны действия». Рассказал, что в квартире потерпевшего ему «в глаза бросились людоедские башмаки с зубами, вид был страшноватый... людей в таких башмаках называли людоедами и пугали друг друга». Воздух «был нехороший, запах от человека... показалось, что мужчина чем-то болен». Сообщил также, что у потерпевшего «одна беда — аппетит большой на выпивку, а мне — я люблю покушать». но «аппетит был одинаковый, только у меня свой, а у него — свой». Утверждал, что Белов «через каждые полчаса менялся, был то добрый, то злой... голоса говорили, что надо его убить, а затем расчленивать». Ему казалось, что с ним «раньше такое уже происходило, что все это уже видел и делал».

На вопросы Нестеров ответил, что употреблял человеческое мясо в первый и единственный раз. Но однажды, 20 лет назад, когда ел мясо, ему показалось, что вид его «необычный, возможно, это была человечина». На вопрос, как оценивает совершенное, ответил: «Ужас, как можно так жить, а если брать другую точку зрения — ФСБ, КГБ, то скажут, правильно, так и нужно делать». О себе сообщил, что ни разу не был женат, «с женщинами никогда половых отношений не было, мужчины в половом плане тоже не интересуют».

При проведении экспертизы в ГНЦ им. В. П. Сербского был негативистичен, нелеп, гримасничал, посмеивался, отворачивался. Парамимичен, жестикуляция вычурная, стереотипная. Подолгу удерживал занятую позу. Ни на один вопрос не ответил по существу, говорил туманно, с многозначительными, малопонятными намеками: о «печках», которые «надо бы починить», «мосточках», которые «чадо построить». Фразы при грамматической правильности временами были лишены смысла.

Сведения о себе давал неполные, зачастую противоречивые, причем о себе говорил в третьем лице, называя «людоедом». Сообщил, что трудно отвечать на вопросы, так как через его голову «проходят радиоволны, которые двигают руками, ногами, вызывают неприятные ощущения», постоянно слышится «разноголосица» — приказы, брань, «хула», которые «сбивают с толку». Спрашивал, зачем отвечать на вопросы, если врач «слышит то же самое». Просил «отключить приемник в голове». Себя характеризовал замкнутым, молчуном — «люди как люди, а я сам по себе». Утверждал, что в детстве слышал «голоса, точнее, напевы и мотивы», которые мешали учиться в школе. «Управляющие голоса» появились в последние годы. О мотивах убийства говорил противоречиво — то «испугался», так как потерпевший «приказал снять штаны и сказал, что нарядит в юбку», то «увидел страшные волосатые ноги и людоедские башмаки с зубами», то вообще заявлял, что тот «сам себя убил, сварил и съел из жадности и коварства». Раскаяния не выражал — «что приказали, то и сделал... и правильно», поскольку потерпевший «загубил всех своих жен и у него было много квартир». На вопросы о своей дальнейшей судьбе заявлял, что «все ждет Людмилу», напевно, монотонно повторял, «нанизывая» слова: «Людоед и Людмила, людям мила, пойдем в малинничек, там малиновки, малинка, маленькие».

Нестеров амбивалентен, мышление у него разорванное, паралогичное, с элементами вербигирации, бессвязности. Эмоционально выхолощен, парадоксален. Критические возможности отсутствуют. В отделении был бездеятелен, целыми днями лежал в постели в одной позе с открытыми глазами, ничем не интересовался, ни с кем не общался.

При экспериментально-психологическом исследовании практически не вступал в контакт, нарочитость поведения и

высказываний сочетались с нелепостью, непоследовательностью суждений, периодическими ответами не в плане заданного. Отмечались эмоциональная измененность, неадекватность реакций при их уплощенности. Обнаруживалась выраженная мотивационная неустойчивость с аутохтонными колебаниями. Единая линия поведения не удерживалась: отказываясь отвечать на вопросы и выполнять экспериментальные задания, заявляя, что он «людоед» и «основные вопросы» у него «на кухне», тем не менее на ряд вопросов ответил по существу, дал несколько более подробные объяснения на замечания экспериментатора. Себя характеризовал спокойным, любящим помолчать и предпочитающим находиться в одиночестве. Сообщил, что несколько лет назад у него появились «голоса и радиоволны», которые требуется отключить, так как «радист и людоед несовместимы». Каких-либо других особенностей у себя не отмечал. Таким образом, в связи с практической недоступностью испытуемого продуктивному контакту, проведение ЭПИ в полном объеме не представлялось возможным.

Экспертная комиссия пришла к заключению, что Нестеров страдает хроническим психическим расстройством в форме параноидной шизофрении, а поэтому должен быть признан невменяемым.

Для Нестерова, находящегося в состоянии шизофренического психоза, охваченного болезненными галлюцинаторными переживаниями, которые заслоняют от него объективную реальность, уродливо искажают содержание его сознания и самосознания, лишая его способности адекватно оценивать как окружающее, так и происходящее внутри своего собственного «Я», уже не существует прежней системы ценностей.

В этом состоянии он не знает запрета на употребление в качестве еды человеческого мяса, не ощущает разницы между ним и другой пищей, тем более что так велели голоса (при том, что ребенком он был весьма избирателен в пище и крайне брезглив). Он исполняет требования «голосов» практически без сопротивления, не испытывая ни страха, ни колебаний, легко преодолевая отвращение. Оставшись в квартире убитого, он начал поедать его практически сразу как обыкновенное мясо и делал это в течение нескольких дней, не обращая внимание на омерзительный трупный запах настолько сильный, что

соседи по дому были вынуждены обратиться в милицию. Он не выходил из дома для покупки продуктов, в этом не было необходимости — «продукт» находился в квартире. Голоса делали желание съесть части трупа компульсивным, непреодолимым влечением.

Иногда каннибализм носит воображаемый характер. В этих случаях он является не только формой проявления агрессии, но и, возможно, одним из этапов формирования каннибальского поведения (идеаторной фазой), предшествующей реализации зародившегося влечения. В этой связи можно привести следующий пример.

Некто Баринов обвинялся в том, что вместе с братом совершил убийство девушки и ее возлюбленного, чтобы доказать себе, что они могут это сделать. Нанеся жертвам многочисленные удары ножом и топором, Баринов затем перерезал горло девушке и стал пить ее кровь.

О Баринове известно, что он рос обособленным, плаксивым, сверстники его часто обижали. В детстве перенес неоднократные ушибы головы (падал, в голову попадали брошенные камни, перенес удар качелями). Стационарно по поводу травм не лечился. С раннего детства и до настоящего времени заикается, особенно при волнении. В детстве часто снились страшные сны, чудовища, боялся темноты, но матери не жаловался. В 8-летнем возрасте в окне «увидел окровавленную голову чудовища», после чего стал заикаться еще больше. В школу пошел с 8 лет, учился на «3» и «4». Плохо переносил жару, духоту, школьные нагрузки. На уроках отвлекался, быстро уставал. По характеру впечатлительный, послушный, в то же время «не такой, как все — замкнутый, особенный». Считал, что окружающие к нему «плохо относятся, не понимают», так как ему «трудно выразить мысль». Злопамятен, часто представлял себе, как мстит обидчикам. От этого поднималось настроение, становилось «веселее».

В подростковом возрасте полагал, что у него имеется множество физических дефектов, думал о пластических операциях. Себя «не любил», считал «трусом, ибо не мог постоять ни за себя, ни за друзей». Думал о самоубийстве, представляя себе, как вешается, топится. Но реализовать самоубийство «не хватало духа». С дошкольного возраста мучил змей, лягушек, птиц — душил, подбрасывал, разбивал о камни — «было интересно смотреть, как они умирают», разрезал их, чтобы

посмотреть «как устроены внутренности». С 10-летнего возраста стал пробовать на вкус свою кровь, отчего получал удовольствие. Любил кошек, восхищался тем, что они «хищные, грациозные и ласковые». Тем не менее убивал их за то, что они «таскали цыплят». В подростковом возрасте убил свою любимую кошку, когда та заболела — «из жалости, чтобы не мучилась». Череп ее выварил, раскрасил и оставил себе на память. С 14-летнего возраста изменился по характеру — стал задумываться о смысле жизни, размышлять «о мироздании». Мечты и фантазии стали наплывать непроизвольно, не мог их остановить. Содержание их было мистическим, с многочисленными сценами смерти, насилия.

Занялся физическим самосовершенствованием, стал лучше учиться в школе, много читал, особенно фантастику, боевики. Любил смотреть фильмы ужасов, где «много крови и жестокости». Нравились герои бесстрашные и решительные, которые «могут безнаказанно убивать». Он много помогал родителям по хозяйству, а с 15-летнего возраста начал резать свиней и других домашних животных. По словам отца, сын «колол свиней профессионально, рука у него не дрожала». Втайне от родителей, пил кровь убитого животного или слизывал ее с ножа, «утоляя голод и жажду». В то же время стал наносить самоповреждения — уколы иглами, порезы ножом, при этом «испытывал боль и наслаждение».

С детства любил лепить из пластилина «разнообразную боевую технику», разыгрывал батальные сцены «уличные и космические», особенно тщательно вылепливал многочисленные фигурки раненых и убитых. В 17 лет прекратил лепить, так как «появилось новое развлечение — начал думать об убийствах». Представлял себе, как убивает и расчленяет тела обидчиков, убивает своих родителей топором или косой за то, что они «ссорятся и мешают ему». С 16 лет он начал мастурбировать, спустя год мастурбация приобрела насильственный, непреодолимый характер — «даже когда было неприятно, не мог остановиться». Он представлял, как насилует девушек (в том числе и свою сестру), маленьких девочек, а потом убивает их, пьет кровь, расчленяет труп и поедает плоть. При этом испытывал оргазм.

Теперь попытаемся определить общую концепцию причин каннибализма.

Как уже отмечалось выше, каждый акт каннибализма свидетельствует об отрицании наиболее важного запрета — употреблять в пищу человеческую плоть. Следовательно, нарушение его представляет собой крушение цивилизации. Совершая людоедство, человек тем самым возвращается в древнейшие времена, когда первобытные дикари поедали себе подобных как обыкновенную пищу. Это было обусловлено как общей недостаточностью пищевых ресурсов, что грозило голодной смертью, так и тем, что дикарь не выделял себя из среды других человеческих существ, да и из природы в целом.

Явления названного возврата можно наблюдать на различных уровнях и в разных формах. Например, на глобальном уровне — в появлении и функционировании тоталитарных режимов (нацистского, коммунистического и т. д.), на индивидуальном — в архаическом поведении, воссоздающем древнейшие формы индивидуального и группового поведения. Их можно видеть во многих разбойных нападениях, особенно ночных, в похищениях людей и некоторых других достаточно распространенных поступках. Каннибализм — в их ряду.

Сказанное дает основания предположить, что в индивидуальной психике, в пока еще неизведанных ее глубинах, сохранился невспоминаемый и бессознательный коллективный опыт, который по архетипическим механизмам передается из поколения в поколение. Он необходим для возникновения и реализации «синдрома возврата», но его недостаточно. Должны сложиться нужные условия: острый общесоциальный кризис (например тот, который предшествовал установлению нацистской диктатуры в Германии или большевистской в России), столь же острый индивидуальный (например, у опустившихся личностей, которые, подобно их далеким предкам, ничего не производившим и собиравшим съедобные корни и ягоды, сейчас копаются в городских мусорных контейнерах). К числу патогенных условий можно отнести и психические болезни, одним из проявлений которых является отрицание достижений цивилизации в весьма широком диапазоне — от пренебрежения личной гигиеной до агрессии, порой смертельной. Напомним в этой связи, что агрессия чаще встречается среди лиц с расстройствами психической

деятельности, чем среди психически здоровых. Каннибалы, как правило, насильственно лишают жизни свои жертвы.

Регресс личности в клинической синдромологии в соответствии со шкалой степеней тяжести рассматривается как тяжелое дефицитарное расстройство, за которым следуют амнестические расстройства, тотальное слабоумие и полный распад психики — маразм. Николаев, Нестеров и Баринов — душевнобольные люди, у которых психические расстройства (шизофрения, органическое расстройство) привели к нарушению произвольной волевой деятельности, т. е. к способности сознательного целенаправленного управления своими действиями, произвольного контролирования инстинктов и побуждений. Произошло искажение как последовательности этапов волевого процесса (побуждение, осознание цели, стремление достичь ее, борьба мотивов, осуществление решений), так и содержания инстинктивных влечений и мотивационной сферы.

У Николаева, играющего и беседующего с мертвыми телами, выбравшего в качестве сексуального объекта маленькую девочку, явно потеряно различие между мертвым и живым, женским и детским. У него имеет место так называемая деперсонализация партнера. Между тем, согласно исследованиям М. Коул (1997), даже у новорожденных существуют некоторые врожденные стержневые когнитивные структуры, протознание, в число которых входит и различие одушевленного и неодушевленного. Здесь также можно говорить о катастрофе самосознания. Распознавание одушевленных и неодушевленных объектов относится к одной из первичных способностей, поэтому нарушение ее (которое происходит при каннибальском акте) будет означать наиболее серьезный когнитивный и эмоциональный дефект, катастрофу сознания и самосознания.

Одной из особенностей личности людоедов-некрофилов является деперсонализация других людей. Это вытекает не только из наших исследований, но из работ других авторов. Так, А. А Ткаченко пишет, что в рисуночных методиках указанных лиц проявляется такой феномен, как изображение людей, лишенных в прямом смысле одушевленности или признаков жизни (например, при задании «Рисунок человека» изображают труп с маскообразным лицом и глазами без зрачков и т. п.)^[8]. Значит, у некрофильских личностей, в

том числе каннибалов, наблюдаются существенные искажения восприятия образа другого человека. Он для них так сказать уже заранее мертвый. Эту же мысль можно выразить иначе: некрофил видит в живом человеке мертвого, что существенно облегчает его убийство: убийца приводит человека в соответствие с тем, каким он бессознательно его воспринимает. Механизм деперсонализации выступает в качестве способа, облегчающего реализацию девиантных способов агрессивности.

1.4. Чикатило — классический случай сексопатологического каннибализма

Я не буду вникать в отдельные эпизоды преступлений Чикатило и подробно описывать их^[9]. Это уже давно сделано, и я отсылаю читателя к соответствующим книгам и статьям, предупредив, что большинство из них лишь обывательское чтиво, рассчитанное на то, чтобы поугубить читателя. Попытаюсь объяснить казалось бы необъяснимое — людоедские действия преступника, чьи поступки буквально потрясли людей. Но прежде всего расскажу о нем самом — с его слов и по материалам уголовных дел. Собственно, без такого рассказа не обойтись, без него нельзя понять его и его жизнь.

Отечественный потрошитель — Чикатило Андрей Романович — родился в Сумской области. Родителям к моменту его рождения было более 30 лет. Отец по характеру был активным, деятельным, «боевым», часто рассказывал сыну о войне, о том, как он был в концлагере, при этом плакал. Мать — мягкая, добрая, религиозная.

Детство его проходило в тяжелых условиях, семья голодала. До 12-летнего возраста страдал ночным энурезом, в школьные годы дважды лечился по поводу ушибов головы. С детства был робким, замкнутым, стеснительным, близких друзей не имел, отличался мечтательностью, впечатлительностью и склонностью к фантазированию. Порой с ужасом вспоминал окровавленные куски мяса, лужи крови, части трупов, которые он видел во время войны. В период голода в 1946–1947 гг. опасался, что его тоже могут украсть и съесть, не отходил далеко от дома. Однажды в детстве видел, как мать вправляла сестре выпавшую прямую кишку и обрабатывала область половых органов, испытал чувство неприязни, в дальнейшем, вспоминая этот эпизод, долго испытывал страх.

Учеба давалась с большим трудом, приходилось много времени уделять домашним занятиям. Оставался замкнутым, необщительным, сдержанным, молчаливым, «отчужденным», как считали окружающие, «в нем было что-то отталкивающее», участия в общих играх он не принимал. Стал объектом насмешек и издевательств после того, как одноклассники заметили, что во время мочеиспускания у него не

открывается головка полового члена, стали дразнить «бабой». Переживал из-за близорукости — опасался, что его будут дразнить очкариком. Много времени уделял общественной работе, был председателем учкома, бессменным редактором стенгазеты, чертил плакаты и таблицы для оформления классных комнат.

Много читал, больше всего нравились книги о партизанах, боготворил «Молодую гвардию», после прочтения романа появилась почти зримая мысль о том, как он берет «одинокую языку» и, выполняя приказ командира, связывает и бьет его в лесу. В более старшем возрасте читал труды Маркса, Энгельса, Ленина.

С девочками не дружил, всегда сторонился их. Влечения к сверстницам не испытывал, считал, что это «позорно». Написал клятву о том, что никогда в жизни не дотронется до чьих-либо половых органов, кроме своей жены. Считал, что науки и труд — единственное средство, чтобы избавиться от «низменных побуждений» и преодолеть свою «неполноценность». В 17 лет из любопытства совершил акт мастурбации, который происходил на фоне ослабленной эрекции, продолжался около 5 минут и сопровождался бледными, неяркими оргастическими переживаниями. С 17-летнего возраста отмечает спонтанные утренние эрекции. В 10-м классе влюбился в девочку-сверстницу, нравилась ее мягкость, женственность, но в присутствии девушек робел, терялся, не знал, о чем с ними говорить, мечтал о такой любви, о которой пишут в книгах. Однажды, когда вечером в селе обнимались парни и девушки, он тоже «из интереса» обнял девушку, которая ему нравилась, когда она стала в шутку вырываться, произошло семяизвержение, хотя полового возбуждения до этого не испытывал.

После школы не прошел по конкурсу на юридический факультет МГУ, поступил в училище связи. По комсомольской путевке уехал на Северный Урал, работал на линейно-техническом узле связи. Обращал на себя внимание крайней неряшливостью в одежде. Неоднократно пытался совершить половые акты с различными женщинами, но из-за слабости эрекции попытки были неудачными. Впервые появились периоды сниженного настроения, если раньше он обычно был бодрым, жизнерадостным, целеустремленным, то с 18–19-летнего возраста стал часто задумываться о своей неполноценности, переживал, что он «не такой, как другие», порой возникали мысли о самоубийстве.

Продолжал много учиться, поступил на заочное отделение электромеханического института, что оценивал как реванш за свою неудачную жизнь. Несмотря на периодические спады настроения, оставался активным, считал, что должен посвятить жизнь строительству коммунизма.

Боролся с несправедливостью, писал жалобы, если сталкивался с какими-либо недостатками или со случаями неправильного к себе отношения. С 1957 по 1960 гг. служил в войсках КГБ, вступил в партию. Переживал из-за насмешек сослуживцев по поводу женской талии и груди, очень этого стеснялся, в армии имел первые пассивные гомосексуальные контакты, по его словам, насильственные. Изредка мастурбировал, при этом эрекции полового члена не было, семяизвержение сдерживал, так как считал, что это вредно. Половое возбуждение изредка возникало во время занятий физкультурой, когда лазил по канату, однако всегда подавлял его, эрекция в эти моменты также не возникало. Когда сослуживцы предлагали познакомиться с какой-нибудь женщиной, отказывался, предпочитая читать общественно-политическую литературу и слушать радио. Ухаживая в 25-летнем возрасте за девушкой, производил на нее впечатление ласкового, доброго, нежного влюбленного, он никогда не применял насилия; дважды при попытке совершения полового акта, потерпел неудачу. Когда девушка шутя стала вырываться от него, при отсутствии эрекции произошло семяизвержение. Переживал из-за своей неудачи. Испытывал тоску, возникали мысли о самоубийстве, так как считал, что девушка расскажет всем, что он импотент. В дальнейшем «чтобы избежать позора», решил уехать из села.

С 27 лет состоит в браке. С будущей женой познакомился с помощью своих родственников. В семье обычно жена «командовала всем», а ему нравилось ей подчиняться и во всем ее слушаться. Жена характеризует его замкнутым, немногословным; он очень любил детей много играл с ними. Хотел иметь много детей, после аборта расстроился, ругал ее, говорил, что врачи разорвали и убили его ребенка. Несколько раз у него наблюдались обморочные состояния, когда приходил в себя, самочувствие его было нормальным. С первых дней их совместной жизни жена отмечала у него половую слабость, он не мог совершить половой акт без ее помощи. До 1984 г. он совершал с ней половые акты не чаще одного раза в 2–3 месяца, на протяжении

последних 6–7 лет в интимные отношения не вступал, если она выражала недовольство, устраивал скандалы.

Сын Чикатило сообщил, что его отец всегда был экономен, скуповат, равнодушен к красивым вещам, в то же время не мог расстаться со старым ненужным хламом. Характеризует его честным, порядочным, «справедливость для него была превыше всего». Много времени отдавал работе, очень редко использовал положенные ему отпуска, при этом говорил, что «без него работа встанет, с ней не справятся, без него не обойдутся», для своих детей он был самым уважаемым человеком. Вместе с тем сосед сообщил, что его сын, когда подрос и учился в 7–8 классе, относился к отцу презрительно, называл «козлом», иногда даже бросался на него драться, однако Чикатило на это никак не реагировал. Со слов сына известно также, что его отец очень боялся крови, при виде ее бледнел, казалось, что он вот-вот потеряет сознание. Дочь также характеризует его добрым, спокойным, он имел страсть читать газеты и смотреть телевизор, очень любил детей. Первый зять говорил о нем как о добром, сильном, умном, отзывчивом, честном, эрудированном человеке, особо отмечает его отношение к детям — без всякого напуска и фальши, он их никогда не бил, не наказывал. Двоюродная сестра, а также родственники его и его жены характеризуют его спокойным, нормальным человеком.

После окончания Ростовского университета (филологического факультета) работал в различных учебных заведениях. Первое время работал с большим интересом и желанием, тщательно готовился к занятиям, однако не мог обеспечить порядок на уроках, ученики издевались над ним, открыто курили в классе. Были случаи, когда он, возвращаясь после урока в учительскую, терял сознание. Переживал из-за того, что не справляется с педагогической деятельностью, плохо спал по ночам, испытывал чувство «внутреннего напряжения и дискомфорта». По отзывам коллег, был «какой-то странный», вяловатый, замкнутый, отношения с детьми у него не складывались. Ученики прозвали его «Антенна» за то, что он мог простоять целый урок, заложив руки за спину ничего при этом не говоря, серьезно его не воспринимали, посмеивались над ним. Казалось, что он «не на своем месте», единственным его увлечением было чтение газет.

Ряд сотрудников и учащихся подчеркивали его «нездоровый интерес к девочкам, он к ним прижимался, стремился дотронуться.

Постоянно, где бы ни находился, ощупывал свои половые органы. Друзей практически не имел, за исключением нескольких человек, дома у него никто не бывал, с соседями был малоразговорчив. Уже с 1973 г. было известно, что в школе он приставал к уборщицам и ученицам, соседи видели, как он приводил домой двух девочек. Когда его племяннице было 5–6 лет, он, оставшись с ней наедине, дотрагивался до ее половых органов, а в дальнейшем неоднократно уговаривал ее вступить с ним в половую связь. Был замечен в совершении сексуальных действий с детьми, живущими по соседству.

Сослуживцы часто видели его на железнодорожном вокзале, однако он проходил мимо, делая вид, что не узнавал их. В поезде и на вокзале никогда не стоял на месте, все время ходил, как бы в поисках кого-то. Сосед тоже часто встречал его в электричке, Чикатило ходил по вагонам, казалось, что он кого-то ищет.

Чикатило пояснил, что, еще когда работал воспитателем в СПТУ, у него постепенно сформировалась потребность «удовлетворять свои половые инстинкты по-разному». Первый эпизод, когда он дотрагивался до половых органов одной из учениц на пляже, объясняется не желанием получить половое удовлетворение, а «минутным порывом», «интересом»: увидев, что девочка зашла далеко в воду, он стал выгонять ее и при этом несколько раз дотронулся до ее ягодиц. Когда она стала кричать, возникло желание, чтобы она закричала громче, появилось возбуждение; семяизвержение произошло без эрекции. После этого почувствовал успокоение, улучшилось настроение. В дальнейшем, оставшись после уроков наедине с одной из учениц, внезапно почувствовал возбуждение и одновременно раздражение из-за того, что она была «ленива и туповата». Несколько раз ударил ее по ягодицам, пытался залезть под одежду, когда она вырывалась, произошло семяизвержение.

Постепенно почувствовал, что у него появилась потребность в сексуальных контактах с детьми. Получал сексуальное удовлетворение также от того, что в общественном транспорте прижимался к молодым девушкам и женщинам. Девочки также привлекали его внимание: хотелось их щупать, щипать. Когда работал в СПТУ, летом иногда зазывал их к себе на квартиру, трогал их половые органы, шлепал по ягодицам — это приводило в состояние возбуждения, но не всегда приносило половое удовлетворение. Специально не искал детей, но

если предоставлялся случай, не упускал его. Когда оказывался в интимной обстановке с детьми, им овладевала «какая-то необузданная страсть», потом стыдился своего поведения. Первое убийство, совершенное в 1978 г., объясняет тем, что незадолго до случившегося был избит учениками, потому опасаясь, что на него в любой момент могут наброситься и повторить избиение или даже убить, стал носить в кармане или портфеле перочинный нож.

Случайно встретив на улице маленькую девочку, почувствовал возбуждение, захотел увидеть ее половые органы, в этот момент ощутил сильную дрожь. Отведя ее в укромное место, набросился, стал рвать одежду, зажимал рот и сдавливал горло, чтобы не было слышно крика; остановиться в этот момент уже не мог. Вид крови привел его в еще большее возбуждение, произошло семяизвержение, испытал яркий, выраженный оргазм и сильнейшую психическую разрядку, «как будто освободился от цепей». Вместе с тем понимал, что совершил убийство, сбросил труп в реку. В последующем опасался выходить по вечерам из дома, чтобы не повторить подобные действия. Постоянно вспоминал, «как залез руками в половые органы девочки», а, когда оказывался в уединенном месте, тяга вновь пережить подобные ощущения усиливалась.

Второй эпизод произошел в 1981 г. с девушкой, которая на автовокзале подходила к мужчинам и предлагала вступить в половую связь за деньги или спиртное. Вместе пошли в рощу, где девушка предложила ему совершить половой акт, однако не мог «привести себя в состояние возбуждения», им в этот момент овладела сильная ярость, вытащил нож и стал наносить ей удары. Когда увидел вспоротое тело, вновь произошло семяизвержение. Такое происходило всегда при совершении последующих убийств. Когда убивал женщин, возникало желание проникнуть в брюшную полость, вырезать половые органы, рвать их руками и разбрасывать, все свое бешенство срывал на половых органах жертв.

В ряде случаев затруднялся вспомнить точный день и место убийства, так как они стали для него «почти рядовым явлением». Находил своих жертв на вокзалах, на улицах, в электричках и аэропортах. Когда знакомился с будущей жертвой, обычно предлагал различные подарки. При отказе ребенка или женщины от знакомства на своем не настаивал. Никого из жертв ранее не знал. Поскольку

легче было договориться с неполноценными женщинами и бродяжками, то именно на них он и останавливал свой выбор. Нередко они сами предлагали ему вступить с ним в половую связь, его всегда удивляло, с какой легкостью они соглашались идти с ним, их «притягивало, как магнитом». Встречая жертву, все время надеялся, что ему удастся совершить с ней нормальный половой акт, но для подстраховки все же уводил ее в отдаленные места, чтобы в случае неудачной попытки «скрыть свой позор, убив жертву». Чаще всего знакомился с жертвами, чтобы удовлетворить свои половые потребности, каким образом это произойдет — не планировал. «однако, зная себя, допускал, что в процессе полового акта может пойти и на убийство».

Познакомившись с женщиной или подростком, предлагал пойти в отдаленное место под благовидным предлогом. Иногда приходилось идти довольно далеко, при этом избегал смотреть жертве в глаза. По дороге обычно задавал вопросы о том, где они живут, учатся, работают. Особую ярость вызывали их требования немедленного совершения полового акта, а он не мог этого сделать, так как для возбуждения ему надо было увидеть кровь, а следовательно, нанести жертве повреждения. Перед тем, как наброситься на жертву, ощущал сухость во рту, всего трясло. При виде крови начинался озноб, «весь дрожал», совершал беспорядочные движения. Кусал жертве губы и язык, у женщин откусывал и проглатывал соски. В ряде случаев отрезал у потерпевших нос и заталкивал его в рот жертве. Ножом у женщин вырезал матку, а у мальчиков — мошонку и яички, матку и яички кусал зубами, а потом разбрасывал, что доставляло «звериное» удовольствие и наслаждение. В ряде случаев, когда убивал мальчиков, отрезал им яички, вспарывал живот и вытаскивал кишки. Когда вспарывал женщинам животы и добирался до маток, возникало желание «не кусать, а именно грызть их; они такие красные и упругие».

Чикатило рассказывал, что во время знакомства и затем в период преступного нападения он действовал как заведенный. Присущая ему стеснительность исчезала, как только он видел того или ту, на которых можно было бы напасть. Его начинало трясти, что-то накатывало, но старался ничем это не показать, что почти всегда удавалось. За день-два до очередного преступления и непосредственно перед его

совершением ощущал острую потребность мучить, заставлять страдать, резать, унижать. Если жертва сопротивлялась, то это еще больше возбуждало и заставляло мобилизоваться, убийца и насильник становился активнее и агрессивнее.

На жертвы Чикатило нападал внезапно, после мирного разговора, беспорядочно наносил удары ножом либо камнем или душил, лез руками в половые органы и задний проход, разрывал или разрезал их, отрезал груди, губы, нос, кончик языка, соски, яички (у мальчиков), в большинстве случаев вырезал половые органы, расчленял трупы, копался во внутренностях. Иногда глотал кончик языка, матку, яички и иные небольшие части тела («я свое бешенство срывал на половых органах жертв»), но ни с одной из них не мог (по причине импотенции) совершить половой акт. Однако почти во всех случаях происходило семяизвержение или, как уточнил сам убийца, семявытекание, причем довольно вялое, что нередко приводило его в еще большее бешенство. В попытке имитировать половой акт вытекшую сперму брал на кончик пальца и заталкивал ее во влагалище, в задний проход или рот жертвы. Часто наносил ножевые ранения в глазницы.

Нападения он совершал, как правило, в лесу или лесополосе и всегда в местах, где мог надеяться на отсутствие третьих лиц. Но были исключения. Так, одно из первых убийств (девочки 10 лет) произошло в глубине двора пригородного дома, куда он обманом увел ребенка. При выборе места совершения преступления Чикатило часто действовал инстинктивно, но инстинкт ни разу не подвел его. Вообще выбор самого места нападения был для него очень важен, поскольку на этом месте он должен был не только убить, но и произвести целый ряд манипуляций (раскромсать тело, вскрыть внутренности, отрезать половые органы и т. д.). Все это требовало времени и немалого, при этом, что не менее важно, ему никто не должен был мешать. Как мы видим, этот преступник точно выбирал не только жертву, но и место, и время совершения своих кровавых деяний.

Как установлено комиссией психиатров НИИ общей и судебной психиатрии им. В. П. Сербского, Чикатило хроническим психическим заболеванием не страдает, хотя и обнаруживает признаки психопатии мозаичного круга с сексуальными перверсиями, развившейся на органически неполноценной почве. На это указывают данные анамнеза

о наличии у него врожденной церебрально-органической недостаточности, проявлявшейся в диспластичности, близорукости, ночном недержании мочи, а также в выявившихся в подростковом возрасте признаках гипоталамического синдрома со склонностью к обморочным состояниям, нарушению биологической базы формирования сексуальности.

На фоне указанных расстройств в детском возрасте сформировались патохарактерологические особенности в виде замкнутости, ранимости, повышенной тревожности, склонности к фантазированию. В условиях психогенно-травмирующих ситуаций к указанным расстройствам легко присоединялись невротические и сверхценные расстройства, что проявлялось в форме детских страхов, юношеской эндореактивной дисморфомании (убежденности в собственных физических недостатках), сутяжной деятельности, а также эффективных колебаниях преимущественно в сторону тревожно-дистимических расстройств настроения. В подростковом возрасте на фоне явлений психического инфантилизма у испытуемого выявились нарушения психосексуального и полового развития которые выражались в нарушении биологической базы сексуальности (ослабленном половом влечении, недостаточности эрекций) и задержке психосексуального развития с фиксацией на эротической фазе формирования сексуальности и склонностью к эротическому фантазированию садистического характера.

В дальнейшем на фоне явлений нарушения гетеросексуальной адаптации произошло формирование сексуальных перверсий, которые на ранних этапах (до 1978 г.) проявлялись в виде частичной реализации садистических фантазий на педоэфебофильных объектах (т. е. в связи с детьми и подростками), эпизодов фроттажа (трения половыми органами о разные части тела, в том числе о половые органы) и визионизма (влечения к подглядыванию за половым актом или обнаженными представителями противоположного пола).

В последующем наблюдалась прогрессирующая динамика синдрома сексуальных перверсий с полной реализацией садистического влечения, некросадизма и каннибализма. Реализация влечения сопровождалась аффективными нарушениями депрессивно-дисфорической структуры, брутально-дисфорическим, всесокрушающим разрядом при реализации насильственных актов,

астеническими проявлениями. Данный диагноз подтверждается также и результатами клинико-психиатрического обследования, выявившего наряду с органической неврологической симптоматикой, эндокринной дисфункцией, а также сексуальными расстройствами такие личностные особенности, как замкнутость, ранимость, сензитивность (повышенную восприимчивость), ригидность и обстоятельность мышления, эмоциональную маловыразительность, слабодушие.

Для того чтобы понять причины из ряда вон выходящих злодеяний Чикатило, в том числе людоедство, необходимо соблюсти два условия: во-первых, постоянно иметь в виду особенности его личности и прожитой жизни (поэтому в дальнейшем я буду вновь к ним возвращаться); во-вторых, проникнуть в глубинный, тайный смысл совершенных действий, смысл, во многом непонятный даже для него самого, и должным образом определить значимость названных действий, их символику.

Вернемся к биографии Чикатило. Он не удержался на работе, соответствующей полученному им профессиональному образованию. Был членом КПСС, но в связи с арестом по обвинению в хищениях его исключили из партии, т. е. утратил даже и такое формальное социальное признание, как членство в рядах господствующей партии.

Как представляется, два обстоятельства все время тормозили его социальное продвижение. Во-первых, у многих людей он вызывал сильнейшую антипатию и неприятие. Он сам говорил: «оскорбляли меня на работе все: и простая девчужка, и начальник». Однажды он пришел к начальнику с заявлением об очередном отпуске, но тот не только не разрешил, но и избил его. Во-вторых, Чикатило вступал в ненадлежащие контакты с учениками, а с некоторыми — в гомосексуальные, причем в пассивной роли. Кстати, ученики его тоже били, а директор оскорбил при учениках. Пассивным гомосексуалистом он был в армии, затем в следственном изоляторе, когда велось следствие о хищениях, в которых его обвиняли. Однако отношение к нему членов его семьи — жены, сына и дочери — было несколько другое. Первая отмечала, что он «никогда нас пальцем не тронул, головы курам рубил, но очень плохо у него получалось». Но напомним, сам Чикатило рассказывал, что иногда жена называла его ничтожеством и довольно часто — импотентом, что соответствовало действительности (она показала на допросе: «Не мог совершить

половой акт без моей помощи. Со временем половая слабость стала еще заметнее. Последние 6–7 лет у нас вообще не было половых отношений»).

Еще лучше отзывалась о Чикатило его дочь: «Папа добрый, спокойный человек, имел страсть читать газеты и смотреть телевизор. Вел здоровый образ жизни, не курил, спиртным не злоупотреблял. Очень любил детей, никаких странностей я у него не замечала».

Эти две характеристики показывают, что «добрый, спокойный» человек оборачивался зверем лишь в строго определенных случаях — в отношении своих сексуальных жертв, причем соответствующие ситуации готовил сам. Во всех остальных обстоятельствах он пассивен и подчинен настолько, что не может дать сдачи никому из своих обидчиков — на работе, в семье, армии, местах лишения свободы, во время случайных конфликтов. Более того, во многих отзывах о нем отмечаются его вежливость и предупредительность, что можно расценить как его стремление предпринять упреждающие шаги, чтобы не вызвать никакой агрессии против себя из-за страха перед ней. Отношение к жене и детям связаны, по-видимому, с чувством вины перед ними, которым, он, по его словам, не смог обеспечить достойного существования.

Обиды и удары судьбы он испытывал всегда и как бы коллекционировал их: провалил вступительные экзамены на юридический факультет, хотя мечтал стать следователем или прокурором, что хорошо увязывается с его поисками справедливости и агрессивностью; у него была выраженная половая слабость, а в последние годы наступила полная импотенция; его использовали в качестве пассивного партнера в гомосексуальных контактах, к чему, правда, он и сам бессознательно стремился, но все-таки оценивал как унижение; для него не находилось работы, которой, по его убеждению, он достоин; его все время унижали по мелочам, например, перед одним из окон его квартиры поставили во дворе общественный туалет, а перед другим вырыли котлован для гаража; ему не давали сносное жилье, и он с семьей ютился в одной комнате без удобств; незаконно осудили за хищение, которое он якобы совершил, и многое другое.

Чикатило перенес несколько травм черепа, что не могло не сказаться на личности, на развитии его раздражительности, злобности, нетерпимости. По своему складу он относится к эпилептоидному типу

с характерными жестокостью, злопамятностью, застреваемостью психотравмирующих эмоций.

Свои состояния до и во время нападения описывал следующими словами: «ничего с собой поделывать не мог; это доставляло мне неизъяснимое удовольствие; почувствовал, что если сейчас не нападу, то потеряю сознание; не могу сказать, с какой целью я это делал, но стоны, крики, агония давали мне разрядку и какое-то наслаждение». «Ничего с собой сделать не мог. Одну девушку, которую я повел лесом, я искромсал ножом. Меня всего трясло, произошло семяизвержение; при виде крови начинал бить озноб, весь трясся, совершал беспорядочные движения; я не обращал внимания на крики и стоны, не думал и о том, что меня могут поймать, я действовал как заведенный; резал, колот, бил не только жертву, но и ее одежду, деревья, кусты, траву, срывал и ломал ветки, разбрасывал части тела, иногда долго носил их по лесу и только потом закапывал, уносил с собой нос, груди, кончик языка, матку, кишки, выбрасывал их неохотно, а когда нес их, меня это успокаивало. Когда резал ножом, то покачивался, имитируя половой акт; после всего чувствовал себя обессиленным; уже ничего не интересовало, даже если, скажем, на вокзале милиция проверяла, чувствовал себя спокойно, но во время убийства был в полуобморочном состоянии. На половых органах срывал свое отчаяние, эти органы были причиной моего несчастья».

Анализ этих высказываний, да и других обстоятельств совершенных Чикатило убийств показывает, что во время совершения большинства из них он находился в экстатическом состоянии. Напомним, что под экстазом понимается болезненно-восторженное состояние, иступление. Это — иной уровень психики, когда человек как бы уходит от всего земного.

Экстаз переживают многие фанатики, особенно религиозные, и в таком состоянии они могут быть чрезвычайно опасны. В сильнейшем экстатическом состоянии находятся многие политические и этнорелигиозные террористы, погибающие вместе со своими жертвами. Состояния экстаза во многом могут быть схожи с аффектом; вообще провести границу между аффектом и экстазом не всегда просто и отнюдь не исключено, что иногда одно и то же явление определяется с помощью разных понятий. Во всяком случае для экстазов Чикатило характерны многие черты, свойственные

аффективными состояниями: забывание некоторых деталей, полное успокоение после совершенного. После каждого убийства, по его словам, он спал почти сутки, а потом на работе все время дремал.

Ради чего Чикатило впадал в экстаз или, говоря другими словами, доводил себя до состояния аффекта? Не следует думать, конечно, что все это проделывалось им сознательно. Но такое состояние было явно желательным для него. Как можно полагать, в эти минуты он полностью уходил из постоянно избивавшей его жизни, пребывал в состоянии эйфории и переживал удовольствие, даже наслаждение, чего был почти полностью лишен в реальной жизни. Иначе говоря, абсолютный переход на другой уровень бытия и является одной из причин того, что после каждой кровавой оргии он успокаивался и чувствовал себя счастливым, ему уже больше не хотелось. Все это давалось путем глобального уничтожения — людей, их одежды, растений и т. д., и именно уничтожение требовалось для этого отчужденного, замкнутого, погруженного в свои проблемы и переживания, в свой внутренний мир интроверта. Можно предположить, что ему даже нравилась эта его тайная жизнь, в которой он выступал полным господином. Следовательно, есть все основания считать Чикатило нарциссовой самолюбующейся натурой, причем больше асексуального плана, поскольку он никак не мог гордиться собой как самцом, а только как безжалостным мужчиной, своими руками создавшим себе иную реальность и долгие годы жившим в ней. В то же время сексуальные переживания занимали в его внутренней жизни ведущее место.

Моменты экстаза были ему неизъяснимо дороги еще и потому, что он, жалкий импотент и неудачник, всеми пинаемое ничтожество, жил в эти минуты полной жизнью, господствуя над другими. Неважно, что это были слабые женщины, иногда алкоголички, дебильные или подростки, они ведь носители жизни, представители рода человеческого, от которого он терпел одни унижения и оскорбления, который изгнал его. Но и в роли господина Чикатило оставался ничтожеством: некоторым мальчикам, которых обманом уводил в лес, связывал руки и объявлял, что он партизан и берет их в плен как «языков», причем во всех случаях говорил весьма знаменательную фразу — «я отведу тебя к начальнику отряда», после чего и начиналось дикое насилие. Как мы видим, даже здесь, в лесу, где он мог назваться

даже маршалом, этот человек брал на себя лишь рядовую роль, а командиром делал какого-то воображаемого, другого.

В целях объяснения причин кровавых преступлений Чикатило необходимо поставить вопрос о том, почему он так упорно стремился убивать с особой жестокостью, расчленять и кромсать трупы, съедать отдельные кусочки человеческого тела, носить по лесу отчлененные части и т. д. Надо искать в некрофилии этого преступника, свойственной, кстати, не только ему, но и другим жестоким, особенно сексуальным, убийцам. Этот преступник может быть отнесен и к сексуальным, и к асексуальным некрофилам, он — полный некрофил. Конечно, он не вступал в половые сношения с убитыми им людьми, но только в силу импотенции, однако, как будет показано ниже, разными способами пытался компенсировать свое половое бессилие.

Можно высказать еще одно очень важное предположение: он вызывал явную антипатию у знавших его людей в первую очередь потому, что был некрофилом, т. е. врагом всего живого, носителем смерти. Окружающие чувствовали это инстинктивно, хотя и не могли объяснить, почему так относятся к нему, но такое их отношение диктовалось цветом его лица, монотонной, неэмоциональной речью, всегдашним отсутствием улыбки, неумением и нежеланием шутить, всем его внешним обликом. Отнюдь не исключено, что многим Чикатило внушал страх и именно этим определялась агрессия к нему.

Он получал половое удовлетворение от агонии жертвы, от ее мучений, от расчленения ее тела, т. е. проявлял садистские наклонности. О таких людях теперь уже достаточно известно, включая, конечно, блестящий труд Э. Фромма о Гитлере. О сексуальной же некрофилии как сексопатологическом явлении написано еще больше.

Какой вывод можно сделать из прожитой этим человеком жизни, как он сам оценивает ее? Лучше всего послушать его самого: «Всю жизнь меня унижали, топтали, я отчаялся, я бесхарактерный, не мог защититься от ребят, помню, прятался в бурьяне, пока не придет мать. Они меня били из-за моей неуклюжести, замедленности действий, рассеянности. Называли растяпой, размазней, бабой, не мог я дать им сдачи. Был всегда худой, немного поправился только в армии. Детство помню, войну, убитых, кровь. Отец тихий, скромный, я больше похож на него. Он защищал меня, но не очень, поэтому я старался не

выходить на улицу. Я молился Богу, чтобы отец побыстрее вернулся из ссылки (после плена) и защитил меня. У меня еще старший брат был, его во время голода в 1933 г. съели в Сумской области, об этом мне рассказывали и отец, и мать. Я помню голод после войны, хоронили без гробов, я помню покойников. С мамой отношения... нормальные, в общем хорошие. Она никогда не наказывала, но и не ласкала, да и какие там ласки, когда на работе от зари до зари. Тогда все от голода вымирали, так что главная ласка была — кусок хлеба. После того, как я провалился на вступительных экзаменах на юрфак, домой не вернулся, было стыдно, стал жить один в Курской области. Мне было уже 24 года, когда я впервые переспал с женщиной, я ведь всегда их стеснялся, да и одет был плохо, очки носил. Я сказал "переспал"? Это не так, потому что у меня тогда ничего не получилось, и женщина стала надо мной смеяться. Через несколько лет я женился, и с женой было легче вступать в половую связь, потому что она мне спокойно помогала и не издевалась. Впрочем, в последние годы она говорила мне: "Идиот, походи лечись, тебе давно пора". Я уже много лет не вступал с ней в половые сношения».

Этот рассказ требует оценки и скрупулезного анализа.

Прежде всего отметим кровавый фон детства Чикатило — убитые, умершие от голода, покойники, кровь. Для понимания некрофильской природы этого убийцы чрезвычайно важное значение имеет тот факт, что ему с ранних лет было известно, что его старшего брата съели голодающие. Съедение человека для него — реальность, а не абстракция, как для подавляющего большинства людей. То, что до него дошло в рассказе, не играет существенной роли, поскольку поведали ему об этом отец и мать, к тому же о родном брате. Можно полагать, что это прочно осело в его психике и во многом направляло поступки, хотя он и не отдавал себе в этом отчета. Кроме того в детские, наиболее восприимчивые годы он вообще видел много покойников и смертей, смерть давно стала для него чем-то близким и понятным. Но он съедал части тела убитых им людей не по этой причине, хотя то, что люди во время голода занимались каннибализмом, могло облегчить его людоедское поведение.

Данное обстоятельство проливает свет и на другие чудовищные злодеяния «хозяина леса», как называл себя Чикатило, но, полагаем, только этим они вряд ли объясняются, поскольку многие некрофилы

не имели подобных детских впечатлений. В то же время, многие из тех, кто в детстве пережил подобные ужасные события, тем не менее не проявляли в дальнейшем никакой агрессии. Очевидно, что такие последствия могли наступить лишь в том случае, если перечисленные кровавые факты произошли в жизни именно такого человека, как Чикатило, и чья жизнь затем сложилась именно так, как она сложилась у него. Поэтому детские впечатления, особенно съедение брата голодающими, следует должным образом оценить в контексте объяснения поступков этого убийцы-некрофила.

Он был слаб и неуклюж, не мог защитить себя, и его сверстники чувствовали это. Родители же его совсем не защищали. Отец был «тихий, скромный», в нем Чикатило не мог найти даже психологическую опору. Мать, как можно заключить из его рассказа, занимала вроде как нейтральную позицию — не наказывала, но и не ласкала, а это позволяет предполагать ее равнодушие к сыну, что, конечно, было губительно для ребенка, особенно если его злобно преследовали другие мальчишки. Могут возразить, что в те суровые годы кусок хлеба был важнее материнской ласки, но с этим нельзя согласиться ни в коем случае, поскольку родительская любовь тем более нужна, поистине жизненно необходима как раз в тяжелые времена.

Вот почему с самых ранних лет у Чикатило возникает и закрепляется представление не просто о чуждости и непонятности, а о враждебности окружающего мира. Естественно, у него формируется страх быть уничтоженным, вполне реальная опасность за себя, иными словами — страх смерти. В этой связи следует подчеркнуть, что вся его последующая жизнь только укрепляла этот страх, поскольку состояла из непрерывной череды унижений, побоев, сексуального насилия, отчуждения от людей.

Страх смерти типичен для убийц. Это не клинический симптом, и его очень редко можно наблюдать в форме прямого, открытого высказывания самого человека. Этот страх быть уничтоженным связан с наиболее глубоким онтологическим основанием бытия личности — права и уверенности в своем существовании, в своей самоидентичности, автономии «Я от не-Я». Подобный страх почти всегда бессознателен, но он создает личностную диспозицию, определенное видение мира, свою философию, причем начинает все

это формироваться с детских лет при отсутствии чувства безопасности в случаях непринятия другими людьми, прежде всего родителями. У Чикатило страх смерти мог появиться не только из-за равнодушия к нему родителей и жестокого обращения сверстников, но и потому, что в те ранние годы он постоянно сталкивался с голодом, смертями, покойниками, точнее — не просто сталкивался, а жил в том мире.

Страх смерти не удел убийц. Он способен быть мощным стимулом труда и творчества: преодолевая его, человек может стремиться к накоплению жизненных благ, чтобы передать детям и внукам, создавать произведения искусства и литературы, активно работать в науке, чтобы его труды пережили его. Можно думать, что чадолюбие, столь украшающее человека, своими глубокими корнями тоже связано с созидательной силой страха смерти.

Жизнь Чикатило могла бы развиваться дальше по иному сценарию, и вообще его преступное поведение хотя и не случайно, но и не фатально. Но тут появляется новый и исключительно мощный разрушительный фактор — импотенция. Она окончательно губит последние попытки хоть как-то приспособиться к этой жесткой и бессердечной для него среде, например, путем удачного брака. Напомним в этой связи, что первое убийство он совершил после наступления полной половой слабости. К смерти у него амбивалентное отношение типа «тяготение — отвергание», т. е. он отвергает ее — и это страх смерти, но в то же время испытывает тяготение к ней, столь близкой с раннего детства. В этом тяготении к смерти, которое находит свое выражение во множестве кровавых убийств, преодолевается его страх перед ней, поскольку каждой такой расправой он как бы еще больше породняется с ней и ищет у нее милостей. Возможно, что как раз в этом лежит объяснение того, что убийца заглатывал кончики языков и другие небольшие части тела, а также долго не мог расстаться и носил с собой по лесу куски расчлененных им покойников: он мог воспринимать части трупов в качестве символов смерти.

В то же время обращает на себя внимание, что в большинстве случаев Чикатило съедал те части трупа, которые связаны с сексом. Это можно интерпретировать так: преступник не был способен к сексуальному овладению телом, поэтому он, проглатывая «сексуальные» кусочки, на таком чисто символическом уровне владел

телом, вступал в половые сношения. Возможно также, что, заглатывая именно «сексуальные» кусочки, он пытался (на бессознательном уровне) усилить свой половой потенциал. К тому же указанные части, как отмечалось выше, одновременно символизируют и смерть, что в совокупности мощно усиливало бессознательную мотивацию анализируемых поступков.

Необходимо отметить, что Чикатило достаточно хорошо осознает некоторые важные моменты своего поведения и даже их смысл. Так он говорил: «Я отрезал половые органы, матку, груди и кромсал их, так как видел в них причину своего несчастья, своего отчаяния». Эти осмысленные его действия тоже носят символический характер, поскольку он уничтожал то, что олицетворяло недоступную для него область сексуальных связей, отсутствие которых было для него источником глубокой психотравмы. Он отрезал и мужские половые органы (у мальчиков), тем самым не только пытаясь, как уже говорилось, обрести мужскую силу, но и символически, абстрактно наказывая самого себя путем оскотления за полную свою импотенцию.

Подведем итоги. Мы полагаем, что преступления Чикатило носят характер его мести окружающему миру и мотивируются стремлением к самоутверждению. Правда, возникает вопрос почему реализация такого мотива в его случае принимает столь кровавые, чудовищные формы? По-видимому, ответ следует искать в некрофильской натуре этого убийцы, в его страхе смерти и тяготении к ней, в тех его садистских наклонностях, которые обуславливают сексуальное удовлетворение при виде безмерных страданий, предсмертных конвульсий и агонии жертвы.

Чикатило — чрезвычайно противоречивое явление: с одной стороны — ничтожный, мелкий, всеми презираемый человек, полный банкрот и неудачник в жизни, импотент и пассивный педераст, с другой — грозный и безжалостный убийца, кромсающий людей и расхаживающий по темному лесу с кусками человеческого мяса. У него серая, ничем не примечательная внешность постоянно нуждающегося мелкого чиновника, и он, замкнутый и отчужденный, ничем ни обнаруживает себя, но в лесу становится неумолимым палачом нескольких десятков беззащитных женщин и подростков, вырастая в грандиозную фигуру, в абсолютное воплощение зла. Он

получил от жизни то, что требовала его разрушительная суть, и в этом смысле — не проиграл.

Рассказывая мне о своих преступлениях, Чикатило был ровен и совсем не эмоционален. О себе, о своей жизни и кровавых похождениях рассказывал спокойно, как обычно повествуют о вещах будничных, хотя и не очень веселых, жаловался на судьбу. Однако у него ни разу не промелькнула даже тень раскаяния в совершенных преступлениях и сочувствия к погубленным им людям. Впрочем, можно ли ожидать иное от человека, который сделал смерть своим ремеслом? Можно, если он ощущает себя на пороге вечности и боится собственной смерти, но у нас как раз и сложилось впечатление, что смертная казнь, близкая и вполне реальная, его совсем не беспокоит. Он ни разу не вспомнил ни о суде, ни о грядущем наказании, одним словом, ничем не проявил своего страха перед смертью. Это тяготение к смерти, в данном случае — к собственной.

Глава 2

Сексуальные и психические расстройства

2.1. Инцест как явление

Такое явление, как инцест (кровосмешительство, т. е. вступление в половые связи с близкими родственниками), известно с древнейших времен. Еще древние люди совокуплялись и образовывали нечто вроде семьи, невзирая на кровное родство. Этот обычай сохранялся довольно долго, отмирая лишь постепенно. Доказательства сказанного легко обнаружить в древних литературных источниках. Так, в Библии в Песне Песней Соломона не единожды встречаются такие слова: «Пленила ты сердце мое, сестра моя, невеста...» (4, 9); «о как мне любезны ласки твои, сестра моя. Невеста...» (4, 10). В целом же отношение древних иудеев к кровосмешению было неоднозначным и противоречивым, иногда оно допускалось, в других случаях запрещалось. Об этом свидетельствует такой, например, библейский эпизод: Амнон склонял свою сестру Фамарь к интимным отношениям, на что она ему сказала: «...нет, брат мой, не бесчести меня, ибо не делается так в Израиле; не делай этого безумия. И я, куда пойду я с моим бесчестием? И ты, ты будешь одним из безумных в Израиле. Ты поговори с царем; он не откажет отдать меня тебе» (2 Цар., 13, 12–13).

У американских инков существовали содомия и кровосмешение, а секс трактовался как особая ценность. Причем инцест чаще практиковался в высших социальных слоях. В Индии в секте хиндусакта инцест считался наиболее возвышенным типом соития, способствующим религиозному совершенствованию. У пигмеев племени мбути не существовало понятия инцеста^[10]. Для древнего Египта были характерны кровосмесительные связи, в частности среди фараонов и аристократии. Данный обычай имел и некоторую религиозную основу. Так, Изида вышла замуж за своего брата Осириса. В Древней Греции кровосмешение не наказывалось законом, но трактовалось как преступление перед религией.

Привожу эти достаточно известные факты только для того, чтобы показать изменение отношения к инцесту от его полного приятия (как например, среди пигмеев) до частичного его табуирования (как, например, в античной Греции) и, наконец, абсолютного его запрещения (как, например, в современной западной цивилизации).

В Древнем Египте инцест был реальным способом закрепить собственность за семьей, так как женщина обладала правом наследства. В данном случае, как мы видим, инцест связан с экономическими соображениями. В других случаях он был частью определенных племенных ритуалов. Так, в африканском племени, живущем вдоль реки Нхотами, инцест входит в ритуал подготовки к охоте, поэтому на него смотрят сквозь пальцы. Иными словами, он и здесь служил способом решения материальных проблем, как, впрочем, и в некоторых других культурах.

Тем не менее не экономические соображения породили инцест, а животная природа человека, та информация, которую он унаследовал от своих животных предков. Совершенно очевидно, что она абсолютно живуча и ее не искоренить никакими запретами и самыми суровыми карами. Если кровосмесительные брачные отношения только между братьями и сестрами могли угрожать особенно здоровью их потомства, то такие же отношения между иными близкими родственниками, помимо этой же опасности, создавали еще большую экономическую и правовую путаницу, еще более сложные проблемы самоосознания.

Табу на инцест универсально, за некоторыми исключениями оно существует повсеместно в мире, но с тем или иным содержанием и силой запрета, в том числе в современной западной культуре. Между тем там, где осуждение кровосмешения особенно строгое (как, например, на острове Фиджи), во время священных оргий именно близкие родственники предаются сексуальному соединению. Другими словами, там иногда открывают клапан, что позволяет удовлетворить тайные и запретные влечения, которые, по-видимому, носят непреодолимый характер. Таким образом, при наличии универсального базового табу на инцест существовало и существует немало исключений.

Г. А. Левинтон, которому принадлежит содержательный анализ вопросов инцеста в мифологии, считает, что инцест в ней представлен разнообразными сюжетами, различающимися по характеру родственных отношений (инцест родителей и детей, брата и сестры и т. д.) и по ситуации. В мифическом времени совершаются родственные браки, которые не являются нарушениями норм: это прежде всего браки первопредков, представляющие собой единственную пару на земле. Здесь кровосмесительный союз, полагает мифотворец,

необходим, равно как в случаях порождения нового поколения после конца света или иных подобных катастроф. К неприступному инцесту были отнесены царские браки, приравненные мифологией к божественным. В архаичных мифологиях представлены сюжеты, в которых инцест запрещен, а также варианты, где один и тот же герой совершает сакральный инцест как первопредок и наказуемый как трикстер. В героических мифах кровосмешительство служит способом проявления особой силы героя, но в то же время влечет за собой наказание за нарушение табу. Иногда оно совершается вследствие неведения героя, как в классическом мифе об Эдипе.

По числу теоретических интерпретаций, считает Г. А. Левинтон, инцест превосходит все другие мифологические темы. Попытки найти объяснение этому сюжету в исторической или этнографической действительности (например, в групповом браке) явно не соответствуют материалу, так как инцестный сюжет связан именно с нарушением запрета или отнесен к мифологическому времени. Миф выступает в качестве коллективного «фиктивного» опыта, мысленного эксперимента, рисующего последствия нарушения табу и таким образом демонстрирующего «от противного» необходимость его соблюдения^[11].

Приведенные соображения по поводу того, что попытки найти объяснения инцестным сюжетам в исторической и этнографической действительности якобы не соответствуют материалу, что миф выступает в качестве коллективного «фиктивного» опыта мне представляются необоснованными. Ведь если инцестные сюжеты в мифах несли определенную профилактическую функцию, должны были предостеречь от нарушения табу, то, следовательно, такая опасность была вполне реальной, а не фиктивной, иначе само существование подобных мифов становилось абсолютно бессмысленным. Нельзя запретить то, чего не существует в природе и не представляет опасности. Поэтому есть все основания думать, что содержащийся в мифах призыв соблюдать запрет на близкие кровнородственные половые связи вызывался именно тем, что такие связи были и несли в себе реальную угрозу. Причем они, судя по популярности инцестных сюжетов в мифах и легендах, были довольно распространены. Сами мифы с подобным содержанием есть не что иное, как способ борьбы с этим нежелательным явлением.

Мифы хотя и отсылают к неопределенно далекому мифологическому прошлому, однако отражают реальные картины своего времени, скрытые явления и процессы, тайные желания и влечения. Убедившись в гибельности близких кровнородственных сексуальных связей, человечество наложило на них строжайшее табу. Однако половое влечение к родственникам, конечно, не исчезло и сохранилось не только в соответствующих запретных действиях, но и в фантазиях и сновидениях, во влюбленности молодого человека в зрелую женщину или девушки — в немолодого мужчину, которые являются ничем иным, как прообразами (компенсациями) матери и отца. Важно подчеркнуть, что инцестуальные контакты, во-первых, не единообразны и подлежат классификации, что и будет сделано ниже, и, во-вторых, они вечны.

Не на протяжении всей истории человечества, а только с начала строительства цивилизации, медленно и постепенно инцест стал рассматриваться как нечто страшное, проклятое, извращенное, а поэтому подлежащее строжайшему запрету. Особенно отвратительным грехом считались кровосмесительные контакты между родителями и детьми, поскольку они считались возможными благодаря власти и силе родителей, которые таким способом порабощали своих детей. Совершенно неприемлемой была мысль о том, что человек может проникнуть туда, откуда он вышел. Однако во влечении мифологического героя к матери можно усмотреть его тайную надежду на преодоление соответственной смертности, если его мать родит от него такого же, как он. Инцест с матерью можно интерпретировать и как потребность возвращения в спасительное материнское лоно, единственное место, где можно найти покой и защиту от жизненных невзгод. Такое желание — не психоаналитическая фантазия. Его мне приходилось слышать не раз в клинических беседах от лиц, жизнь которых сложилась весьма неудачно.

Попытаемся поставить проблему так: является ли для природы инцест естественным явлением, присущим живым существам? Положительный ответ представляется очевидным. Если это так, то, значит, человек, цивилизация, запрещая его, исправляет природу, причем очень существенно, поскольку кровосмесительные союзы приводят к вырождениям. Названный ответ не должен представляться

удивительным, поскольку и во многих других делах человек активно исправлял и исправляет природу. Она же «действует» наподобие царя Эдипа — вслепую, по неведению, а поэтому не просчитав возможные трагические последствия, не задумываясь над судьбами человеческого рода. Инцест, по справедливому мнению К. Г. Юнга, представляет собой подлинный инстинкт, и можно с полным правом заметить: то, что никому не нравится и никем не желаемо, обычно незачем бывает запрещать.

Инцест не мог не привлекать к себе самого пристального внимания сексологов и психиатров. Так, Р. Крафт-Эбинг писал, что только при невероятно сильной чувственности и ущербности в морально-правовых представлениях может развиваться половое влечение к близким родственникам. В семьях отягощенных инцестом иногда имеют место оба эти условия. У мужчин алкоголизм и состояние опьянения, у женщин слабоумие, задерживающее развитие стыдливости, а порою ведущее и к эротизму, — вот те условия, которые благоприятствуют осквернению кровного родства. Внешним условием, способствующим этому, является недостаточное разделение полов в пролетарских семьях. Патологическое влечение к близким родственникам наблюдается у людей с врожденным и приобретенным состоянием умственного недоразвития, а изредка у эпилептиков и у параноиков.

Вместе с тем Р. Крафт-Эбинг делает очень важный вывод о том, что «во многих случаях, если не в большинстве, не удастся доказать патологической основы для этих преступлений»^[12]. Как можно полагать, в этих словах звучит сожаление по поводу того, что нельзя объяснить инцест наличием психической болезни, однако никаких объяснений Р. Крафт-Эбинг не приводит, хотя и описывает ряд случаев компульсивного, неудержимого сексуального влечения к близким родственникам.

Ф. С. Каприо приводит результаты изучения 203 случаев инцеста, полученные доктором С. К. Вейбергом, который считает, что перенаселенность в доме в определенной мере способствует ускорению инцестной близости среди членов семьи, предрасположенных к инцесту. Он также обнаружил, что инцест отца с дочерью имел место обычно в такой семье, где отец играл доминирующую роль; инцест между сибсами (братом и сестрой) —

там, где отец не являлся главой семьи, а инцест матери с сыном — в тех семьях, где доминирующим влиянием обладала мать. С. К. Вейнберг утверждает, что агрессивными участниками инцеста являются сексуальные девианты, склонные к пьянству, люди импульсивные, взвинченные, нервные, раздражительные, одинокие и угрюмые, некоторые из них являются психотиками. Во многих случаях инцестные отношения включают в себя разнообразные парафилические действия, такие как фелляция и куннилингус, а также акты садомазохистской природы.

Проведенное С. П. Поздняковой обследование 1405 мужчин, обвиняемых в сексуальных преступлениях и прошедших стационарную судебно-психиатрическую экспертизу во ВНИИ общей и судебной психиатрии им. В. П. Сербского в 80-е годы (за 10 лет), показало, что число лиц с правонарушениями инцестного характера составило 7,5% (из числа тех, у которых зафиксированы нарушения полового влечения по объекту, причем только в отношении лиц старше 16 лет). Оказалось, что к инцесту чаще всего склонны люди с органическим поражением головного мозга, больше с шизофренией и особенно страдающие алкоголизмом и алкогольным психозом. Немало лиц с склонностью к инцесту встречается и среди психопатов, особенно тормозимого круга с присущими им робостью, нерешительностью, чувством собственной неполноценности. Они не могут легко устанавливать знакомства, а тем более сексуальные контакты, поэтому их половое влечение нередко приобретает извращенные формы.

По данным С. П. Поздняковой, у лиц, страдающих алкоголизмом, половые расстройства выявлены в 68,7% случаев. Чаще всего это были педофилия и инцест^[13].

Ф. С. Каприо, раздумывая над результатами, полученными С. К. Вейнбергом, отмечает, что инцестное поведение мотивируется «любовью», собственническим отношением либо сексуальной похотью. В своих заключениях С. К. Вейнберг подчеркивает, что отвращение к инцесту является скорее социальным, чем биологическим. Инцестное табу существует только среди людей, его нет среди животных^[14]. Для нас в этой эмпирической информации С. К. Вейнберга важно следующее:

— инцесту способствует перенаселенность жилища, что, конечно, характерно для семей с низким достатком;

— инцест между родителями и детьми имеет место в случаях, если первые играют доминирующую роль в семье, следовательно, они подчиняют себе детей, принуждая их к кровосмесительному сожительству;

— агрессивные участники инцеста обладают рядом психологических и психопатологических особенностей.

Однако эти данные нельзя считать объяснением причин инцеста, поскольку:

— в большинстве перенаселенных жилищ нет никаких кровосмесительных контактов, но такие контакты встречаются во вполне благоустроенных жилищах, в богатых домах;

— в большинстве семей, где доминируют родители, их подавляющая роль заключается отнюдь не в инцестных посягательствах, а в контроле, пусть даже навязчивом, мелком, жестоком, за образом жизни своих детей, подчинении их определенным традициям и стандартам;

— те психологические и психопатологические черты, которые имеются у лиц, склонных к инцесту, с легкостью можно обнаружить и у других людей.

Ф. С. Каприо, несомненно, прав, утверждая, что инцест взаимосвязан с гомосексуализмом и бессознательно лежит в основе таких гетеросексуальных затруднений, как импотенция и фригидность. Он оказывает сильное влияние на образ жизни и всю интимную жизнь человека, однако все эти соображения, в сущности, добавляют не очень много к нашим знаниям о причинах исследуемого явления. Велик соблазн объяснить инцест психическими расстройствами, но пока такие попытки оказались несостоятельными. Вместе с тем ряд эмпирических исследований показывает, что психические расстройства могут активно способствовать нарушениям закона или морали, но не должны рассматриваться в качестве их причин. Их роль в первую очередь проявляется в том, что они растормаживают влечения, снимают субъективный контроль, мешают должному усвоению социальных норм, регулирующих половое поведение.

Думается, что необоснованны суждения тех сексопатологов, которые считают, что у людей, живущих в тесной близости с раннего

детства, не возникает сексуальный интерес друг к другу. Однако если бы совместное воспитание в детстве исключало бы инцест, он не получил бы такого распространения. Например, кровосмесительной связи между братом и сестрой вовсе не мешает, а, напротив, может способствовать то, что они вместе росли и воспитывались. Если родственники, вступая в интимные отношения, не знали о своем родстве, то их нельзя считать виновными в инцесте. Поэтому Эдип — лишь жертва судьбы, игрушка в руках богов, которые его заставили сделать то, что сами всегда желали и охотно разрешали себе. Мифотворец же хотел показать людям, насколько опасно кровосмешение и что он должен быть наказуем.

3. Лев-Старович приводит результаты исследования инцеста в разных странах. Так, изучение этой проблемы в Польше показало, что наиболее распространенной формой инцестного контакта является контакт отец — дочь. Различаются три типа таких отцов: отцы-интроверты, отцы-психопаты (со склонностью к промискуитету) и отцы с психосексуальным инфантилизмом (со склонностью к педофилии). Жертвы инцеста нередко сами провоцируют своих отцов, а 75% дочерей не возражали против половой близости с ними. По данным ряда западных ученых, почти 15% женщин имели инцестный опыт взаимоотношений со своими отцами или дядями, причем более распространено инцестное поведение отцов по отношению к родным, а не приемным дочерям. Есть также данные о том, что 10% насильников в свое время участвовали в инцестных контактах со своими матерями, сестрами или тетками. Анализ 26 случаев инцеста в северной Ирландии показал, что такие связи чаще возникали в многодетных семьях, относящихся к наиболее ущемленным слоям общества. Средний возраст дочерей 8,5 лет, отцов — 32,5 года, связи продолжались от 4 месяцев до 12 лет при частоте инцестных контактов от ежедневных до одного раза в неделю.

Очень интересна психиатрическая информация об участниках инцестных отношений, которая была получена в ходе названного североирландского исследования. Из обследованных мужчин 14 были психопатами, 5 — агрессивными психопатами и 4 — алкоголиками, но ни у одного из них не было выявлено признаков «больших» психических заболеваний или психоорганического синдрома. Из дочерей у 11 отмечались личностные расстройства и промискуитетные

тенденции, 4 были проститутками, а 4 наблюдались у психиатров. Генез инцеста автор исследования склонен толковать с позиций социокультурной теории, отмечая, что ни один из отцов не был психически больным человеком, все они видели идеал мужчины в супермене, супруги их отличались чрезмерной терпимостью, а большинство дочерей воспринимали поведение отцов как нормальное явление.

Лев-Старович приводит результаты и других исследований инцеста, в частности проведенного в Польше в 1970–1975 гг. анализа 310 случаев. Общими характерными чертами семей, в которых он имел место, были: многодетность, финансовые проблемы и выраженная материальная зависимость жертв от преступников. Основной причиной инцестного поведения был алкоголизм и злоупотребление алкоголем. Данные французского исследования, по мнению автора, свидетельствует о том, что инцестные отношения можно считать признаком «семейной дисфункции». В такой ситуации подобные отношения между членами семьи являются средством сохранения ее целостности и предотвращают распад. В противоположность общественным нормам в этих семьях возникает «внутреннее семейное право», отражающее страх перед внешним миром и запрещающее выход за пределы семейной группы. Семейная общность воспринимается как взаимная принадлежность друг другу, которая распространяется и на половые отношения включительно. Подобное функционирование семьи требует тайного поведения, сохранение же тайны в первую очередь необходимо для того, чтобы вина не упала на весь дом. Поэтому каждый член семьи старается быть верным этому семейному миру гармонии.

Обсуждаемые семьи живут в своем замкнутом мире, а отсутствие контактов с внешним миром связано с его оценкой как общества, нормы которого противоречат внутрисемейным нормам, являющимся более понятными и простыми. Внутри замкнутой семейной системы может существовать множество предрасполагающих факторов или комплексов, которые ложатся в основу семейной патологии, выражающейся в том числе и в инцесте. Например, если мать «делегирует» дочь для выполнения роли жены сына (ее брата), стремясь избежать конфликтов, возможных при супружестве сына, и таким способом предотвратить распад семьи.

Вербальные контакты в инцестных семьях, продолжает З. Лев-Старович рассказ об упомянутом французском исследовании, как правило, лаконичны, разговоры на сексуальные темы табуированы. Лица извне воспринимаются членами семьи как чужаки. Члены этих семей позволяют попираť собственную индивидуальность во имя тождественности семейной группы в целом, а семейные роли при этом очерчены слабо^[15].

Высказанные соображения относительно причин семейного инцеста представляются очень важными, тем более, что они отходят от традиционных объяснительных схем, наиболее значимыми элементами которых выступают алкоголизм и психические аномалии, не достигшие психотического уровня. Семьи, в которых инцест выступает в качестве инструмента их сплочения и которые находятся в социально-психологической и нравственной изоляции от общества, очень напоминают первобытные семейные кланы, замкнутые, настороженные, постоянно ожидающие опасность и готовые к ее отражению, страшась чужаков и чужих влияний. То, что сексуальные потребности удовлетворяются в рамках самой семьи, препятствует проникновению в нее посторонних (например, мужа дочери или жены сына), обеспечивает ее психологическую и фактическую целостность и предотвращает распад. Подобная семья выступает в качестве гаранта безопасности для своих членов.

По-видимому, изоляция семьи по такому типу может повлечь за собой различные кровосмесительные патологии. Но здесь особое внимание следует обратить на схожесть инцестной семьи с первобытной, дикарской семьей, главным образом, по ее социально-психологическим характеристикам и отношению с окружающим миром. Думаю, что в данном случае мы имеем дело с психологическим возвратом древнейшего семейно-сексуального опыта в современность. Это — невоспоминаемый коллективный опыт, обладающий возможностью возвращения скорее всего по архетипическим механизмам.

Однако эту гипотезу не надо воспринимать так, будто социально изолированная семья является причиной инцеста в ней, такая семья создает психологические условия для возрождения инцеста, имеющего древнейшие корни. В этом аспекте отчужденная семья играет такую же способствующую кровосмешению роль, как алкоголизм или

психические расстройства. Но таких семей немного, в других же скученность, неприкрытость, постоянная жизнь на виду создает сексуальные соблазны, особенно сильные для тех, кто по причине своей замкнутости, стеснительности, неуверенности, врожденных или приобретенных аномалий внешности (уродов), интеллектуального недоразвития, алкоголизации и т. д. не может установить нормальные половые связи вне своей семьи, ибо он принят только в ней. Как мы видим, и здесь социальная изоляция индивида, а не семьи, играет патогенную роль.

Приведенные выше слова Р. Крафт-Эбинга о том, что в большинстве случаев не удается доказать патологическую основу преступлений инцестного характера, подтверждается и современными психиатрическими исследованиями. При этом роль психической патологии следует понимать не только в смысле ее фиксации в конкретном случае, но и в доказывании того, что указанная патология привела к данным последствиям или, в крайнем случае, сыграла в этом существенную роль. Так, Ю. В. Ковальчук, которая провела интересное исследование инцестных проблем, пришла к выводу, что анализ нозологической квалификации психических расстройств свидетельствует о представленности широкого спектра диагнозов. Однако в основной группе достоверно чаще, чем в группах сравнения, встречался диагноз «хронический алкоголизм» и «эмоционально неустойчивое расстройство» личности. При нозологической неоднородности психических расстройств у лиц, совершивших инцестные действия, и незначительной доле эндогенных заболеваний и умственной отсталости наиболее часто выявляются органические поражения головного мозга с ведущим значением ранних дизонтогенетических (преобладание задержки развития) и последующих экзогенных органических воздействий, преимущественно алкогольного генеза.

Как отмечает Ю. В. Ковальчук, большинство испытуемых из семей, в которых имеют место инцестные отношения, не удовлетворены половой жизнью в браке, у многих отмечаются функциональные сексуальные расстройства, что свидетельствует о недостаточной гетеросексуальной апантации. Этому сопутствует стабильность подобного супружества, которое чаще носит длительный характер, является многодетным, что отражает неоднозначные связи

между инцестным поведением и поддержанием устойчивых семейных отношений. Автор выделяет пять механизмов инцестного поведения:

1. Нарушение дифференцировки объекта не только по социальной, но и видовой и половозрастной принадлежности с педофильным и геронтофильным выбором.

2. Иерархическое доминирование, когда инцест становится способом поддержания иерархии в замкнутом семейном пространстве.

3. Подмена объекта, когда происходит размывание внутрисемейных ролей с формированием новых пар: «взрослый — взрослый» или «ребенок — ребенок» в результате нарушения межпартнерского взаимодействия и иерархии.

4. Случайная форма инцеста, когда действия однократны в состоянии опьянения с последующим ощущением чуждости содеянного.

5. Инцест в рамках патологии сексуального влечения (эксгибиционизм, педофилия и т. д.) с реализацией соответствующих парафильных механизмов^[16].

Общественная опасность инцеста настолько очевидна, что ее попросту не стоит обсуждать. Не будем касаться и вопросов ответственности за инцест, оказания помощи пострадавшим от него и т. д., поскольку это не входит в предмет настоящего исследования. Наша задача — выяснить природу и причину этого явления и в конечном счете показать, что оно представляет собой отрицание цивилизации. Не случайно мифотворец помещает сакральный инцест в начало времен.

Можно выделить следующие виды инцеста:

— инцест, при котором жертвой становится ребенок, — «педофильный» инцест;

— кровосмешение в случае принудительной изоляции одного из субъектов инцеста. Такое наблюдается в исправительных учреждениях, когда к осужденному (заклученному) приходят на свидание матери или сестры, — «принудительный» инцест;

— кровосмешение, происходящее в обычной жизни без каких-либо чрезвычайных ситуаций, — «житейский» инцест;

— инцест в семье, в которой постоянно пьющий и буйствующий отец жестоким обращением заставляет вступать в интимную связь свою дочь, — «патриархальный» или «алкогольный» инцест;

— инцест в семье, в которой жестокая доминирующая мать склоняет к сожителству сына, — «матриархальный» инцест.

Разумеется, можно привести и другие разновидности инцеста. Здесь указаны наиболее часто встречающиеся, особенно это относится к тем, которые я назвал «педофильными» и «житейскими». К «принудительному» инцесту мифология относит ситуации, когда иным путем невозможно продлить род. В таких обстоятельствах оказались библейские Лот и его дочери.

Классификации, или типологии, инцеста могут быть разработаны не только по критерию складывающихся ситуаций, но и по иным признакам, например, степени родства, возраста участников, длительности интимных связей, мотивации и т. д.

Э. Вебер, ориентируясь на этнологию, географию, мифологию и другие признаки, различает инцест как:

эстетский аргумент;

насилие в контексте властных отношений;

феномен заместительный, викарный;

педофильный феномен;

этнокультурный феномен;

инициальный феномен;

психоаналитический феномен или «комплекс».

2.2. Инцест в психологическом (психоаналитическом) свете

Вечность кровосмесительных влечений предопределена тем, что они появились и сформировались в молодой психике нового обитателя земли — человека, который унаследовал это от своих животных предков. В этот импринт-период они намертво впечатались в его психику и закрепились там благодаря первобытному опыту. Психология же, которая является носителем нравственных представлений, не смогла и не сможет вытеснить их оттуда. Запрет на инцест стал формироваться тогда, когда люди поняли, что он губителен для них и может привести к вырождению. Однако тяга к нему оставалась настолько сильной, что человек вытеснил его в мифологию, разрешив Богам то, что запрещал себе. Внешне это выглядело вполне благопристойно, ведь кровосмешению предавались не смертные и грешные люди, а управляющие ими высшие властелины — боги, воля и желания которых не могли быть чем-то ограничены. Положение изменилось в таких монотеистических религиях, как иудаизм и христианство, которые далеки от эллинистической изнеженности и изысканности любви, их боги суровы, у них нет интимной жизни и эротических слабостей.

Получается, что у богов один кодекс поведения, а у людей — другой. На самом деле он один, и написан одной и той же рукой, которая собственные грязные влечения стыдливо предписала Богам в надежде, что ее никто не осудит и не заметит обмана. Природа не имеет ни малейших представлений о моральной чистоплотности, ее проявления могут быть весьма опасны.

Тяга к инцесту представляет собой первоначальное предрасположение полового влечения человека, не интериоризировавшего культурные нормы. Общественно приемлемое сексуальное поведение всегда есть опосредованное поведение, в процессе формирования которого должны образовываться тормозящие, контролирующие и поощряющие механизмы. Здесь нет задержки в позитивном развитии, поскольку нет самого такого развития, которое надо видеть в восприятии и закреплении в личности

социальных норм. Следовательно, инцест есть инфантильное явление — делается то, к чему влечет. Не может быть никакого запрета в первобытном племени, которое не выработало табу на инцест. Инфантильность в том, что человек реализует запретное половое влечение, поскольку такова его личность. В контексте поисков ответов на происхождение и причины инцеста невозможно игнорировать теорию З. Фрейда об эдиповом комплексе^[17].

Э. Вебер, пытаясь объяснить обращение З. Фрейда именно к образу Эдипа, пишет, что тягостное расследование Эдипа (обстоятельств гибели Лая), повлекшее дальнейшие события, и его трагическое познание минувшего в целом отвечали патогенетически-терапевтическим представлениям Фрейда и, главное, его аналогичным личным переживаниям. Для Фрейда важны были не только, а подчас и не столько инцестуозные мотивы, сколько связанный с ними комплекс вины (и страха наказания). Мотив же этот — понесенная Эдипом кара — очень ярок именно в «Царе Эдипе». Этот второй комплекс, получивший название «комплекса кастрации», наряду с «комплексом Эдипа», занимает центральное место в построении классического психоанализа^[18].

Фрейдовская трактовка «Эдипа» Софокла весьма вульгарна и поверхностна, считает Э. Вебер; нельзя также исключить тот факт, что Фрейд видел всегда лишь то, что хотел видеть, до казуистики. «Царь Эдип», — пишет Э. Вебер, — так называемая трагедия рока; ее трагическое действие покоится на противоречии между всеобъемлющей волей богов и тщетным сопротивлением людей. Фрейд формулирует основное откровение психоанализа, нещадно подчиняя своим рассуждениям логику и мифа об Эдипе, и одноименной трагедии Софокла (для него они идентичны), отмечая любые контексты, за исключением инцестуозного, и укладывая сложный, неоднозначный древний сюжет в прокрустово ложе своих интерпретаций^[19].

На протяжении документированной истории цивилизации верховенствовал принцип реальности, считал Г. Маркузе. Этот принцип модифицирует как инстинкт жизни, так и инстинкт смерти, но развитие последнего становится полностью понятным только в свете развития инстинкта жизни, т. е. репрессивной организации сексуальности. Именно сексуальные инстинкты принимают на себя

основную тяжесть принципа реальности, который в конечном итоге стремится утвердить приоритет генитальности и подчинить ей частичные сексуальные влечения, подключив их к функции произведения потомства. Этот процесс приводит к отвлечению либидо от собственного тела на внешний объект противоположного пола, а удовлетворение частичных влечений и не связанной с деторождением генитальности в соответствии со степенью их независимости подвергается табуированию как перверсия сублимируемая или трансформируемая во вспомогательный момент сексуальности, связанной с производением потомства^[20].

Конечно, принцип реальности в конечном итоге стремится утвердить приоритет генитальности, если под генитальностью подразумевать воспроизводство человеческого рода. В этом, собственно, заключается основная цель этого рода, сама же генитальность обеспечивается множеством средств и форм. Однако не принцип реальности, который по определению может быть только у людей, приводит к отвлечению либидо от собственного тела на внешний объект противоположного пола. Это отвлечение чисто биологического происхождения, и способность к нему передается генетическим путем. Так же поступают все животные, однако применительно к ним просто абсурдно говорить о принципе реальности.

Вместе с тем подчинения всех проявлений и форм сексуальности детородной функции не происходит, да и не может происходить, иначе человек ничем не отличался бы от животного. Сексуальность вне рождения детей с древнейших времен приобрела вполне суверенное существование, это самостоятельная ментальность, подчиняющаяся, разумеется, внешним социальным условиям, но еще обладающая собственными механизмами, закономерностями и смыслами, что более чем полно отразило искусство. Можно поэтому сказать, что деторождение лишь часть функций сексуальности, очень важная часть, даже важнейшая, но все-таки не единственная.

3. Фрейд считал, что, не будучи организованной в качестве «служебной», сексуальность стала бы препятствием для всех несексуальных и, следовательно, всех цивилизованных общественных отношений даже на ступени зрелой гетеросексуальной генитальности. С подобным утверждением без каких-либо комментариев трудно

согласиться, и больше всего вызывает возражение сведение сексуальности к ее «служебной» функции, т. е. деторождению. В своей полифункциональности сексуальность активно способствует всем цивилизованным общественным отношениям. Понятно, что, если бы не было деторождения, всё остальные проблемы общества попросту бы исчезли. Поэтому-то человечество так преследует инцест, который может привести к его вырождению.

3. Фрейд обоснованно допускал, что иногда сексуальные извращения кажутся не просто отвратительными и чудовищными, но как будто соблазнительными и вызывающими в глубине души тайную зависть к тем, кто ими наслаждается. В действительности же извращенцы скорее жалкие существа, очень дорого расплачивающиеся за свое трудно достижимое удовлетворение^[21]. В самом деле, половые извращенцы, за исключением, пожалуй, серийных сексуальных убийц, обычно представляют собой убогое зрелище, они запуганы, тревожны, неуверенны в себе. Так что эти опровергатели цивилизации далеко не всегда предстают грозными мужами, не почитающими условность. Их отличительной особенностью является то, что они центрированы, т. е. в большинстве случаев подчинены своему половому влечению, которое образует центр всех их интересов и личности в целом. Они все время испытывают страх, что об этом станет известно другим, отсюда нарастание, заострение паранояльных черт их личности.

Тем не менее, совершая инцестные действия, человек всегда выигрывает в психологическом плане, что особенно заметно тогда, когда имеет место попытка компенсации каких-то психологических или социальных дефектов личности. Именно эти дефекты детерминируют кровосмесительные поступки, а иногда способ разрешения субъективно воспринимаемой и оцениваемой собственной жизненной ситуации.

Поэтому можно сказать, что внутренние причины таких поступков связаны с особенностями представления человека о самом себе, с «Я» — концепцией, самопрियाтием, а также с потребностью получения максимума удовлетворения и тем самым подтверждения (и утверждения) своей личности. Дело в том, что инцест, наряду с каннибализмом и убийством детей, составляет группу таких поступков, которые посягают на сами основы человеческого существования и сосуществования, а потому вызывают наибольшее

осуждение окружающих и всего общества, для их оправдания и самооправдания трудно, а в некоторых случаях и невозможно, найти аргументы. Вот почему будет достаточно обоснованным предположение, что виновному во что бы то ни стало нужно было их совершить и тогда он получал тот несравненный психологический выигрыш, о котором сказано выше. Выигрыш действительно должен быть огромен и иметь поистине бытийное значение, чтобы человек мог решиться на соответствующее действие.

При этом столь острая нужда может и не осознаваться. Более того, я полагаю, что эта нужда принципиально не осознаваема личностью в аспекте понимания ее глубинного субъективного смысла так же, как, например, собственная психологическая структура. Ведь нужда, потребность, тем более острая, всегда отражает существенную зависимость от чего-то, что имеет жизненно важное значение, и чем жестче эта зависимость, тем выше вероятность, неотвратимость совершения определенных действий, в данном случае сексуальных; соответствующие им переживания всегда глубоко интимны, очень часто непонятны самому индивиду. Но осознавать названную зависимость, тем более лежащую в плоскости витальных переживаний, всегда очень травматично для субъекта, и в этом он редко признается самому себе.

Инцест представляет собой несоциализированное, нецивилизованное сексуальное влечение. О его пагубных последствиях знают и дикари, поэтому он вызывает страх, который в свою очередь влечет наказание. При этом, как показал, например, З. Фрейд применительно к австралийцам, соплеменники не ждут, пока наказание виновного за нарушение этого запрета постигнет его, так сказать, автоматически, как при других запретах тотема (например, при убийстве животного-тотема), а виноватый самым решительным образом наказывается всем племенем, как будто дело идет о том, чтобы предотвратить угрожающую всему обществу опасность или освободить его от гнетущей вины. В Австралии обычное наказание за половое сношение с лицом из того же тотема — смертная казнь.

О том, что австралийцы очень боятся инцеста, свидетельствует тот факт, что такое жестокое наказание полагается и за мимолетные любовные связи, которые не привели к деторождению^[22]. Все это говорит об одном: речь идет о предотвращении действительно грозной

опасности всему обществу. Не имеет значения, что некоторые члены тотема в реальности не были родственниками, главное что их воспринимали как таковых, а интимные отношения между ними, составлявшими единство, считались смертельно опасными. К этому выводу люди пришли на основании собственного опыта, наблюдая результаты кровно-родственного сексуального общения.

Наверное, не должно быть сомнений, что в некоторых случаях влечение ребенка к своему родителю противоположного пола является эротическим, вызывая неприязнь и ревность к другому родителю. Однако трудно, а подчас и невозможно, утверждать, является ли такое влечение эротическим или же это просто желание полностью владеть вниманием и временем своего единственного кумира. Сам Фрейд ставит вопрос, имеют ли они право в этом зачаточном состоянии носить название сексуальных. Утверждение его о том, что сновидения о смерти родителей в огромном большинстве случаев касаются родителя одного пола со спящим, практически ничего не доказывает, поскольку тот, чья смерть предстает в сновидении, просто захватывает все время и внимание матери (отца). Даже если предположить, что отношение ребенка к одному из родителей носит эротический характер (что совсем не представляется доказанным), то отсутствуют убедительные аргументы, что такое присуще всему человечеству. Если же все-таки допустить наличие подобного влечения ребенка к родителю, это можно понимать как реализацию генетики унаследованной психологической информации, не испытавшей на себе корректирующего влияния культуры.

В психоаналитической литературе об Эдипе особую роль иногда играет Сфинкс, таинственное существо, стоящее у врат его судьбы как символ возвращения неотвратимого. Сфинкс, дочь Ехидны, — двойственное существо: сверху — прекрасная мать, привлекательная, добрая, любящая, заботливая, а снизу — страшная, звериная, превращенная запретом кровосмешения в нагоняющего ужас зверя. Таким Сфинкс предстает в глазах фрейдистов, но их подход к ее пониманию может вызвать несогласие. Во-первых, далеко не все вызывают у сына светлые и добрые чувства любви, даже если они снизу омерзительны, о чем он ничего не знает; есть, конечно, и совершенно другие матери, целиком ассоциировавшиеся с отвратительным зверем. Если же принимать за исходную точку зрения

фрейдизма о наполнении подструктур психики двойственной природой матери, то нижнюю часть психики можно наполнить инцестным содержанием, точнее — страхом перед инцестом только в случае, если исповедывать пансексуалистское мировоззрение фрейдизма. «Нижнюю» часть матери вполне можно наполнить другим содержанием, например неудовлетворенностью тем, как мать растила и воспитывала ребенка, если она вместо ласки и любви демонстрировала пренебрежение, грубость, агрессию, нежелание считаться с ребенком и его чувствами и т. д. Образовавшиеся от такого детства раны не только исключительно болезненны и кровоточивы, но и обладают опасностью сохраниться у человека на всю жизнь.

Каково отношение психоаналитических исследователей инцеста к проблемам его причин? Полагаю, что они могут быть активно использованы в качестве одного из объяснений этого явления, его механизмов и возможностей подавления и связанных со всем этим психотравмирующих переживаний, но на индивидуальном уровне. Психоанализ не претендует и не объясняет происхождение инцеста на филогенетическом уровне.

По мнению К. Г. Юнга, в случае кровосмешения, которое было священным ритуалом богов и мистической прерогативой царей, мы имеем дело с архетипом коллективного бессознательного, который по мере роста сознания оказывал все большее воздействие на осознаваемую жизнь. Сегодня с уверенностью можно сказать, что дела обстоят так, что с кровосмешением мы встречаемся только в криминологии и психопатологии секса. Однако открытие Фрейдом «эдипова комплекса», особого случая общей проблемы кровосмешения, реактивировало эту древнюю проблему.

Сегодня медики знают, что проблема кровосмешения практически всемирна, она немедленно выходит на поверхность, когда обычные иллюзии уходят с переднего плана. Но они знакомы в основном только с патологической стороной этой проблемы и оставляют погруженной в проклятие ее название, не вняв тому уроку истории, который учит, что болезненная тайна консультационного кабинета — это просто зародышевая форма проблемы, которая в надличностной форме церковной аллегии и в ранних фазах естественных наук создала символизм невероятной важности. Здесь медики не имеют представления о духовном сокрытом смысле. Если бы они это

увидели, то поняли бы и то, каким образом исчезнувший дух возвращается к каждому из нас в непристойном, предосудительном облачении, погружая определенным образом предрасположенных людей в непрерывное смятение. Психопатологическая проблема кровосмешения является отклоняющейся от нормы, естественной формой единения противоположностей, единения, которое либо вообще никогда не было осознано как психическая задача, либо если и было когда-то осознано, то потом вышло из поля нашего зрения^[23].

Инцест действительно есть форма единства противоположностей, которые в сексуальном отношении вроде бы никогда не смогли бы его обрести, однако это происходит. Что касается возвращения к нам в кровосмешении исчезнувшего духа, то он может быть представлен и как не нарушаемое в древности сексуальное единство противоположностей. Во всяком случае как дух, т. е. нечто неуловимое, которое возвращается к нам. По-существу, дух — это животная страсть, подавляющая любую противостоящую ей мысль, которая может стать на пути детской жажды исполнения желаний, вселяя в человека чувство новоприобретенного права на существование. Дух может посещать человека в разных обликах, в том числе в виде бессознательного эротического влечения взрослой девушки к отцу, но для нее главная опасность — это Чудовище, символизирующее мужскую силу и любовь. Она предуготовлена ко встрече с ним не в последнюю очередь страхом перед инцестом, который представляет собой такое же социальное достижение, как и его запрет.

Упрек К. Г. Юнга в адрес медиков, что они знакомы лишь с патологической стороной инцеста, вряд ли справедлив: на то они и медики, чтобы обращать внимание как раз на это, осознавая, что кровосмешение несет угрозу человеку. Но мы знаем (а это, возможно, значимо для психотерапевтического лечения), что инцест вырвался из первозданного хаоса. В качестве некоего духа он становится чаще всего бременем для человека, который ощущает его в себе, поскольку невидимой чертой отчуждает от остальных людей.

К. Г. Юнг писал, что существование элементов инцеста не только вызывает интеллектуальные затруднения, но и (что всего хуже) эмоционально осложняет терапевтическую ситуацию. Этот элемент таит в себе самые потаенные, болезненные, пылкие, нежные,

стыдливые, робкие, причудливые, аморальные, но в то же время священнейшие чувства, доводящие до полноты неопишное и необъяснимое Богатство человеческих взаимоотношений и придающие им непреодолимую силу. Подобно щупальцам осьминога, они невидимо обвиваются вокруг родителей с их детьми^[24]. С тем, что эти чувства могут быть потаенными, болезненными, пылкими, даже нежными и робкими, согласиться можно. Но вызывает самый резкий протест утверждение, что такие чувства священнейшие, ведь они вызывают отвращение у всех людей. Священнейшее, даже просто «священное» не запрещается, тем более на протяжении практически всей истории цивилизации. Трудно представить себе, что К. Г. Юнгу неведомы многочисленные случаи грубого подавления и сексуального насилия в отношении детей и подростков со стороны пьяных отцов, причем их сексуальный произвол может продолжаться длительное время. Вряд ли такие и вообще кровосмесительные сексуальные связи можно назвать «неопишным Богатством» человеческих взаимоотношений, придающих им непреодолимую силу. Подобные рассуждения и оценки очень напоминают «Философию в будущее» де Сада^[25].

По мнению К. Г. Юнга, «инцест символизирует воссоединение со своей собственной сущностью, он означает индивидуализацию или становление самости, а поскольку последняя столь жизненно важна, он обладает жутковатой зачаровывающей силой — вероятно, не столько как грубая реальность, сколько как психический процесс, контролируемый бессознательным... именно по этой причине, а вовсе не из-за отдельных случаев человеческого инцеста считалось, что первые боги производили потомство в инцесте. Инцест — попросту соединение подобного с подобным, представляющее собой следующую стадию в развитии первобытной идеи самооплодотворения»^[26].

Это утверждение можно принять лишь при условии, если считать инцест путем к обеспечению психологической неделимости и целостности личности. Но может ли он выполнить такую функцию, если ведет к вырождению человечества, распаду личности через патологию ее психики. Не лучше ли предположить, что в кровосмешении заложена лишь идея *воссоединения* — и только, но не предвосхищен его результат, который на поверку оказался самым

пагубным именно при инцесте. Первые же боги производили потомство в инцесте потому, что люди, влекомые к такой форме интимной близости, в силу запрета не могли реализовать ее, но в то же время не в состоянии совсем отказаться от нее, делегировали это Богам. Люди стали испытывать тайное наслаждение от того, что наконец-то нашли на небесах некую сферу, причем очень важную, духовную, высшую, где их первозданное желание может быть удовлетворено. Идея инцестуальной перогоамии возникает и в цивилизованных регионах, перейдя из сферы физиологической в духовную.

Инцест оказался западней для человечества — одной из многих, из которой не видится выхода. Эту ситуацию очень точно обрисовал К. Г. Юнг: «Противно естеству совершать инцест, и противно естеству не подчиняться жгучему желанию. В то же время именно природа подсказывает нам подобную позицию, вызываемую либидо родства. Так обстоят дела — в согласии с высказыванием Псевдо-Демокрита: "Природа радуется природе, природа побеждает природу, природа правит природой"»^[27]. Если быть предельно точным, следует пояснить: природа запретила инцест, т. е. саму себя, не сама, а руками социума, который, в сущности, поправил ее.

К. Г. Юнг слишком широко понимает инцест. Так, он обрисовывает ситуацию, когда перед взрослой девушкой встает проблема замужества. Но в ее родительской семье «муж — это отец, и желание дочери иметь мужа без того, что бы она это осознала, направляется на отца. Но это — инцест, таким образом, возникает интрига инцеста вторичного порядка»^[28]. В этом слышится что-то слишком фрейдистское: стоит девице на выданье помыслить о будущем муже, у аналитика тут же появляется шаловливая мысль, что она, сама того не ведая, на психологическом уровне блудит со своим отцом. Конечно, не исключено, что в каких-то случаях, скорее всего редких, такие влечения у девушек и будут, но в большинстве случаев отец — образ, модель, абстракция того мужчины, которого девушка (именно девушка, а не взрослая женщина, уже имеющая жизненный, в том числе сексуальный, опыт) бессознательно берет себе в качестве образца будущего мужа. Я хочу сказать, что чаще всего отношение к отцу лишено эротического содержания.

Разумеется, иногда инцестные отношения между близкими родственниками ими не осознаются. В одном известном мне случае между отцом и дочерью существовали в целом теплые и доверительные отношения, но они иногда взрывались, когда отец узнавал о ее дружбе с каким-нибудь школьным товарищем; тогда он наказывал ее и предрекал, что она станет проституткой. И в дальнейшем, во время ее учебы в институте грубо пресекал ее встречи с молодыми людьми и постоянно вел назидательные беседы о том, насколько испорчены мужчины. Одна из привычек отца состояла в том, что он любил днем поспать или просто полежать в постели взрослой дочери, когда, конечно, ее не было дома. Она вышла замуж только в 40 лет, вскоре разошлась с мужем, вслед за этим умер отец. Его кончину переживала очень остро и хотела покончить жизнь самоубийством.

В другом случае молодой человек постоянно подвергал жесткой критике всех приятелей своей родной сестры, более того, запрещал ей встречаться с ними, иногда подкрепляя запреты грубой силой. Сестра и другие родственники никак не могли объяснить его поведение, сам же он говорил, что лишь заботится о сестре. «Заботы» закончились тем, что он убил молодого человека, который ухаживал за ней. Во время следствия давал путанные объяснения, но пояснил, что погибший лично ему ничего плохого не сделал.

В этих двух случаях инцест совсем не проявляется явно, он затушеван, можно только предполагать его наличие. Я их описал для того, чтобы показать, что кровосмесительные влечения могут и не опредметиться в конкретных сексуальных действиях, носить лишь косвенный, неявный характер.

2.3. Педофильный инцест

В психиатрической литературе проблема педофилии занимает значительное место среди разнообразных форм аномального сексуального поведения. Лица с такой формой патологии сексуальности проявляют большую криминальную активность с направленностью агрессивных действий на детей. Установлено, что педофилия, как и другие парафилии, нередко является результатом дисгармонии пубертатного периода и психосексуального становления, что не всегда напрямую связано с каким-либо психическим заболеванием. Педофилия имеет свои закономерности формирования, динамики и психопатологических проявлений, свои стадии и структуру.

Исследования В. А. Мишоты показали, что возраст педофильно-инцестных жертв в случае насильственного посягательства в семье колеблется от 4 до 15 лет, чаще всего подвергаются насилию дети от 3 до 9 лет. Процесс насилия, как правило, подразделяется на следующие фазы: вступительная, подготовительная; непосредственно сексуальный акт; контроль за сохранением секрета. Насильники — в основном мужчины (96%) в возрасте от 25 до 35 лет. Примерно половина виновных ранее уже совершали преступления, но в большинстве случаев их отношение к окружающим не носило агрессивного характера. В момент совершения сексуального преступления 78% этих преступников находились в состоянии алкогольного опьянения, а у 53,7% были обнаружены психологические расстройства (алкоголизм — 30,1%, психопатия — 12%, шизофрения — 7,3%, олигофрения — 2,7%, наркомания — 1,6%)^[29].

Нередки случаи инцестных сексуальных отношений между матерью и сыном на фоне психологической гиперопеки с ее стороны. Инцест с матерью, по мнению американского исследователя Ф. Бука, в крайних случаях может привести к формированию стойкой ненависти в отношении женщин вообще. По данным исследователей Оклахомского университета, мужчины, пережившие инцест в подростковом возрасте, в дальнейшем страдали депрессией, не были в

состоянии поддерживать длительные отношения с женщинами, имели тяжелые сексуальные расстройства; более 60% стали наркоманами.

При incestе в семье преступниками, по моим выборочным данным, чаще являются родственники потерпевших несовершеннолетних. Обычно incest начинается, когда ребенку от 8 до 12 лет, порой он принимает характер длительного сожительства. Если жертвами становятся дочери, то некоторые из них могут испытывать сексуальное удовольствие и гордость от того, что изменился их статус в семье, поскольку теперь они обладают определенной властью. Вместе с тем incest у детей и подростков обычно сопровождается дискомфортом, тяжкими переживаниями, отвращением к жизни, чувством вины. Они становятся неуверенными в себе и своем месте в жизни, считают, что их жизнь уже закончена и они никогда не смогут стать уважаемыми людьми, их преследуют страхи, в том числе страхи расправы со стороны изнасиловавших их отцов, а не только спонтанные и неопределенные страхи, которые тоже объемлют их. Такие несчастные дочери потом могут спиваться, употреблять наркотики, начинают ненавидеть всех мужчин, в которых бессознательно ощущают отца, который изнасиловал или совратил их. В сексуальной жизни именно по этой причине бывают несчастны.

Как считают многие исследователи, значительная часть медицинских проблем подросткового возраста связана с имевшим место в детстве сексуальным злоупотреблением. Одну треть составляют внесемейные — преимущественно сексуальные — злоупотребления, а две трети — внутрисемейные, причем в половине случаев это incest между отцом и дочерью. Многие потерпевшие нуждались в специализированной психиатрической помощи. В целом же их приводит в больницу не сам факт incestа, а его отдаленные последствия. Последствия incestа для психики многообразны, и их клиническая модель зависит от динамических взаимоотношений между посягателем и жертвой, преморбидного склада личности жертвы, семейных взаимоотношений и других факторов^[30].

Сексологи и психиатры провели тщательное исследование и педофилии, поэтому можно привести огромное количество эмпирического материала, характеризующего лиц, совершивших сексуальные действия в отношении своих несовершеннолетних родственников. Полученные данные свидетельствуют о том, что

многие из них — педофильные личности, страдающие различными психическими расстройствами. Однако, как известно, подобные расстройства не могут быть причинами инцестных посягательств на детей и подростков, как, впрочем, и причинами совершения других преступлений. Я принимаю это как аксиому, хотя вполне понимаю, что психические патологии в качестве условий могут активно способствовать названным посягательствам. Более того, совсем не случаен высокий процент психически аномальных личностей среди этих сексуальных правонарушителей. Дело в том, что психические аномалии сами по себе выступают часто антиподами цивилизации, затрудняя усвоение индивидом норм нравственности и цивилизованного поведения, т. е. препятствуют такому поведению.

Изучение конкретных людей, совершивших сексуальные посягательства в отношении своих дочерей, показало, что они, так сказать, просто удовлетворяют свою похоть. Между возникшим у них сексуальным желанием и его удовлетворением как будто ничего нет — то, что это родная дочь и причем малолетняя, не имеет никакого значения, хотя, естественно, им известно о соответствующем запрете. Поэтому, когда у них спрашивают, порицаемо ли инцестное поведение, в большинстве случаев они отвечают положительно. А утверждение некоторых из них, что таким способом они хотели просветить свою дочь, считая что пусть лучше это сделает родной отец, чем посторонний человек, представляет собой самую жалкую попытку оправдать свое омерзительное поведение. При этом лично у меня всегда создавалось впечатление, что они не верят сами себе. Приведу такой пример.

Митос, 36 лет, алкоголик, ранее дважды судимый за кражи, был осужден за изнасилование своих двух дочерей — восьми и пяти лет. Сначала он изнасиловал старшую дочь, потом младшую, причем и ту, и другую заставлял молчать. Со старшей дочерью сожительствовал несколько лет. В содеянном не раскаивался, ни в чем себя не упрекал, о дочерях говорил спокойно.

По его рассказам, мать и отчим (отца он не знает) относились к нему очень плохо, мать никогда не ласкала. Закончив всего пять классов, стал работать пастухом, пока жил с матерью, она отбирала у него все деньги («Все время один и один, и пастухом один, но куда денешься»). Пил много, часто менял место работы. Обследование

Митоса с помощью тематического апперцептивного теста (ТАТ) показало, что он является отчужденной личностью (это особенно ярко проявилось в его рассказах по картинкам 2 и 6), крайне тревожен и неуверен в себе. Нормы социальной среды не воспринимает по той удивительно простой причине, что он этой среде не принадлежит. Она ему совершенно чужда.

Конечно, не все педофильные отцы столь же отчуждены от нормальных связей и отношений, от общественных ценностей, но отчужденность — их наиболее характерная, наиболее заметная социально-психологическая черта. Во всяком случае она присутствует у всех обследованных мною лиц, виновных в совращении или изнасиловании своих дочерей.

Выше я отмечал, что такой человек насилует дочь, как только им овладеет похоть. В подтверждение приведу полностью рассказ некоего Агиркса, 31 года, полинаркомана, психопатизированной личности, ранее дважды судимого за изнасилование и грабежи: «В тот день, 24 марта, я пришел домой очень пьяный, хотел с женой переспать, она не согласилась. За это я ее побил, она бросилась к соседям. Тогда я изнасиловал нашу дочь, 5-ти лет». Этот же рассказ можно изложить так: «Не удалось удовлетворить половую потребность с женой — ничего страшного, сделаю это с дочерью. Разница, конечно, есть, но она несущественна, тем более, что наличествует элемент новизны. Захотел — и сделал».

Необходимо отметить, что некоторые из тех, которые растлили или изнасиловали своих дочерей, такие же действия совершали в отношении других детей и подростков.

Некто Тюрин, 35 лет, в мае 1984 г. у себя в доме совершил развратные действия в отношении своей 10-летней дочери. Он позвал ее к себе в постель, трогал руками за половые органы. В июне того же года на окраине села в зарослях орешника увидел 11-летнюю девочку, дочь соседей. Она, испугавшись его, пыталась убежать, но он догнал ее, сбил с ног и сдавил ей горло. Когда она затихла, дважды изнасиловал ее, причем один раз в извращенной форме. Чтобы скрыть преступление, бросил девочку в водоем, придавил тело корягой. Ни в одном из этих преступлений не признался, никаких признаков раскаяния не проявил.

Изучение Тюрина с помощью методик ТАТ и «Рисунок человека» показало, что это нерешительный и в то же время агрессивный человек, испытывающий недостаток маскулинности и уверенности в себе. Он интровертирован, даже замкнут и ради защиты себя готов на дерзкие, примитивно насильственные действия. Ему присущи глубокие сексуальные переживания с тенденцией ухода от них.

Изучение истории жизни этого преступника показывает, что его сексуальная жизнь складывалась неудачно, он не умел устанавливать прочные эмоциональные отношения с женщинами («Я с женщинами не любитель»), не понимал их. Его первая жена постоянно изменяла ему, на что он реагировал следующим образом: «Когда она начала мне изменять, я пытался ее исправить, но ничего не получилось. Она много раз обещала исправиться, но ни разу не сдержала слова. Даже ее мать сказала, что она пошла по рукам. Мы с ней переехали жить в Хабаровск, как она просила, чтобы начать новую жизнь, но и здесь не удержалась от измен. Мы вынуждены были расстаться, и она уехала на Запад».

Желудков, 21 года, в состоянии опьянения изнасиловал свою двоюродную сестру 10-ти лет. Сначала ударил ее кулаком в лицо и сдавил шею руками, а когда она потеряла сознание, затащил ее на чердак и там изнасиловал, после чего задушил, а затем пальцами, палкой и металлической пластиной причинил ранения в области половых органов и прямой кишки. Труп забросал тряпками, облил керосином и поджег, но пожар удалось потушить. За пять лет до этого во время ссоры со своей матерью нанес ей удары ножом, причинив тяжкие телесные повреждения.

Изучение биографии Желудкова и результаты его тестирования показывают, что он является глубоко разадаптированной личностью, причем его дезадаптация началась в родительской семье. О ней он рассказывает: «Отец пил, иногда слишком часто, пропивал зарплату, бил мать. Я с ним тоже дрался. Когда я был маленький, он бил меня, выгонял из дома, потом я его, если он бил мать или не давал нам спать. Порой я избивал его очень сильно, один раз выбил зуб и сломал ребро. Мать тихая, скандалов избегала. Начальником в семье была она, и когда он был трезвый, во всем ей подчинялся. Трезвого его не было слышно. Ко мне мать относилась хорошо, но была строгая — наказав, сразу не прощала, долго не разговаривала. Пить я начал с 15 лет,

дрался, прогуливал уроки; в 8 классе учился 2 года, потом все бросил, учиться было неинтересно. С матерью по поводу учебы было много конфликтов, отец же вообще мною не интересовался и даже не водил к врачу, хотя я все время болел пневмонией. Мать я ударил ножом потому, что она не давала бить отца». Этот рассказ, достаточно типичный для насильственных преступников, в особых комментариях не нуждается.

Желудков часто лежал в больнице, о чем ему тяжело вспоминать. Друзей и вообще близких людей у него нет, все сексуальные контакты в большинстве случаев происходили в нетрезвом состоянии, но чаще эрекции не было, а поэтому ни с кем из женщин постоянных отношений не имел. Один-два раза в неделю напивался очень сильно. Нигде не работал.

Тестирование Желудкова по методике «Рисунок человека» подтверждает его отчужденность (в этом аспекте нанесение тяжких телесных повреждений собственной матери достаточно красноречиво). Он депрессивен и в то же время осторожен и скрытен; у него присутствует желание обрести мужественность, которой ему болезненно не хватает, в том числе в связи с частичной импотенцией и неумением вести себя с женщинами. Недостаток мужественности компенсируется агрессией с элементами садизма, у него сильная зависимость от женщин и психотравмирующие переживания в связи с невозможностью утвердить свою маскулинность. Нанесение им телесных повреждений убитой девочке в область гениталий демонстрирует не только названную психологическую зависимость от женщин, но и восприятие последних в качестве объекта, вызывающего страдание. Не исключено, что агрессия против матери вызвана этими же мотивами. Вообще в этом его нападении на мать наличествуют обстоятельства, позволяющие предположить бессознательное эротическое влечение к ней: как пояснил Желудков, отец в нетрезвом виде учинял скандалы с матерью, каждый раз упрекая ее в супружеской измене. Однако Желудков нанес удары ножом не ему, нападающей стороне, а ей, жертве конфликта, тем самым проникая в ее интимную жизнь, он как бы наказывает ее за то, что у нее было в этой сфере.

Итак, можно считать доказанным, что лица, виновные в педофильном инцесте, являются отчужденными личностями, причем

их отчуждение и социального, и психологического содержания. При этом второе неизмеримо важнее: такие люди могут формально входить в трудовые коллективы и иметь семью, но на психологическом уровне бессознательно ощущают себя отдаленными, отстоящими от окружающего мира, ценности которого они не усваивают и которыми поэтому не руководствуются. Однако тут возникает другая проблема: отчуждение характерно не только для субъектов, виновных в инцесте или (и) педофилии, но и для тех, кто совершил другие опасные проступки и кто относится к этим сексуальным извращениям крайне отрицательно. Следовательно, надо искать иные истоки инцестного поведения, хотя, повторяю, патогенный характер отчуждения несомненен.

Вместе с тем надо учитывать, что запрет на инцест, тем более в отношении детей, в современной цивилизации столь же строг и категоричен, как и запрет на каннибализм. В этом отношении с такими проступками не сравнится ни одно преступление, даже убийство, к которому у человечества весьма лукавое отношение: оно громогласно его осуждает, но в глубине души уверено, что всегда будет убивать. И убивает, чаще всего находя этому оправдание. Поэтому убийство не враг цивилизации, а ее неизбежный спутник, а иногда даже орудие ее успехов, например при завоевании новых стран, как это было, скажем, в Америке. В этом отношении к убийству прекрасный пример западному миру подал его Бог Яхве, который был чрезвычайно милостив к Каину и даже сделал ему знамение, что каждый, кто встретится с ним, не убьет его. Есть, правда, виды убийств, которые несомненно и всегда осуждаются обществом: это убийства детей, сексуально-маниакальные убийства и террористические, в частности совершенные тоталитарными режимами. Убийцы детей и сексуальные маньяки-убийцы будут жестоко преследоваться даже теми тоталитарными режимами, у которых руки по локоть в крови.

Для педофилов, инцестных в том числе, характерна неуверенность в себе, причем и как в мужчине, что видно и из приведенных мною примеров. Страх сексуальной неудачи, боязнь опозориться перед взрослой женщиной могут детерминировать соращение детей и подростков. Собственные дети, как правило, дочери, оказываются наиболее доступными и беззащитными. Однако тут же возникает вопрос: почему педофилию и инцест выбирают и те

мужчины, которые вполне успешно проявляют себя в половых отношениях.

Можно предположить, что инцестные и педофильные влечения вообще существуют у людей как информация, переходящая к ним от далеких предков. В этом частично убеждают результаты исследований, которые приводит З. Лев-Старович. Проведенное, например, изучение воздействия на зрителей порнографии с педофильным содержанием показало, что сексуальным возбуждением на увиденное реагировали люди, которые никогда не имели практического опыта таких контактов. Следовательно, можно сказать, что скрытые педофильные потребности не реализовывались на практике благодаря их подавлению, которое наверняка обусловлено общественными табу на сексуальные контакты с детьми^[31].

В науке традиционные подходы фокусировали внимание на семейных взаимоотношениях и роли в этом феномене всех членов семьи, включая жертв. Предложено несколько концепций происхождения инцеста: концепция индивидуальных отклонений, основанная на различии психосексуальных ориентаций различных индивидов; «хаотическая» концепция, объясняющая инцест сочетанием многочисленных внешних и внутренних факторов; «функциональная» концепция, сосредоточенная на соотношении социальных и семейных функций индивида; «феминистская» концепция, которая рассматривает инцест как пример исходного неравенства полов, сложившихся исторически в результате патриархальной системы^[32].

З. Лев-Старович считает, что результаты научных исследований убедительно свидетельствуют о том, что связи между психопатологией и сексуальными нарушениями могут быть тройными: сексуальные нарушения как следствие, как причина и как один из симптомов психического заболевания. Сексуальные нарушения, источником которых являются психические заболевания, могут быть обусловлены различными конкретными причинами, например, являться результатом побочного действия психотропных препаратов, следствием длительного перерыва в половой жизни и т. д. Сексуальные нарушения могут выступать и в качестве одного из симптомов психического заболевания, причем случается, что они предвестники его развития (например, скрытой депрессии), а иногда и причина развития

психопатологии. Лев-Старович отмечает снижение уровня либидо в состоянии психической депрессии у 70% больных^[33].

Как можно полагать, эти положения распространяются на все нарушения сексуального поведения. Тогда возникает вопрос: почему психические заболевания приводят к одним сексуальным извращениям (например, педофилии или инцесту), а не к другим? Стало быть, остается неясным следующие: причинно-следственные зависимости между психическими аномалиями и сексуальными нарушениями, какие здесь действуют механизмы, что конкретно меняется в психике человека под влиянием психических расстройств и приводит именно к этим, а не каким-либо иным сексуальным аномалиям. Если мы сможем понять это, то, очевидно, нам будет яснее содержательная связь между половыми и психическими патологиями.

Ряд авторов обращает внимание на то, что парафилии (в том числе педофилия) являются результатами дисгармонии пубертатного периода и психосексуального становления, что не всегда напрямую связано с конкретным психическим заболеванием. В исследованиях А. А. Ткаченко показано, что педофилия, имея собственные механизмы становления и развития, особенности клинических проявлений и динамики, в то же время подчиняется многим из тех закономерностей, которые свойственны парафилиям вообще.

Перечисленные концепции происхождения даже при всем том, что они продуманы и имеют необходимое эмпирическое обоснование, все-таки не дают нужного ответа на вопросы, во-первых, почему же наступает педофильное поведение, а не какое-нибудь другое, а во-вторых, насколько данная научная концепция, например функциональная, специфична для объяснения именно педофилии, ведь при определенных сочетаниях социальных и семейных функций могут наступить и другие последствия, даже более опасные, чем педофилия. Важной задачей науки было и остается выявление и объяснение того, почему человек поступает так, а не иначе, имея всегда (или почти всегда) в своем распоряжении и иные возможности.

В литературе принято различать следующие виды педофилии: навязчивая, компульсивная, импульсивная и псевдорационалистическая^[34]. Об этих же видах можно говорить и применительно к педофильному инцесту. Психиатрические и сексопатологические описания и объяснения в рамках каждого вида

содержат весьма ценные сведения о природе педофилии и ее причинах, отличительных чертах, личности педофила, наличии психических и сексуальных расстройств. Так, при компульсивном варианте педофилии личность отличается стойкая обсессивная охваченность, стремление к определенным действиям, несмотря на сознательное намерение к противоположному; исследователи отмечают психогенно суженное поле сознания в момент реализации влечения. Импульсивный вариант педофилии связан с такими действиями, которые возникают внезапно и не поддаются волевому контролю. Однако при всей важности этой типологии (а также и иных типологий) остается неясным, почему возникают навязчивые, компульсивные, импульсивные и псевдореалистические педофилии, какие силы делают ее навязчивой, импульсивной и т. д., почему вообще она существует. Представляется, что есть немало оснований считать невозможным объяснение причин инцеста лишь на психиатрическом или сексопатологическом уровне.

Нет сомнений, что психиатрические и сексопатологические исследования дают весьма важную информацию о том, что представляют собой инцест и педофилия, но лишь на соответствующем данной науке уровне. Очевидно, что корни таких явлений следует искать на широком антропологическом и психологическом поле, не ограниченном рамками психологической диагностики и аналогичных понятий.

2.4. Другие сексуальные расстройства

Помимо рассмотренных выше нарушений сексуального поведения существуют иные нарушения, которые психиатры обычно связывают с психическими расстройствами. Однако, я пытаюсь доказать, что здесь могут быть и другие объяснения, которые позволяют понять, почему подобные нарушения могут быть у психически совершенно здоровых людей, а также у детей и подростков, которые из своего не очень длительного опыта жизни не могли усвоить отклоняющиеся способы сексуального поведения, т. е. были научены другими, а если и не были научены, то почему-то стали следовать ему. Я проанализирую только несколько видов половых девиаций, которые, на мой взгляд, имеют единую природу и единый источник.

Прежде всего остановимся на *эксгибиционизме*, который психиатры со времен Р. Крафт-Эбинга определяют как обнажение своих гениталий перед лицом противоположного пола. Сейчас многие склоняются к тому, что такие поступки свойственны и мужчинам, и женщинам, но значительно чаще мужчинам. Обнажение гениталий, если суммировать различные мнения, способно приводить к физиологическому удовлетворению, к сексуальной стимуляции и сексуальному возбуждению либо имеет цель оскорбить кого-то. Одним словом, это есть проявление половой активности но не в надлежащей форме и вызывает осуждение, в том числе уголовное.

Несмотря на разнообразие взглядов относительно картины эксгибиционизма, его основных свойств и характеристик, ни у кого не вызывает сомнений главный факт этого сексуального отклонения — обнажение полового органа. Однако непонятны его причины, и поэтому я сосредоточу свое внимание на значении, внутреннем субъективном смысле названного факта и его истоках.

Разумеется, в науке имеются многочисленные объяснения эксгибиционизма. Отечественные исследователи А. А. Ткаченко и Б. В. Шостакович^[35] систематизировали современные концепции о природе и причинах этого явления. Одни из таких концепций связывают нарушения полового поведения, в частности эксгибиционизм, с повреждениями головного мозга и (или) с психическими болезнями.

Однако если это так, то возникают вопросы: почему повреждения головного мозга приводят именно к непристойному обнажению гениталий, а не каким-либо иным действиям? какие именно и каким образом изменения в мозге приводят к этому?

По мнению некоторых авторов, в большинстве случаев эксгибиционизма речь идет о стеснительных, малоактивных, робких, пугливых, скромных во внешних проявлениях и сдержанных личностях со значительно выраженными чувствами стыдливости и своей неполноценности, затруднениями в межличностных контактах и выражении агрессии. Между тем обнажение гениталий в общественном месте вовсе не свидетельствует о стеснительности, робости, пугливости, стыдливости, а скорее наоборот. Обнажение половых органов на людях говорит о том, что это для обнажающегося чрезвычайно важно, имеет для него бытийное значение, таким способом он показывает и утверждает себя.

А. Адлер считал, что в истоке эксгибиционизма безусловно находится «неполноценность органа» и у мужчин с таким дефектом обнаруживаются либо «соматические патологические вкрапления», либо выраженные комплексы неполноценности. Он рассматривал их поступки как гиперкомпенсацию, призванную купировать непереносимое чувство стыда. Но представляется, что дело не столько в «неполноценности» органа, а в том, что сам субъект чувствует себя неполноценным в своей биологической роли и утверждает, проявляет себя как биологическое существо.

Многие авторы видят причины нарушений личности эксгибиционистов в виде глубоко коренящейся неуверенности в себе в отношениях с доминирующей матерью; обращается внимание на тот факт, что матери обследованных, особенно с поздней манифестацией эксгибиционизма, относились к ним излишне требовательно и контролирующе. Высказана мысль о том, что эксгибиционисты испытывают трудности в выражении агрессии и у них снижены возможности проявления доминантности. Эти общие для эксгибиционистов особенности могут отражать более глубокие нарушения личности в виде нарушения соотношения маскулинности-фемининности, которые являются специфическими психологическими конструктами.

А. А. Ткаченко и Б. В. Шостакович полагают, что поведение эксгибициониста можно представить как «танец на лезвии бритвы», а сам эксгибиционизм как форму полимотивированного сексуального поведения, направленного на создание особой, связанной с неуместной демонстрацией гениталий, негативно-эмоциогенной ситуации с целью изменения функционального состояния психики.

Очень важное психологическое наблюдение А. А. Ткаченко состоит в том, что при эксгибиционизме первостепенное значение приобретают негативные эмоции, прежде всего чувство страха. Сопровождая девиантные акты, чувство страха усиливает интенсивность возникающих ощущений и степень последующей релаксации. Наличие подобного амбивалентного эмоционального конгломерата является доказательством того, что у человека существуют неосознаваемые влечения к получению не только положительных, но и отрицательных эмоций. Основу таких влечений, проявляющихся в стремлении к созданию опасных и рискованных ситуаций, В. А. Файвишевский (1978) видит в сенсорной депривации системы отрицательной мотивации. Влечение к стимуляции данной системы, неосознаваемое в принципе в силу своего антибиологизма, всегда подвергается рационализации и возникает в сознании только под фасадом положительных влечений. Любопытно, что собственная мотивация и эмоциональная амбивалентность находят выражение и в восприятии эмоциональной реакции объекта демонстрации. В этой связи А. А. Ткаченко приводит соображение К. Имелинского, что целью эксгибициониста является добиться испуга у женщины не в такой мере, чтобы она убежала, но чтобы ее страх граничил с любопытством и удивлением. И чем в большей степени женщина проявляет заинтересованность и любопытство, смешанные с испугом, тем большее наслаждение получает эксгибиционист^[36].

Полагаю, что эксгибиционизм мотивируется не стремлением к компенсации отрицательных переживаний при их депривации. Его смыслом является желание показать, продемонстрировать себя. Оно же возникает лишь в том случае, если человек не уверен в своем биологическом ролевом статусе, если он ощущает, даже преоцущает, что этому статусу что-то грозит. Неуместность ситуации, в которой происходит обнажение, помогает выявить непреодолимое влечение утвердить себя немедленно и способом, который представляется

другим нелепым, неприличным, резко противоречащим нормам цивилизованного поведения. В этом аспекте нужно обратить внимание на то, что эксгибиционизм может носить умственный, мыслительный характер и заключаться в циничных предложениях, телефонных и письменных обращениях, чаще анонимных, без демонстрации гениталий, так сказать, воочию. Это, по-видимому, особая форма эксгибиционизма, тоже достаточно агрессивная, но и здесь эксгибиционизм представляет себя.

Имеющиеся сексолого-психиатрические теории не дают ответа на очень сложный и, возможно, самый главный вопрос: почему происходит обнажение именно гениталий, а, не какие-либо другие действия, ведь повреждение мозга или психические болезни могут активно способствовать и иным сексуальным нарушениям? почему комплекс неполноценности и затруднения в контактах с женщинами привели к эксгибиционизму, а, например, не к изнасилованию, нарушение соотношения маскулинности-фемининности — не к гомосексуализму и т. д.

Эксгибиционизм гораздо убедительнее может быть объяснен и с других позиций. К их числу относится концепция страха кастрации. Согласно ей, демонстрация половых органов служит бессознательной потребности подтвердить реальность существования пениса у обнажающегося. Такое сопротивление кастрации берет начало в детских эмоциональных конфликтах, являющихся результатом недостаточного разрешения эдипова комплекса. Эксгибиционизм перед малолетними девочками может быть переплетен с педофилией и представлять собой следствие страха кастрации более старшей, зрелой женщиной, которая бессознательно ощущается и как мать эксгибициониста. Но и при подобном подходе совершенно очевидно, что непристойное обнажение — это утверждение себя в мужской или женской роли, а потребность в утверждении может возникнуть у того, кто не уверен в подобном своем значении сам или в соответствующем отношении к себе других людей. Однако если обратиться к филогенетическому анализу данного явления, окажется, что смысл его не только в демонстрации своих мужских (женских) «достоинств», но и в привлечении к себе внимания представителей противоположного пола, что, кстати, делают и животные. Так, самцы обезьян саймири, зеленой мартышки, носача и павиана в определенные периоды

демонстрируют свои половые органы в возбужденном состоянии. Аналогично поступают представители народов, стоящих на самых первых ступенях человеческого развития, и их, даже наших современников, вполне можно назвать нашими отдаленными предками. Например, Уиклер сообщает, что у папуасов мужчины очень сильно увеличивают половой член, надевая на него чехол, который привязывается шнурками к поясу^[37]. Понятно, что это делается не тайком, а для всеобщего обозрения с определенной целью — продемонстрировать себя в качестве вполне достойного самца. Особое внимание к мужским гениталиям в дальнейшем было скрыто цивилизацией, скрыто, но не исчезло. Эксгибиционисты срывают этот покров.

А. А. Ткаченко и Б. В. Шостакович приводят литературные данные о том, что обезьяны саймири показывают эрегированный половой член не только при ухаживании, но и при агрессии, приветствии и перед собственным отражением в зеркале. Демонстрация члена другому самцу, по мнению некоторых авторов, является жестом агрессии и вызова, к которому занимающие более высокое место в группе особи прибегают чаще, чем ниже расположенные остальные особи. Установление в группе жесткой иерархии — кто кому показывает половой член — определяет одновременно статус и ранг отдельных животных.

Сходная система ритуалов и жестов существует у павианов, горилл и шимпанзе. Эрегированный пенис у караульных павианов и зеленых обезьян служит сигналом тревоги для других стад, предостерегая их от вторжения. Если подходит незнакомый член рода, ему демонстрируется эрекция. Гамадрилы в тех же целях используют ослабленный пенис, а у некоторых родов наблюдались автоматические изменения, когда пенис становился особенно ярко окрашенным, что повышало его сигнальную ценность. По мнению ряда исследователей, демонстрация эрегированного члена является свидетельством агрессии, а ослабленного пениса — успокаивающей реакции. Но иногда и ослабленный, и эрегированный половой член является знаком предостережения.

Можно ли считать приведенные примеры свидетельством того, что генитальная эрекция возможно связана и с иными аффективными состояниями помимо сексуальных? Совершенно очевидно, что

демонстрация половых органов у животных связана и с другими состояниями — она выполняет также функции защиты, предостережения, угрозы, распределения статусов. Однако недостаточно констатировать многообразие функций эрегированного или ослабленного пениса, оставляя в стороне тот весьма существенный факт, что для выполнения и несексуальных функций используется именно половой член, а не какая-нибудь другая часть тела, например, нога или хвост. Вероятно обезьяна ощущает свой пенис как особый предмет, обладающий огромными способностями не только приманивать самок, но и устрашать врагов, устранять конкурентов и т. д. Следовательно, у них половой орган имеет исключительное, даже универсальное значение, но в первую очередь в силу его сексуальной роли.

Как и животные, древний человек наделял половой орган различными свойствами, но, несомненно, в связи с той значительностью, которой он обладал в его глазах. Так, австралийские аборигены использовали изображение вялого пениса как знак готовности к знакомству. Туземцы Явы тотемные изображения эрегированного пениса помещали снаружи для защиты от возможных нападений. Охранительная роль обнаженного пениса известна и среди других народов древности, и фаллический культ широко распространен в различных культурах. Как мы видим, первобытный человек унаследовал (или перенял) обнажение члена от животных.

Исключительное значение эрегированного и вообще значительного по размеру полового органа во многом способствовало появлению культа Приапа, греческого Бога с огромными гениталиями. Исследователи этого культа утверждают, что он является относительно поздним приобретением античного религиозного сознания. Обширные доказательства существования этого культа сохранились в Древнем Риме начиная лишь с эпохи Августина, в греческих же государствах его культ не обнаруживается до времени македонского господства. Это должно, вероятно, означать, что в античном психорелигиозном сознании произошел своего рода сдвиг, который и создал потребность в том, в чем раньше не было необходимости, а именно — в образе Бога с невероятно большим фаллосом.

Античная культура нуждалась в образе Приапа для реинтеграции той части мужественности, которая оказалась от нее отщепленной^[38].

Во многих культурах фаллос символизировал создание, животворящую силу, источник жизни, силу, которая защищала и приносила удачу. Траурные фаллические атрибуты символизировали продление жизни после смерти.

Семья считается воплощением и источником жизненной силы. У многих народов кастраты считались социально неполноценными. Оскопить мужчину — значит лишить его символа власти и жизни. Половой член поверженного врага часто считался почетным воинским трофеем, как скальп у индейцев. Например, один египетский фараон XIX династии, рассказывая о поражении, нанесенном им ливийцам, называет в числе трофеев 6359 необрезанных половых членов ливийских воинов, а библейский Давид преподнес своему царю крайнюю плоть 200 убитых филистимлян. Особое значение придавалось эрегированному половому члену, вид которого, согласно верованиям многих народов, должен внушать окружающим почтение и страх. При некоторых же священных обрядах гениталии нарочно обнажались. В Древнем Израиле мужчина, принося клятву, должен был положить руку на свои гениталии или гениталии того, кому он клялся^[39].

Этот перечень можно продолжить. Но легко заметить, что все или почти все подобные действия, связанные в той или иной форме с сексуальной жизнью, впоследствии во многих культурах оказались под запретом. Его нарушения обоснованно расцениваются в современной жизни как вызов цивилизации и в ряде случаев сурово караются. Однако ни в коем случае не следует утверждать, что наша цивилизация твердо придерживается стыдливости и целомудрия: откровения, эротика в искусстве и порнография убеждают в противном. Просто современная цивилизация вырабатывает свои, специфические для нее пределы и формы допустимости секса, что, по-видимому, зависит от того, как она понимает секс, какое значение ему приписывает и в чем видит его роль. Особенно успешно изгоняют секс из своих владений христианство и ислам, хотя и в их границах он иногда пытается взять реванш, но сейчас это не постоянный и не явный успех. В повседневной жизни секс проявляет себя с такой закономерностью: чем интеллектуальнее человеческое сообщество, чем более оно духовно и, следовательно, чем больше исповедует высокие идеалы, тем меньше оно оставляет ему места или прочно вуалирует его.

Демонстрируя свой половой орган, эксгибиционист на психологическом уровне компенсирует ту важную часть своей силы, которую он ощущает отщепленной от себя, доказывая обратное, т. е. ее сохранение. В этой связи особой оценке должно быть подвергнуто то, что в отличие от прочих половых девиаций, которые скрываются и маскируются, эксгибиционизм всегда носит открытый, демонстративный характер. Вполне возможно, что эксгибиционизм порождается страхом кастрации, такой страх может посеять даже ужас в душе человека, который подозревает отщепленной от себя ту часть, которая олицетворяет его мужскую силу.

Как мы видим, современный человек повторяет своего далекого предка, который искусственно увеличивал свой фаллос, чтобы привлечь к себе женщин и одновременно утвердиться в качестве настоящего мужчины. До него, до дикаря, так же поступали некоторые животные, а поэтому есть основания полагать — то, что мы называем эксгибиционизмом, передается современному человеку по еще мало исследованным психологическим механизмам. Это и есть причина эксгибиционизма — способа утвердить себя, который бросает вызов цивилизации и означает ее отрицание. Мнение Р. Крафт-Эбинга о том, что в эксгибиционизме надо различать садистские и мазохистские тенденции, здесь ничего не меняет. Любая из этих тенденций способна оказать влияние (подчас решающее) на любые проявления личности.

Таким образом, исторический невспоминаемый опыт, отсутствующий в индивидуальном сознании, вполне может быть филогенетически наследуемым по архетипическим каналам. Нельзя не видеть аналога современного эксгибиционизма в далеком прошлом, которое вдруг подкрадывается к ничего не подозревавшему человеку. По мнению З. Льва-Старовича, это атавистический по своей сути механизм, который ассоциируется с поведением, встречающимся в мире животных. Он считает, что поведение некоторых эксгибиционистов следовало бы расценивать как имеющее свое рода мистическое значение.

В силу своей запрограммированности прошлым (древнейшим) опытом, эксгибиционизм часто носит компульсивный характер (вынужденного влечения). В этом плане очень интересны наблюдения А. А. Ткаченко и Б. В. Шостаковича. Они пишут, что некоторые эксгибиционисты, пытаясь противостоять возникшему влечению,

старались переключить внимание на какой-нибудь вид деятельности, отогнать непрестанно преследующие их сцены обнажения, подвергали себя изнурительным упражнениям, иногда прибегали к мастурбации, что, однако, имело кратковременный эффект, после чего запретное желание пробуждалось с новой силой. Не приносила облегчения и гетеросексуальная близость, которая не устраняла влечения и не снижала его силу. Более того, чем упорнее были предпринимаемые попытки избавиться от влечения, тем оно становилось выраженнее. Продолжающаяся борьба мотивов сопровождалась нарастанием напряженности, раздражительности, усугублением тревоги, увеличением интенсивности побуждений. В результате желание становилось неподвластным человеку и толкало его на реализацию своего желания.

Таким лицам эксгибиционизм как-бы навязывается, но, очевидно, должны существовать какие-то индивидуальные предрасположенности, чтобы навязчивые влечения стали реальностью. К числу подобных предрасположенностей следует отнести страх кастрации, повреждения мозга, психические болезни и другие субъективные факторы, наличие которых значительно снижает психологические возможности противостоять воздействиям древнейшего возвращающегося сексуального опыта.

Следующим видом сексуального отклонения, которое я хочу проанализировать в поисках доказательств воздействия коллективного бессознательного на индивидуальное поведение, является *вуайеризм*. Оно представляет собой влечение к подглядыванию за половым актом или обнаженными представителями избранного пола. К *вуайеризму* следует отнести и повышенное увлечение порнографическими изображениями, фильмами и т. д., а также такие его скрытые формы, как наблюдение за собой в зеркале во время полового акта, поддержание полового возбуждения в процессе такого акта представлением себя в качестве наблюдателя происходящего, рассматривание порнографических изданий или фильмов перед коитусом, который иначе станет невозможным, и т. д.

Некоторые вуайеристы появляются перед окнами гинекологических кабинетов, подглядывают в окна жилых домов, пробираются в женские общественные туалеты. По данным сексопатологов, описанные явления встречаются у 25% детей

дошкольного возраста, в возрасте 7–11 лет их частота у мальчиков возрастает до 33%, а у девочек снижается до 6,2%, среди подростков — у мальчиков сокращается до 5,5% и у девочек — до 0,3%. Таким образом, вуайеризм довольно распространен среди младшего поколения и имеет стойкую тенденцию к снижению. Аналогичная динамика наблюдается в отношении эксгибиционизма: попытки обнажения отмечены у 5% детей младше 7 лет, единичные случаи у детей 7–11 лет, а среди подростков к этому склонны 1% мальчиков и 1% девочек.

К числу половых отклонений относится *плюрализм*, т. е. половые акты трех человек и более на глазах друг у друга. Если вуайеризм — это подглядывание за половым актом или обнаженным телом, причем чаще всего помимо воли тех, за кем подглядывают, то *скопифилия* — это групповой секс, вызывающий у его участников (чаще добровольных) сильнейшее половое возбуждение. Более того, некоторые мужчины и женщины без этого не могут добиться эякуляции и оргазма.

Между вуайеризмом и плюрализмом много общего, особенно если иметь в виду те виды вуайеристического поведения, когда происходит подглядывание за половым актом. Тогда подглядывающий психологически соучаствует в этом акте. Я полагаю, что вуайеризм и плюрализм тоже есть возврат к человеку древнейшего бессознательного, а именно того периода, когда на самом раннем этапе первобытного человеческого развития еще не было брака, семьи, любви, избранности, а существовали групповые сексуальные связи, причем, очень важно выделить, на глазах друг у друга. Тогда это было вполне естественно, не вызывало стыда, да и подобного чувства вообще, по-видимому, в те годы не существовало. Не исключено, что это могло возбуждать, но скорее всего так «просто» диктовалось природой, и групповой секс был одним из проявлений коллективности тех лет. Ведь наши древнейшие предки в борьбе с враждебным окружением выступали не в одиночку, а сплоченными группами. Естественная потребность сплачивала людей в первобытных обществах, а коллективный образ жизни неизбежно должен был оставаться таковым и в столь важной сфере, как половые сношения в целях рождения потомства и, следовательно, укрепления рода. Отдельный человек во всем, даже в сексуальной жизни, как бы

растворялся в первобытной общности, а его обособление как личности со своими индивидуальными чувствами, эмоциями, влечениями было еще очень слабо выраженной тенденцией.

Впоследствии за неисчислимыя века социальные нормы, воспитание, традиции, новые отношения между людьми, в первую очередь семейные, новые чувства, в особенности любовь, в основном искоренили групповые половые сношения. Пресс наказаний за групповой секс стал особенно жестоким с наступления господства христианства. Дохристианские же языческие культы, особенно в период распада Древней Греции и Древнего Рима, были достаточно либеральными в вопросах полового поведения. Языческие праздники в честь богов Вакха и Сатурна (вакханалии и сатурналии), покровителей вина, веселья и плодородия, сопровождались дикими оргиями, длившимися иногда неделями, во время которых открыто совершались не только гетеро-, но гомосексуальные групповые сношения. В средние века с плюралистическими половыми контактами боролись довольно активно, особенно инквизиция, однако справиться с ними так и не удалось. И сейчас сохранились некоторые коллективные формы промискуитета в отдельных карнавальных, «смеховых» праздниках, когда имеет место неограниченная свобода сексуального общения, непристойное поведение мужчин и женщин.

Несмотря ни на что, осталась группа людей, которые стремятся к плюрализму, иногда непреодолимо. Такой способ половой жизни для них является необходимым условием сексуальной активности. Сейчас преградами вуайеризму, плюрализму и другим сексуальным отклонениям выступают социальные запреты, которые в рассматриваемом плане воспитывают конкретного человека даже без специального воздействия, всем ходом жизни, бессознательно живут в нем и автоматически направляют его поведение. Понимание плюрализма как непознаваемого возвращения к невспоминаемому древнейшему опыту позволяет объяснить и многие групповые изнасилования.

Противники высказанной точки зрения могут возразить, что у детей и подростков влечение к подглядыванию вызывается совершенно естественными для их возраста любопытством и особенностями психосексуального созревания. Против этого невозможно возражать, но я как раз и пытаюсь показать, чем

порождается это любопытство и почему потребности в ходе сексуального созревания реализуются именно в таких формах, а не в каких-либо других. Отмечу также, что уменьшение с возрастом проявлений вуайеризма и эксгибиционизма связано с усилением социального контроля, когда дремлющие в человеке инстинкты начинают более успешно сдерживаться.

Другое возражение может быть сведено к тому, что у значительной части эксгибиционистов и вуайеристов наблюдаются аномалии и болезни. Не случайно, многие психиатры и сексопатологи именно такими расстройствами объясняют подобные явления. Я вообще не склонен искать причины антиобщественного поведения в психических отклонениях, во всяком случае напрямую выводить его причины из таких отклонений. Но то, что последние оказывают весьма существенное влияние на сексуальную патологию, у меня не вызывает ни малейших сомнений. Я имею в виду следующее: психические аномалии и особенно болезни существенно снижают возможности успешной социализации личности, надлежащего усвоения ею специальных норм, реализации «автоматизированного» общественно полезного поведения; иначе говоря, шансы адаптации человека с патологической психикой значительно ниже, у него менее эффективно действуют внутренние социальные запреты, давая больший простор инстинктам, неконтролируемым сознанием влечениям. В этом плане отнюдь не выглядит случайным то, что многие проявления эксгибиционизма и скопофилии имеют место в нетрезвом состоянии, т. е. при суженном сознании, когда алкоголь снимает субъективные социальные запреты.

Распространение группового секса в древнейшем обществе может быть подтверждено наблюдениями среди примитивных народов в наши дни. Как пишет индийский историк Д. Косамби, некоторые до сих пор существующие религиозные обряды в Индии могут быть прослежены до их древнейших, первобытных истоков. В весеннем празднике холи, превратившемся в наши дни в настоящую вакханалию, центральным моментом являются танцы вокруг огромного костра. На другой день неизменно начинается шумное, откровенное проявление публичного цинизма, сопровождаемое в некоторых более глухих районах полной сексуальной разнузданностью и промискуитетом. В древнейший период питание было скудным,

жизнь чрезвычайно трудна и воспроизводство потомства представляло проблему. Тогда подобные вакханалии служили своего рода стимулятором, считает индийский историк. Наблюдаемый во время праздника холи разврат — уже современное преобразование: улучшение питания в сочетании с тяжелым крестьянским трудом совершенно изменили характер полового влечения и отношения к полу^[40].

Нельзя адекватно осмыслить истоки инцеста и плюрализма, если не учитывать промискуитетный *период* в сексуальной жизни древнего человека. Термин «промискуитет» введен шотландским исследователем первобытного общества Мак-Леннаном и Л. Г. Морганом для обозначения предполагаемой стадии ничем не ограниченных брачных отношений, предшествовавшей установлению каких-то норм брака и семьи. О наличии промискуитета свидетельствуют нарушения введенных ограничений половых отношений на определенное время в той или иной форме, в связи с обрядами, обычаями гостеприимства, что зафиксировано у очень многих известных науке древних и современных отсталых народов. Сведения, содержащиеся о них в фольклоре, мифах и легендах, позволяют предположить, что в период первобытного стада не было ограничений в брачных отношениях, в том числе налагаемых близким родством.

Л. Г. Морган выделяет кровнородственную семью, которая основывалась на групповом браке между братьями и сестрами. Свидетельство этой формы при жизни Л. Г. Моргана сохранялось в древнейшей из существовавших систем родства, малайской, показавшей, что это первая форма семьи была в древности столь же универсальная, как и созданная ею система родства. Этот вид брака был заменен *пунаунальным*, при котором группы братьев имели общих жен и группы сестер имели общих мужей, причем в обоих случаях брак заключался групповым порядком. Данная система взаимного брака ушла только на одну ступень от промискуитета, ибо равнозначна последнему с добавлением регулирования. Малайская семья относится к глубочайшей древности и является наиболее архаичной формой. Она не могла произойти от какой-либо другой уже существовавшей системы, так как нельзя себе представить какой-либо более элементарной семьи. С течением времени связанное с такой

формой семьи зло привело к осознанию необходимости изжить данную систему. Дикари, по справедливому замечанию Л. Г. Моргана, в рамках своих брачных союзов жили вполне невинно, прилично и нравственно на основе обычаев и порядков, имевших для них силу закона^[41].

По мнению того же автора, промискуитетные связи отражают самую низкую, какую можно себе представить, стадию дикости, самую первую ступень лестницы прогресса. Человека в этом состоянии едва можно было отличить от бессловесных животных, которыми он был окружен. Не зная брака, живя, вероятно, в примитивной группе, он был не только дикарем, но обладал слабым интеллектом и еще более слабыми нравственными чувствами. Это было в период, когда люди добывали себе пищу собирательством, еще только начали складываться группы кровных родственников, неизбежным образом состоявших в групповом браке, что привело к образованию кровно-родственных семей. Последние несли на себе печать этого предшествующего состояния и признавали промискуитет в определенных пределах, далеко не тесных. Л. Г. Морган отмечает, что среди живущих в промискуитете племен Геродот упоминает аусеев Северной Африки, Плиний — гарамантов Эфиопии, Страбон — кельтов Ирландии и арабов.

Групповой стадный секс дикарских времен сохранился в первых цивилизациях в виде оргий: у индейцев доколумбовой поры, у древних римлян (сатурналии), греков (вакханалии) и китайцев, что, впрочем, характерно для многих аграрных культур древности. Оргиастический секс стал переходить из поколения в поколение.

Подведем некоторые итоги. Такие сексуальные отклонения, как эксгибиционизм, вуайеризм, плюрализм и инцест, имеют культурально-запретное происхождение, и вне социальных норм их оценка в качестве патологии лишена смысла. Запрет был наложен на те формы сексуальной жизни, которые до тех пор считались вполне приемлемыми. Поэтому нарушение соответствующих предписаний, всплывающее в виде бессознательных воспоминаний об очень отдаленных временах, что может проявиться и в фантазиях, и в сновидениях, можно расценить как протест против подобных предписаний. В возникновении и развитии названных патологий биологические особенности, физиологические процессы скорее всего

не играют сколько-нибудь серьезной роли в отличие, например, от гомосексуальных проявлений или транссексуализма.

Здесь мы имеем экспансию культуры по отношению к природе, а не наоборот. Но они, соревнуясь, продолжают сосуществовать, и от этого жизнь не становится бледнее. Протест природы не способен разрушить всю целостность хотя бы потому, что в данном случае культура создала как бы новую, в основном социальную, природу, которая начинает самостоятельную жизнь.

XX век дал нам удивительнейшие примеры воссоздания наиболее архаичных форм брачно-сексуальных отношений не только на индивидуальном, но и на государственном уровне. Я имею в виду гитлеровскую программу спаривания немецких женщин с молодыми солдатами с целью получения чистопородного арийского потомства. «Красные кхмеры», уничтожив семью в Камбодже, пытались создать некое коллективное сексуальное сообщество.

Я далек от мысли объяснить все без исключения сексуальные отклонения (равно как и психические расстройства) лишь действием невоспоминаемого коллективного опыта. Однако понять человеческую сексуальность, в том числе отступление от ее цивилизованных форм, минуя данные филогенеза, невозможно. Вместе с тем нужно проявить большую осторожность в теоретических обобщениях, основанных на изучении филогенеза, как к тому призывает, например, И. С. Кон. Он справедливо считает, что наиболее общая филогенетическая тенденция, существенная для понимания человеческой сексуальности — прогрессивное усложнение, дифференцировка и автономизация сексуальной анатомии, физиологии и поведения. Чем выше уровень биологической организации индивида, тем более сложной и многоуровневой становится система его репродуктивных органов и способов ее регуляции на уровне организма.

Приведенные мною доказательства воздействия исторического бессознательного на некоторые нарушения сексуального поведения во многом строятся по аналогии, однако аналогии не всегда и не во всем представляют исчерпывающие доказательства, особенно если не вскрыты причинно-следственные связи между анализируемыми явлениями. Но если исходить из общей теории о том, что прошлый опыт способствует возрождению некоторых архаичных форм поведения человека, то приведенные аналогии представляются более

чем красноречивыми. В действиях лиц, повинных в эксгибиционизме, вуайеризме и инцесте, явственно видно бессознательное стремление в своей сексуальной жизни возвратиться к истокам времен. Очень часто они практически не управляют собой и просто не в состоянии преодолеть это стремление, в связи с чем возникают серьезные сомнения в их вменяемости. Запретное желание навязывается им, и во время его реализации они живут наиболее полной жизнью, но той жизнью, которой жили их архаичные предки.

Пока что без ответа остался очень сложный вопрос: почему в синдроме «одичания» (о нем речь пойдет ниже), эксгибиционизме и некоторых других видах сексуальных отклонений проявляется не только древний людской, но и животный опыта, так как Г. Юнг писал, что коллективное бессознательное является вотчиной всевозможных представлений, но не индивидуальной, а общечеловеческой и даже животной, и представляет собой фундамент индивидуальной психики. По-видимому, то, что человек перенял у животного, сохраняется затем в виде осадка человеческого опыта, вытесненного, но не уничтоженного цивилизацией.

2.5. Психические расстройства

Наблюдение за отдельными психически больными лицами иногда убеждает в том, что тяжкие психические болезни, кроме прочих следствий, часто возвращают человека в какое-то изначальное состояние, к каким-то смутным истокам, когда не было цивилизации с ее упорядоченностью и регламентированностью жизни, распределением прав и обязанностей, признанием их сочетаемости, с ее ответственностью и ограничением личного произвола. Безумие отрицает, нет, даже не отрицает и не игнорирует, а просто оставляет культуру в стороне, как бы ничего не ведая о ней, ее нравственных нормах, ее требованиях к личности, в том числе гигиенических. Образно говоря, некоторые психические болезни раздевают современного человека, возвращают его к первобытным, иногда и к «животным» временам. Если общество, включение в социальные контакты делают из биологического существа человека личность, то тяжелое безумие нередко детерминирует прохождение этого же пути в обратном направлении. Отсюда бессознательный и невинный уход от нравственности, законов и иных запретов и соглашений цивилизации. Можно предположить поэтому, что некоторые расстройства психической деятельности, в первую очередь глубокие, есть возвращение первобытного опыта. Такие расстройства обуславливают непонятную пока необходимость прихода древнейших форм существования.

Наверное, как и в отношении других сложных проблем, можно было бы поставить вопросы о том, что же хотела сказать природа, возвращая человека в лоно дикости, в чем, если позволительно поставить так задачу, смысл подобного регресса и ради чего это происходит. Быть может, здесь вообще нет смысла, но можно усмотреть и мудрость, если психически больной, т. е. психологически и социально наименее адаптированный человек, сможет, шагнув далеко назад в исходное лоно, обрести относительный покой и защиту от нового и непонятного, а порой и враждебного мира.

Отступление, иногда резкое, от выработанных человечеством на протяжении всей его истории социальных норм и навыков очень часто

выражается в грубых, нередко исключительно опасных нарушениях нравственности и законности, а также гигиены. Первые охватывают значительный круг аморальных и преступных действий — от инцеста до убийства, и не случайно многие из них весьма трудно объяснимы. Такое положение, как можно предположить, связано с тем, что наблюдаемые явления пытаются понять и объяснить с помощью теорий или представлений (их условно можно назвать обычными), которые не позволяют проникнуть в генезис изучаемого явления. Иными словами, они неадекватны ему.

Нарушения гигиены у значительной части психически больных носят частичный, а нередко и абсолютный характер. Несоблюдение гигиенических норм со стороны таких людей ни в коем случае не следует расценивать как сознательный отказ от них, как нежелание принимать их во внимание, как их игнорирование. Напротив, они ему как бы неведомы, не включены в число ориентиров его поведения, в его эмоциональную структуру и систему ценностей, он никак не относится к ним. Психически больной живет вне их, не ставя перед собой вопроса, правильно это или нет, нужны ли они ему или бесполезны, но тогда он часто возвращается в первобытное, даже животное состояние, что тоже не осмысливается. Не случайно это вызывает резко отрицательное отношение окружающих вплоть до полного выталкивания психически неполноценного человека из своей среды. Такое отношение порождается не только совершенно очевидным отвращением к человеку, оказавшемуся вне принятых гигиенических норм, но и констатацией того, что он не принадлежит к этому миру, что он чужой, иной, ненужный, иногда даже вызывающий страх.

Разумеется, здесь не имеются в виду болезненно чрезмерное соблюдение гигиены и опрятности, постоянная боязнь заразиться, если человек, подверженный таким опасениям, скрупулезно следует им же придуманным правилам, и т. д. Известно также, что многие психически больные соблюдают названные правила, как минимум самые необходимые, что, как и среди здоровых, является следствием соответствующего воспитания и бытового контроля. Все же сказанное выше относится к тем, кому гигиена чужда. Видимыми причинами этого могут быть старость, тяжкие болезни и увечья, отсутствие элементарных удобств, как, например, у бродяг и т. д., однако «уход»

от гигиены можно расценить и как возврат в архаичные времена и увидеть в этом глубинный, тайный смысл подобного «ухода». Такое понимание тем более верно в отношении тех, кто не стар, не обездвижен болезнью, не страдает тяжкими увечьями.

Многие привычные бродяги, длительное время ведущие антиобщественный образ жизни, среди которых, кстати, велик удельный вес лиц с психическими недугами, не желают отказываться от такого существования, антигигиенического в том числе. Само систематическое бродяжничество может быть расценено как возврат древнейшего опыта тех людей, которые на заре человечества скитались с места на место.

В свете сказанного исключительный интерес представляет работа Ю. К. Чибисова, исследовавшего поведение больных, напоминающее поведение животных. Это явление он назвал синдромом «одичания»: пораженные им люди бегают на четвереньках, временами ходят сгорбившись, низко опустив руки, напоминая человекообразную обезьяну, иногда сидят в позе четвероногого животного или лежат на полу, свернувшись калачиком. Часто спонтанно произносят звуки, напоминающие то лай собак, то хрюканье свиньи, то ржание лошади, то крик гусей или петухов. Едят пищу, не пользуясь ложкой, руками. А иногда, уткнувшись в тарелку, с жадностью лакают из нее. При неприятных для них раздражителях часто озлобляются, начинают скалить зубы, издавать звуки, напоминающие рычание: некоторые из них прижимаются телом к полу и принимают позу животного, «готовящегося к нападению», другие совершают движения руками наподобие взмахов крыльями, третьи ежатся, со страхом уползают, произнося звуки, похожие на скуление. При попадании в их поле зрения различных предметов они часто настораживаются, присматриваются к ним, обнюхивают их. Многие больные не пользуются бельем, бывают неопрятны, от них пахнет мочой и калом.

Среди выводов, которые делает Ю. К. Чибисов, привлекают внимание следующие.

На фоне нарушения наиболее поздно приобретенного опыта и навыков (в их двигательном и речевом (точнее, звуковом — Ю. А.) проявлениях) наиболее отчетливо вырисовывается преобладание освободившихся ранних форм передвижения и способов общения, а также безусловных реакций и инстинктивной деятельности (пищевой,

ориентировочной, инстинкт самосохранения). Нарушение сознания приобретает характер сумеречного расстройства, что проявляется в полном отсутствии ориентировки в окружающем и в своей личности, а также в неотчетливости восприятия окружающего. Больные находятся как бы в иной обстановке. Их поведение часто определяется явлениями двигательного автоматизма. Впоследствии отмечается обычно полная амнезия.

Ю. К. Чибисов считает, что синдром «одичания» не следует понимать как возвращение психической жизни к филогенетически более ранним этапам развития. Полученные им клинические факты говорят против отождествления законов патологии развития болезни с законами обратного развития человеческой психики. Анализ нарушений психических функций при разных стереотипах течения синдрома «одичания» указывает на различную степень участия в клиническом оформлении синдрома разных уровней различных болезненно измененных функциональных систем психики. По мнению Ю. К. Чибисова, нет оснований соглашаться с зарубежными исследователями, которые придерживаются эмоционального принципа и рассматривают психические заболевания, характеризующиеся функциональным регрессом психики, как результат возвращения психической жизни на более ранние этапы ее развития. Психопатологические проявления не представляют собой результат высвобождения психических функций в том неизменном виде, который они приобрели в процессе онтофилогенетического развития.

Позиция Ю. К. Чибисова не выходит за рамки традиционных представлений отечественной психиатрии, в соответствии с которыми синдром «одичания» относится к истерическим психозам. Такие психозы характеризуются наиболее глубоким нарушением психических функций, на фоне которого возникает своеобразная клиническая картина, а ее отличительным признаком выступает форма поведения больного, напоминающая поведение животного.

Названные расстройства нашли свое отражение как в художественной, так и в медицинской литературе. До возникновения психиатрии как науки указанные состояния описывались как «порча», «беснование», «одержимость», «кликушество и т. д.» в зависимости от господствующего в то время религиозного взгляда на происхождение и характер этого заболевания. Впоследствии часть этих заболеваний

прочно вошла в число психогенных, в отечественной психиатрии они подучили названия «синдром одичания» (А. И. Молочек, Ю. К. Чибисов), «регресс личности» (А. Н. Бунеев), «функциональный регресс психики» (Н. И. Фелинская).

О. Е. Фрейеров также наблюдал несколько случаев наличия синдрома одичания у психически больных. Один из них, О., в 40-х годах в связи с разными правонарушениями трижды направлялся на экспертизу в Институт имени Сербского и каждый раз в течение первых 4–5 месяцев обнаруживал тождественное по симптоматике кататоническое реактивное состояние с элементами так называемого регресса личности. О. на вопросы не отвечал, все время лежал в постели, укрывшись с головой одеялом, с жадностью набрасывался на пищу, съедал все прямо ртом из миски или хватал руками, оправлялся под себя. Фрейеров объясняет такое поведение косностью патодинамической структуры, которая длительное время после исчезновения психотравмирующей ситуации полностью не ликвидируется и вновь оживает при новых психогенных воздействиях, обуславливая развитие тождественного предыдущему психопатологического синдрома. Таким образом, патофизиологическое объяснение заключается в предположении о возможном оживлении под влиянием новой психогенной вредности костного и длительно сохраняющегося «больного пункта» в коре мозга.

В этом объяснении не совсем ясно, об оживлении чего идет речь и что представляет собой костный и длительно сохраняющийся «больной пункт». Возможно, под косностью автор имеет в виду какие-то древние, архаичные формы, неожиданно пробудившиеся в нем под влиянием новых психогенных факторов. Но, скорее всего, речь идет просто о повторении в поведении О. его же прежних поступков — ведь он помещался в институт им. Сербского три раза, и во всех случаях наблюдались описанные выше дикие действия. Но в таком случае непонятно, что оживлялось у больного, когда он в первый раз демонстрировал регрессивное поведение.

О. Е. Фрейеров отмечает, что клиническая картина, выражающаяся в регрессе на более ранние онто- и даже филогенетические формы поведения, была обнаружена и патофизиологами, которые видели в ней проявление расторможения подкорковых областей при торможении отдельных участков коры.

Фрейеров ссылается на выводы О. И. Нарбутович о том, что у кататоников наряду с торможением высших безусловных реакций наблюдается расторможение примитивных, рудиментарных рефлексов — хватательных, ползательных и сосательных. Но, как мы видим, во всех этих рассуждениях нет ответов на неизбежно возникающие здесь вопросы: что понимается под примитивными, рудиментарными рефлексами, почему растормаживаются они, а не какие-нибудь другие, каким образом происходит растормаживание, в чем смысл и значение подобных явлений, почему вообще все это возникает.

Нельзя не обратить внимание на высказанное О. Е. Фрейеровым соображение о том, что не всегда можно установить прямую корреляцию между тяжестью врожденного слабоумия (регресс личности он анализировал в рамках олигофрений) и глубиной ее регресса в реактивном состоянии. Иногда выраженная симптоматика регресса личности наблюдалась у относительно неглубоких олигофренов с психопатическими чертами характера. Однако чем большее место в клинической картине занимает расторможение низких влечений (обнаженное выявление главным образом пищевого и полового рефлексов), тем чаще речь идет о более глубоких степенях умственной недостаточности.

Из этих наблюдений можно сделать ряд важных выводов или, скорее, высказать некоторые гипотезы. Синдром «одичания» не наблюдается, понятно, среди здоровых и его наличие неизбежно приводит к констатации психического расстройства. Если большая частота расстройств низких влечений действительно соответствует более глубокой степени умственной недостаточности, то, по-видимому, болезнь, наступая, высвобождает место для архаичных проявлений. Иными словами, в каких-то пока неизвестных случаях эти проявления заполняют некий спонтанно образовавшийся вакуум, а наступление болезни, возможно, предполагает наступление более поздних форм психической жизни.

Принятый в психиатрии взгляд на описанный синдром «одичания» представляется недостаточно полным в том смысле, что он в основном фиксирует его нозологические особенности и мало объясняет происхождение анализируемого явления, не дает ответа на такие вопросы, как: почему при этом виде истерического психоза имеет место столь мощный и беспримерный откат назад; почему

больные уподобляются именно животным и в чем глубинный субъективный смысл подобного поведения; почему больные издают звуки, напоминающие лай собаки или хрюканье свиньи, а не, скажем, гудки современного локомотива. Между тем в самом обозначении синдрома «одичания» явственно, пусть и частично, заложены ответы на поставленные вопросы, хотя авторы названия синдрома вряд ли отдавали себе в этом отчет. Ведь одичание, как и регресс личности, означает возврат далеко назад, к дикости, первозданности, к животному состоянию, даже не первобытному человеку, а именно животному. Поэтому лишь констатация того, что синдром «одичания» представляет собой истерический психоз, воспринимается неудачной попыткой упростить природу чрезвычайно сложного явления. Эмпирические материалы, собранные Ю. К. Чибисовым, явно богаче и весомее тех выводов, которые он сделал. Разумеется, моя гипотеза вовсе не претендует на отрицание нозологической принадлежности анализируемого расстройства психики.

Несмотря на всю исключительность описанных Ю. К. Чибисовым и другими фактов, они отнюдь не единственны. Ю. В. Каннабих в своей книге «История психиатрии» напоминает предание о Навуходоносоре, наказанном безумием за надменность и гордость. Он скитался как вол, опустив голову, по пастбищам, одичал, весь оброс и питался травой. Если при одичании некоторых больных наблюдается их возврат не к первобытному человеку, а еще дальше — к животным, то есть основания предположить, что откат возможен и, так сказать, «ближе» к отдаленным человеческим предкам.

Разумеется, далеко не каждое истерическое или бредовое проявление, содержащее архаические черты, свидетельствует о бессознательном возврате древнейшего человеческого опыта. Например, украинские исследователи И. И. Кутько и В. В. Павленко приводят данные о результатах обследования 20 больных — представителей этнических популяций малых народов Севера (манси, якуты), а также Бурятии и Тувы. В клинике болезни, наряду с типичными бредовыми и аффективными проявлениями в рамках тех же синдромов, большой удельный вес занимали филогенетически древние, архаические симптомы: идеи колдовства, магии, шаманства, одержимости духами, сатаной, кататонические включения, ритуальные

действия, стереотипии, в сфере мышления — паралогичность и элементы мифологии, одушевления природных сил.

Однако названные симптомы вряд ли представляют собой вспышку филогенетически древнего опыта, не связанного с реальной жизнью этих людей. Колдовство, магия, одушевление природных сил и т. д. для многих представителей названных народов — сегодняшняя действительность, хотя и унаследованная из седой старины (эти явления зримо передаваемы из поколения в поколение).

Можно ли считать возвратом в далекое прошлое не только синдром «одичания», не только явный уход от цивилизованных гигиенических правил, но и ничем внешне не вызванную хаотичную бессмысленную агрессивность? Так, в рамках эксплозивно-дистимического синдрома при олигофрениях эксплозивный разряд обычно носит брутальный, неудержимый характер: больные иногда впадают в состояние ярости, набрасываются на окружающих, проявляют агрессию в отношении лиц, случайно оказавшихся в их поле зрения. В состоянии такого возбуждения они не поддаются уговорам даже тех лиц, к которым в обычное время особенно привязаны, не считаются с возможными последствиями своих действий. Некоторые больные кусаются, издают нечленораздельные, воющие звуки. В рамках адинамического синдрома при олигофрениях наблюдаются проявления примитивной жестокости и слепой ярости, настоящего иступления.

Создается впечатление, что какие-то темные, лишь смутно угадываемые силы ищут выхода в таком недифференцированном и нерегулируемом насилии. Это не агрессивность первобытных людей, которые далеко не все и не всегда так вели себя, а их наступательные действия преследовали определенные цели и отнюдь не были лишены смысла. Это не агрессивность и животных, которая необходима для них и поэтому рациональна. Скорее это насилие, так сказать, в чистом, первозданном виде, как незамутненное проявление некой еще неведомой идеи, некой неизбежности, фатума, существующих абсолютно независимо от какой-либо внешней среды или ситуации и поражающих своих избранников. В момент брутального взрыва окружающее для них не существует, и не случайно психиатры отмечают неудержимый характер их агрессии. Грубое насилие часто

выступает в качестве простейшего и в то же время универсального способа удовлетворения примитивных, даже животных потребностей.

Конечно, некоторые вменяемые убийцы, например сексуальные маньяки, тоже бывают невероятно жестоки. Однако они резко отличаются от буйствующих психически больных тем, что всегда или почти всегда поступают в соответствии со складывающимися обстоятельствами. Именно это часто позволяет им избежать уголовной ответственности. Агрессия таких преступников в большинстве случаев строго дифференцирована, и они, как правило, не нападают на всех без разбора, лишь повинаясь инстинкту тотального уничтожения.

По-видимому, и страхи, так часто наблюдаемые среди психически больных, также нельзя во всех случаях отнести к числу архаичных проявлений в психике. Страхи у современного человека, в том числе психически больного, наличествуют не потому, что они передавались ему от далеких предков, а потому, что как раньше, так и сейчас, имеются факторы, вызывающие подобные негативные эмоции, т. е. они присущи и первобытному, и вполне цивилизованному человеку. Страх — его постоянный спутник.

Между тем многие исследования, в частности выдающегося французского этнолога Л. Леви-Брюля («Сверхъестественное в первобытном мышлении»), убедительно свидетельствуют о том, что первобытный человек боялся всегда, все и всех: явлений природы, духов и покойников, других людей и колдовства, даже их раздражительности и неудовлетворенных желаний, агрессивных и просто нежелательных настроений, всех одушевленных и неодушевленных явлений, которые он наделял способностью причинять ему зло. Поэтому вполне обоснованно предположить, что некоторые болезненно-фобические проявления, в том числе в рамках невротических расстройств, представляют собой неконтролируемый возврат этого древнего страха.

Есть основания думать, что содержание некоторых видов бреда и галлюцинаций своими корнями уходят в архаичное прошлое и здесь проявляются архетипы коллективного бессознательного.

Для иллюстрации возврата к дикости приведу пример общественно опасных действий психически больного.

Джумагалиев, 30-ти лет, в 1979 г. в Казахстане убил семерых женщин. В первых пяти случаях он как охотник ночью в засаде

поджидал свои жертвы и сразу наносил удары ножом, двух женщин он убил у себя дома. Первой жертвой была А. Расчленив ее труп, он унес домой части тела и в течение месяца употреблял в пищу — делал пельмени, жарил, варил. Через несколько недель убил К. и выпил кровь из трупа, вскоре после этого совершил нападение на Л. и А., но их кровь не пил и мясо не ел, так как ему помешали. Следующей потерпевшей была В., убийца выпил ее кровь и закопал в землю части тела, есть не стал, поскольку намеревался растопить жир из ее тела, чтобы обмазать могилу деда. Убив еще двух женщин, он расчленил их трупы, выпил кровь, разрубил головы и съел мозг. У одной из них в нижней части живота сделал ножом отверстие и через него совершил половой акт.

Таков вкратце перечень абсолютно нечеловеческих поступков Джумагалиева. Психиатрическое обследование этого супермонстра показало, что его наследственность отягощена: тетка по отцу — странная, замкнутая женщина, у старшей сестры что-то не в порядке с головой. Рос и развивался нормально, не отставал. Избирательно общительный, больше замкнутый: трудолюбив, любил порядок, справедливость и особенно — путешествия и животных. Рано стал ходить на охоту со сверстниками и дедом, которого очень почитал, потом чаще отправлялся охотиться один. Понемногу любовь к животным стала чрезмерной, сверхценной, много думал об их незащитности и возмущался отношением к ним. На охоте стал стрелять мимо дичи, раненых животных выхаживал. Считал, что животные понимают его, а он их.

Интерес к девочкам возник в 8 лет, с 16 лет периодически встречался с ними, но не делал попыток сексуального сближения. Большое впечатление производили рассказы о жертвоприношениях животных и людей. В 1970 г. закончил железнодорожное училище и некоторое время работал по специальности. Во время службы в армии вначале все было хорошо, потом заметно снизилось настроение, стал пить: после демобилизации дважды пытался поступить в институт, но ничего из этого не получилось, что привело его к мысли, что он неудачник. Ушел в горы и подолгу жил в пещерах. С 1974 по 1977 г. разъезжал по стране и работал в различных организациях, затем возвратился в совхоз к родителям.

С женщинами был сдержан и застенчив. С 1975 г. стали возникать зрительные представления различных обнаженных частей женского тела и внутренних органов, при этом испытывал половое возбуждение. Половая связь была в основном со случайными женщинами, заразился сифилисом, потом трихомонозом. По возвращении к родителям стал постоянно жить с некой Я., однако это сожителство было более чем странным: он ее бил, по его требованию она вступала в интимную связь со знакомыми. Вместе с тем Джумагалиев считал, что Я. неправильно ведет себя и постоянно наставлял ее. Постепенно у него появилось отвращение к половому акту, полностью удовлетворения он не получал, но тяга к женскому телу оставалась, усилился наплыв «просвечивающихся», часто отчлененных частей и органов женского тела, а также внутренностей. Обнаружив господство матриархата и «точно» оценив его опасность, решил, что на женщин нужно навести страх. Появилось желание пить их кровь, чтобы получить дар пророчества. Кроме того, он пришел к мысли, что, если поест женского мяса, то его влечение к женщинам уменьшится, а само убийство покажет, что это значит, когда охотник убивает животное. После каждого убийства с удовлетворением отмечал, что снизился разврат, женщины стали больше уважать мужчин, у них появился страх. Однажды во время полового акта со случайной женщиной душил ее, ударял кулаком в живот, щипал за груди и ноги, заявлял, что она выпила его кровь, при этом выглядел довольным, улыбался.

Психиатрам-экспертам рассказал, что к каждому убийству, к охоте на женщин готовился как к торжественному событию. У него возникло отвращение к мясу и обычным половым актам, была лишь страсть к расчлененному женскому телу и желание совершить половой акт в колотую рану на животе. В сохранившихся собственноручных записях Джумагалиева сказано, что съеденное человеческое мясо привело к усилению «самостоятельного хода мыслей». Он стал незаурядной личностью. Его вклад пойдет на благо общества и будет оценен в будущем, а чтобы лучше зафиксировать это, после всех убийств ему следовало бы уйти в горы и написать поучительный научный труд. С интересом ожидает своего расстрела, что бы «уловить импульс перехода от жизни к смерти и понять смысл жизни».

У Джумагалиева диагностирована шизофрения, и он признан невменяемым. Однако это не освобождает нас от необходимости

ответить на архисложный вопрос: каков внутренний, личностный смысл совершенного Джумагалиевым, что толкало его на столь чудовищные поступки. Несомненно, его отличала жестокость, абсолютное бесчувствие к людям, некросадизм. Не вызывает сомнений также, что это глубоко отчужденная личность, практически полностью потерявшая связь с внешним миром, ненавидящая женщин, расцениваемых им как источник зла. Однако эти верные констатации, равно как и наличие шизофрении, не очень приближают нас к пониманию того, почему он убивал женщин и, главное, почему употреблял в пищу тела убитых. На эти вопросы можно найти ответы, если вспомнить, что такое каннибализм.

В настоящее время известно несколько видов каннибализма, есть и достаточно убедительные объяснения этого явления. Но не следует думать, что оно имеет отношение только к первобытным народам. Людоедство встречается, хотя и очень редко, среди вполне современных людей, живущих в цивилизованных странах. В этом убеждает, например, анализ уголовных дел о серийных сексуальных убийствах. Он позволяет сделать предположение, что, возможно, из общечеловеческой невспоминаемой памяти к виновным в таких действиях возвращается древнейший, дикий опыт.

В глубокой древности, на стадии перехода от животных к человеку, каннибализм вообще был распространенным явлением, и человеческое тело употреблялось в пищу наряду с животными и растениями. Это была наиболее дикая эра, когда человек еще не полностью выделил себя из животного мира и тем более из числа себе подобных; по-видимому, она надолго сохранилась у наиболее архаичных племен.

Каннибальские действия Джумагалиева никак не могли быть продиктованы голодом либо стремлением утвердить себя в качестве сверхчеловека в чьих-то глазах или своих собственных. Он прибегал к людоедству для того, чтобы, по его же словам, таким способом приобрести определенные и очень нужные ему качества, т. е. следовал в этом за своими давно ушедшими предками. Думается, однако, что поведение данного людоеда мотивировало не только это, но его бессознательное стремление возвратиться в дикую древность. Вот почему он подолгу жил в пещерах, иными словами, практически вел такое же существование, как первые люди на земле. Сверхценное

отношение к животным можно расценить как попытку возврата в животный мир, но на психологическом уровне. Есть основания предположить, что шизофрения стала тем механизмом, который способствовал созданию необходимых предпосылок для формирования и реализации всех названных тенденций.

Требует объяснения следующее немаловажное обстоятельство: почему Джумагалиев убивал женщин, а не мужчин или детей? Найти ответ на этот вопрос не так трудно: с женщинами он был сдержан и застенчив, т. е. скорее всего опасался отпора с их стороны, и поэтому они представлялись ему враждебной силой; сожительствовал лишь со случайными, легко доступными женщинами, следовательно, выбор сексуального партнера был для него совершенно не персонифицирован, что в конечном итоге тоже связано со страхом быть отвергнутым другими; от таких связей он заразился опасными венерическими заболеваниями; у него не сложились должные отношения с Я., с которой он более или менее долго сожительствовал. Толкая ее на интимные связи со своими знакомыми, Джумагалиев тем самым отталкивал ее от себя и одновременно себя же убеждал в опасности женщин, этих зловредных существ. Особенно показательным, что этому людоеду хотелось совершать половые акты в раны на животе и в действительности он совершил такое. Это тоже свидетельствует о том, что он отвергал женщин, представление о которых у него было сконцентрировано на половом органе. Он его как бы отбрасывает, не желает иметь с ним ничего общего.

Таким образом, ненависть к женщине и прежде всего действие коллективного бессознательного в виде возврата людоедства мощно стимулировали беспрецедентные поступки этого человека.

Мысль о том, что психические болезни как-то связаны с седой древностью, в психиатрии высказывалась неоднократно. Так, известный грузинский психиатр А. Д. Зурабашвили писал, что предметом палео- и археопсихопатологии должны быть не формы переживания, а уточнение и вскрытие психодинамических корней, связывающих известные нам отдельные болезненные отклонения с глубокой древностью. Теоретические искания в этом плане подтверждаются основными установками современной медицины и биологии, каждая отрасль которых обязана руководствоваться эволюционным принципом. А. Д. Зурабашвили присоединяется к

мнению В. Ф. Поршнева, что палеонтологические раскопки в человеческом познании, т. е. сфера генетической психологии и генетической логики, — чрезвычайно перспективная научная отрасль.

Между тем А. Д. Зурабашвили отнюдь не ставит вопроса о том, могут ли отдельные психические болезни или какие-то их проявления быть результатом действия коллективной бессознательной памяти.

Сейчас есть возможность сформулировать весьма обоснованное предположение о возврате некоторых форм невоспоминаемого человеческого опыта у психически больных. В самом общем виде можно сказать, что если современная культура наслаивается на прошлое и пронизывает его, уничтожая, ослабляя или приспособлявая к современным условиям, то и прошлое, в свою очередь, сопротивляется и оказывает давление наверх. Но это, конечно, общее положение, поскольку прошлый невоспоминаемый исторический общечеловеческий опыт проявляет себя не только в психических болезнях и нарушениях сексуального поведения, но и в тоталитарных режимах, и в антиобщественном (преступном) поведении, особенно в убийствах детей.

Если допустить архаичное происхождение некоторых нарушений психики, то можно предположить, что смыслом этих нарушений, абсолютно не охватываемых сознанием, есть возвращение человека к некоему доисторическому, точнее, доцивилизованному состоянию. Но я подчеркиваю, что речь идет лишь о некоторых нарушениях психической деятельности и, следовательно, только о некоторых попытках возврата к доцивилизованному состоянию. Не исключено, что в отдельных случаях желание ухода в глубокую древность представляет собой реакцию страха на актуальную ситуацию на свою несостоятельность в этой жизни и форму дереализации. Происходит противопоставление онтогонического филогенетическому. Это способ избегания небытия путем избегания бытия, но здесь выигрыш может быть сомнительным, поскольку прошлое способно стать актуальным бытием. «Я», сориентированное на бездонное прошлое, становится полностью нереальным, расщепленным и мертвым. Оно уже не способно обеспечивать и поддерживать непрочное ощущение своего присутствия в этом мире и своей индивидуальности. Чем больше угрожает нынешний мир человеку, тем основательнее уходит он от

него, но, конечно, угроза никак не опредмечена — это диффузно ощущаемая на организмическом уровне опасность.

Чем дальше идет человек к своим истокам, тем меньше он становится личностью. Наконец, она исчезает, как в случаях, описанных Ю. К. Чибисовым. Человек при синдроме «одичания» движется не к глубинам собственной психики, а к началам того пути, по которому пошло человечество.

Глава 3

Убийства детей

3.1. Детей убивали всегда

Жестокое обращение с детьми вплоть до их убийства можно с полным основанием назвать самым тяжким грехом не только потому, что они совсем беззащитны и целиком находятся во власти взрослых, но и потому, что такие посягательства на них противоречат наиболее глубинному смыслу человеческого существования. Действительно, если люди будут жестоко относиться к детям и даже убивать их, то общество рискует погубить собственное будущее, сделать бессмысленным свой труд и творчество. Понятно, что такое отношение к детям безнравственно, но оно к тому же формирует абсолютно безнравственные личности.

Что же нужно понимать под жестоким обращением с детьми? По-видимому, это не просто пренебрежение своими родительскими обязанностями, невнимание, эмоциональная холодность или даже грубость по отношению к ним. Жестокое обращение — это умышленное применение физического или (и) психического насилия в виде убийства, нанесения телесных повреждений или побоев, издевательства, унижения человеческого достоинства, покушения на сексуальную неприкосновенность детей в возрасте до 14–16 лет.

В данной главе будут рассмотрены убийства детей.

Наш век дает потрясающие примеры жесточайшего отношения к детям — от убийства детей последнего русского царя, от гибели детей в немецко-фашистских лагерях уничтожения, во время бомбардировок, обстрелов и в кровавых межнациональных конфликтах до «бытовых» убийств детей, сексуального насилия над ними, их смерти от голода. История со всей убедительностью доказывает, что соображения, о гуманном отношении к ребенку никогда не останавливали ни убийц, ни грязных растлителей и насильников, религиозных фанатиков, ни преступных правителей.

О том, что дети приносились в жертву Богам и духам, известно давно. Э. Б. Тайлор выделяет такие жертвоприношения, в которых их ценность для жертвователя значительно превосходит предполагаемую ценность для божества. Наиболее поразительные случаи подобного рода, встречающиеся у народов уже сравнительно культурных, мы

находим, пишет Э. Б. Тайлор, в истории человеческих жертвоприношений у семитских народов. Царь моавитян, увидев, что победа склоняется не на его сторону, принес в жертву на городской стене своего старшего сына. Финикийцы приносили в жертву (с целью умиловления богов) своих самых любимых детей. Они увеличивали ценность жертвы тем, что выбирали ее из благородных семейств, полагая, что угодность жертвы измеряется тяжестью потери. Это убеждение было у них настолько сильно, что ежегодную праздничную жертву составляли только единственные дети. Гелиогабал перенес этот отвратительный азиатский обычай в Италию, избирая в жертвы своему солнечному божеству мальчиков из самых благородных семейств страны. Карфагеняне, потерпевшие в Пуническую войну неудачу и теснимые Агафоклом, приписали свое поражение гневу богов. В прежние времена их Кронос получал в жертву избранных детей своего народа, но впоследствии они стали для этой цели покупать и откармливать чужих детей. Карфагеняне подчинялись естественному стремлению жертвователя к замещению дорогих жертв, но теперь, в годину бедствий, наступила реакция. Решено было устроить чудовищное жертвоприношение, чтобы уравнять счет и компенсировать подставные жертвы. Двести детей из благороднейших семейств страны были принесены в жертву идолу. У них была медная статуя Кроноса с руками, наклоненными таким образом, что ребенок, положенный на них, скатывался в глубокую яму, наполненную огнем^[42].

Д. Д. Фрезер отмечал, что при раскопках в городе Гезере, в Палестине, были найдены детские скелеты, зарытые в кувшинах под землей на территории храма; эти скелеты, по общему мнению, свидетельствуют о практиковавшемся обычае приносить в жертву местному божеству первородных детей тотчас по рождении. Подобные детские гробницы-кувшины найдены также вокруг высеченного в скале капища в городе Таанахе (Палестина), и факт этот был одинаковым образом истолкован. Д. Д. Фрезер полагает, что принесение в жертву не взрослого, а ребенка объясняется тем, что она приносилась для закрепления договора. Его нарушитель должен был умереть бездетным, как тот ребенок, которым жертвовали. Если учитывать свойственное семитам страстное желание иметь потомство,

то становится ясно, что для них означало проклятие в случае нарушения договора^[43].

Не следует думать, что принесение детей в жертву практиковалось лишь в восточном полушарии. В Виргинии индейцы приносили детей в жертву (аллегорически или на самом деле) и думали, что «оки», или дух, высасывает из их левой груди кровь. Когда в Перу заболел инк или другой важный человек, он приносил в жертву божеству одного из своих сыновей, умоляя принять эту жертву вместо себя самого. Со временем детям, как и взрослым, стали находить замену. Так, вместо девушки стали приносить лань Артемиде в Лаодикее, вместо мальчика — козу Дионису в Потнии. Здесь просматривается некоторая связь с семитизмом, что ясно видно из истории принесения тенебосскими эомейцами Меликерту (Мелькарту) новорожденного теленка вместо новорожденного ребенка, причем жертва обувалась в сапожки, а с матерью-коровой обращались, как с матерью-женщиной^[44].

Библейский патриарх Авраам был готов принести в жертву Богу своего единственного сына Исаака. И хотя Бог предотвратил жестокое убийство Авраамом своего сына, от данного факта никуда не уйти. Вот как об этом рассказано в Библии: «И пришли на место, о котором сказал ему Бог, и устроил там Авраам жертвенник, разложил дрова и, связав сына своего Исаака, положил его на жертвенник поверх дров. И простер Авраам руку свою и взял нож, чтобы заколоть сына своего» (Быт., 22:9, 10).

Как мы видим, религия допускает возможность уничтожения ребенка в своих высших целях — для подтверждения верности Богу. Конечно, Бог все-таки спас мальчика, и все это было им предпринято для проверки Авраама. Но сам-то Авраам был готов пожертвовать сыном, и для нашего анализа это наиболее важный момент. Не надо думать, что древние иудеи недостаточно любили своих детей и их отношение к ним существенно отличалось от взглядов и чувств современного человека. Напротив, та же Библия свидетельствует о горячей любви этого народа к своим сыновьям и дочерям, об их постоянной заботе о потомстве. Очевидно, ценность Бога неизменно выше всего остального, и его милость необходимо сохранить в интересах всех живых.

Этот библейский эпизод получил громадный резонанс в христианской культуре, к нему многократно обращались художники,

писатели, философы (например, Кьеркегор), конечно же, богословы.

Внимательный анализ народных нравов показывает, что, к сожалению, жестокость в отношении детей и сейчас отнюдь не такая уж редкость и во многих случаях она оправдывается обыденным сознанием. Вместе с тем дети и весьма «легкая» жертва, ибо не способны к активному сопротивлению, а их беспомощность для них подчас единственная защита. Конечно, древний человек небезосновательно полагал, что если ценность приношения для него значительно превосходит предполагаемую ценность его для божества, то желания скорее сбудутся. Но все-таки этот расчетливый первобытный индивид намеренно уничтожал детей, чтобы добиться выгоды именно для себя. В ту пору, когда взгляды на ценность личности были совершенно иными, чем сейчас, расчет мог строиться на том, что лучше пожертвовать несколькими детьми, чтобы спасти всех других — и детей, и взрослых. Этот примитивный расклад исключительно на арифметическом уровне уместен был тогда в ситуациях войны, массового голода, стихийных бедствий. Ну а как быть в случае с древнеперуанским папашей, который, заболев, ни в коем случае не хотел погибнуть и, чтобы сохранить себе жизнь, убил сына. Надо полагать, что сановным перуанцем двигал обычный страх смерти и, жертвуя не кем-нибудь, например рабом или пленным, а сыном, он рассчитывал на еще большую помощь божества.

Детоубийство отмечается у современных австралийских аборигенов, обычно в кризисные периоды: во время засухи или голода, чаще всего в зоне пустынь. Более или менее широкое распространение оно получило только в тех группах аборигенов, культура которых сильно деградировала под воздействием контактов с европейцами^[45]. Имеется описание практики таких убийств у австралийских курнаи: «Часто бывает трудно таскать с собой маленьких детей, в особенности когда их много. При их бродячей жизни это очень трудно. Иногда случалось, что перед рождением ребенка отец говорил своей жене: «Нам придется таскать слишком много детей, лучше оставь этого, когда он родится, в лагере». Так новорожденный оставался в лагере, а семья переходила в другое место. Ребенок, конечно, погибал. Курнаи считали, что у них никогда не было случая, чтоб родители убивали своих детей, они только оставляли новорожденных. Ум туземца, по-видимому, не представляет себе ужаса осуждения невинного ребенка

на смерть в покинутом лагере... Возможно, что чувство любви, возникающее в силу близости и зависимости, в подобном случае еще не успело возникнуть, и естественное родительское чувство, по-видимому, уступает место тому, что считается давлением обстоятельств»^[46].

Д. Д. Фрезер писал: «Существовали многие народы и люди, которые упорно придерживались привычек, оказавшихся в итоге для них губительными. Полинезийцы из года в год убивали две трети своих детей. Таково же, как говорят, число новорожденных, умерщвляемых в Восточной Африке. В живых оставляли только детей, рожденных в определенных положениях. Сообщают, что воинственное ангольское племя йагов умерщвляло всех своих детей без исключения, чтобы не обременять женщин в походных условиях. Свои ряды племя пополняло путем усыновления мальчиков и девочек тринадцати-четырнадцати лет из других племен, родителей которых убивали и съедали. Женщины южно-американского племени мбайа убивали всех детей, кроме последнего или того, которого считали последним. Если после этого женщина беременела еще раз, новорожденный был обречен. Едва ли стоит удивляться тому, что обычай этот привел к гибели народа мбайа, многие годы являвшегося самым страшным врагом испанцев»^[47].

Чтобы понять такое поведение, необходимо смотреть на него глазами человека той далекой эпохи, когда уничтожали тех, кто не мог приносить ощутимую и немедленную помощь или был обузой (старики в том числе), что было условием выживания всех. Поступая так, племя или народ освобождалось от лишних ртов, приобретали большую мобильность, что было важно для кочевников, или в случае военных действий могли заслужить благоволение божества или духов и т. д. Наверное, матери сопротивлялись убийству детей, но уступали давлению группы, устоявшимся традициям, мифологическим и религиозным представлениям. Морального осуждения не было, да и не могло быть в обществе, которое больше зависело не от собственных усилий, а от внешних условий. Такое общество можно сравнить с человеком, который жестоко зависим от обстоятельств собственной жизни и переживаний, порожденных его отношением к этим обстоятельствам. Подобный человек скорее совершит аморальный поступок, чем тот, кто свободен от названных привязанностей.

Жестокие действия и первобытного сообщества, и описанного человека — это следствие неумения овладеть условиями своего существования.

Сказанное, разумеется, не надо рассматривать как единственную причину жестокого обращения с детьми и жестокости в глубокой древности, особенно если помнить, что такие проявления часто встречаются и во вполне процветающих странах.

Ф. Ницше в небольшом отрывке под выразительным названием «Священная жестокость» приводит следующую сцену: «К одному святому подошел человек с новорожденным младенцем на руках. "Что мне делать с этим ребенком? — спросил он. — Он жалок, уродлив и недостаточно живой, чтобы умереть". "Убей его, — вскричал святой ужасным голосом, — убей его и держи его затем три дня и три ночи на руках, чтобы сохранить себе об этом память: тогда ты не родишь ребенка, покуда не придет и твое время рожать". Услышав это, человек ушел разочарованный, и многие осуждали святого за жестокий совет убить младенца. "А разве не более жестоко оставить его в живых?" — сказал святой»^[48].

В этой сцене на первом месте — парадокс между статусом святого и безнравственностью его совета. Но святой у Ф. Ницше не похож на ту же фигуру в обыденном сознании. По Ф. Ницше, это скорее человек, свободный от предрассудков и штампов и даже бросающий им вызов, и это нехристианский святой, что тем не менее не делает его совет приемлемым. Однако реалистическая основа, если перейти по ту сторону добра и зла, в «рекомендации» святого, конечно же, имеется, поскольку у народов, терпящих свирепые лишения и нужду, первыми погибали дети и старики, а тех, которые, на первый взгляд, были нежизнеспособны («недостаточно живые, чтобы умереть»), просто уничтожали. В последней фразе святого, и мимо этого нельзя пройти, звучит все то же бухгалтерское соображение; что более жестоко — оставить в живых или убить больного и уродливого ребенка? Ницшеанский святой бросает вызов тем, которые осуждали его совет. Впрочем, последний можно принять к руководству и буквально, что многие и делали на родине Ф. Ницше в известные годы. Совет не такой уж безобидный, как может показаться вначале. Весьма выразительно и название отрывка — «Священная жестокость», значит,

жестокость может быть священной, т. е. полезной, оправданной, нужной и т. д.

Уместно напомнить, что в средневековой Европе дети наряду со взрослыми подвергались уголовному наказанию и даже смертной казни. В нашей стране вплоть до принятия в 1960 г. нового уголовного закона за некоторые преступления уголовная ответственность наступала с 12 лет. Статья 12 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. предусматривала: «Несовершеннолетние, достигшие двенадцатилетнего возраста, уличенные в совершении краж, в причинении насилия, телесных повреждений, увечий, в убийстве или попытке к убийству, привлекаются к уголовному суду с применением всех мер наказания». Правда, смертная казнь к ним не применялась. Но достаточно вспомнить те годы, массовую детскую беспризорность, всеобщую разруху и нищету, чтобы в должной мере оценить всю жестокость и безнравственность применения к детям «всех мер наказания» даже за кражи.

В июне 1990 г. Верховный суд США признал конституционным применение смертной казни в отношении убийц с 16 лет. В штатах Луизиана и Арканзас разрешается казнить подростков с 15 лет, в штате Алабама — с 14 лет, в штате Миссисипи — с 13 лет. В Иране, Ираке, Бангладеш казни и убийства несовершеннолетних были привычным делом.

Отчаяние и безысходность охватывают при чтении сообщений в газете, что торговцы наркотиками, купив у (нищей бирманской семьи семилетнюю девочку, убили ее, удалили внутренности и набили тело своим товаром, чтобы под видом похорон пройти заградительные кордоны. Отчаяние и безысходность потому, что это гнуснейшее преступление совершено не по страсти, не в кровавом месиве войны, не в припадке бешеной злобы на всех и даже не вследствие темной похоти, а хладнокровно, расчетливо, взвешенно.

3.2. Материнское убийстве

Те, кто профессионально изучают преступность и называют себя криминологами, обязательно должны быть пессимистами в душе. Но кроме этого они не могут не называть вещи своими именами, даже если это иногда странно и непривычно звучит для обывателя, всегда готового воспринимать только штампы и верить им.

Руководствуясь этими соображениями, я назвал данный раздел так необычно: «Материнское убийство». Оно должно быть противопоставлено материнской любви, но лишь как самый крайний, самый негативный вариант. Разумеется, откровения здесь с моей стороны нет: люди и без криминологии знают, что матери иногда убивают своих сыновей и дочерей. Я же хочу сформулировать общую научную проблему материнского убийства, причем намерен рассмотреть ее в трех основных аспектах: убийство матерью взрослой дочери или взрослого сына (что случается очень редко), убийство матерью своего ребенка, но не новорожденного (что тоже бывает достаточно редко) и убийство матерью своего новорожденного ребенка, т. е. сразу после родов (что случается часто).

Проблема причин убийств родителями (особенно матерями) своих детей принадлежит к числу самых сложных загадок человеческой природы, загадок, к которым, судя по мифу о Мееде и некоторым другим легендам, люди обращались с древнейших времен. Отгадать ее трудно и в силу векового штампа, поскольку мать всегда олицетворяла защиту ребенка, да и подобных случаев не так уж много. Но, думается, убийство ребенка надо рассматривать в контексте всей проблемы жестокого обращения с детьми в семье. Между тем существующая информация по этим вопросам не обладает глубиной и разносторонностью, мало что объясняет. Установить такие факты непросто, поскольку каждая семья имеет свои секреты или, как говорил С. Моэм, «свой скелет в шкафу». Однако задача любого серьезного научного исследования антиобщественных явлений состоит не в простой констатации и описании фактов, пусть достоверных и даже ошеломляющих, а в их объяснении. Важно понять, что

происходит вокруг, и, быть может, что-то изменить в желаемую сторону.

Можно предположить наличие следующих обстоятельств, порождающих жестокое обращение с детьми в семье.

Несомненно, что часть родителей, применяющих неприкрытое насилие к детям, поступает так, как поступали в отношении них собственные мать или (и) отец. Но эта в общем-то верная мысль страдает некоторой поверхностностью, охватывая лишь наиболее заметные межличностные психологические связи. Дело в том, что отнюдь не все родители, сами пережившие грубую тиранию в детстве и отрочестве и знающие, ей цену, действуют подобным образом в отношении своих сыновей и дочерей. С другой стороны, с ними поступают жестоко и те взрослые, которых родители в детстве не унижали и не избивали.

Поэтому можно предположить, что помимо всяких неблагоприятных социальных влияний существует немало людей, начисто лишенных родительских эмоций и чувств и только по ошибке природы ставших отцами и матерями. Дети им совсем не нужны, они их отталкивают, отвергают от себя, делают козлами отпущения, видят в них виновников своих несчастий и невзгод, срывают на них раздражение, гнев, обиды по поводу разных обстоятельств (например, в связи с работой).

Данная гипотеза не столь уж беспочвенна, если вспомнить аналогичное поведение некоторых животных, не только бросающих своих детенышей, но иногда даже поедающих их. Конечно, человек облачен в социальные одежды, но часто приходится видеть, с какой легкостью и быстротой он сбрасывает их, причем делает это с явным облегчением. Женщины, которые убивают своего новорожденного ребенка, проявляя при этом просто поразительную жестокость, думается, лишены великого родительского инстинкта. Некоторые их действия наводят на мысль, что они не воспринимают его в качестве живого существа и тем более как человека, любая связь с ним — физиологическая, психологическая, иная — как бы начисто отрицается. Мы уже не говорим о том, что у таких женщин полностью отсутствует элементарная жалость. Более того, во многих случаях даже проявляется ненависть к ребенку, как к чему-то, что может быть только обузой в жизни и, конечно, не имеет никакой ценности.

Известный дореволюционный русский криминолог П. Н. Тарновская описывает случай, редкий даже в судебной практике. Некто Елизавета, 22-х лет, забеременев в отсутствие мужа, родила в хлеву, тут же придушила младенца и оставила его на соломе. Свинья выволокла трупик из хлева и стала глотать его на улице. Рассказывая об этом ужасном случае, Елизавета смеялась, а на вопрос «почему?» ответила: «Я вспомнила, как свинья наша его по улице таскала и потрошила».

Анализируя убийства матерями новорожденных, нельзя пройти мимо такого весьма информативного факта: большинство таких убийц не надеялись скрыть свои действия и избежать уголовной ответственности. Это означает, что они скорее готовы нести наказание, чем иметь ребенка, иначе говоря, им лучше быть наказанными, провести часть жизни в местах лишения свободы, чем сохранить ребенка, воспитывать его, заботиться о нем и т. д. То же самое можно сказать об убийствах вообще, поскольку большинство из них совершается в условиях очевидности, и уже поэтому виновные не могут рассчитывать на безнаказанность. Стало быть, им выгоднее, в первую очередь психологически, убить, чем остаться на свободе, и даже подвергнуться смертной казни за это преступление. Могут возразить, что во время убийства или непосредственно перед его совершением человек вовсе не думает о последствиях своего поступка для себя. С этим вполне можно согласиться. Действительно, связанные с таким преступлением решения чаще всего не осмысливаются, все происходит на бессознательном уровне. На этом уровне главное — непреодолимое стремление уничтожить другого человека.

Очень важно отметить, что матери убивают чрезвычайно редко сыновей и дочерей подросткового возраста. Отцы, напротив, столь же редко убивают младенцев, особенно только что родившихся, однако сравнительно чаще лишают жизни собственных детей-подростков. Пытаясь разгадать эту сложную загадку природы, можно высказать следующую гипотезу: в младенческом возрасте ребенок больше контактирует с матерью, сразу после рождения он связан с ней крепчайшими узами, что, по-видимому, в отдельных случаях и вызывает его отторжение. Как можно догадываться, подобный контакт у некоторых матерей способен породить сильную психотравму или какую-то иную нежелательную реакцию, природа которых еще

недостаточно ясно, но которые порождают насилие по отношению к младенцу. Отец же вступает в более тесное общение со своим сыном или дочерью, когда они начинают взрослеть и в их межличностном взаимодействии возникают чувства враждебности, соперничества, мести и т. д. Из сказанного можно сделать предварительный вывод: тесный, неразрывный контакт является исходной точкой или первоисточником будущего кровавого конфликта.

Многие исследователи причин убийств своих детей (особенно новорожденных) матерями отмечают, что эти преступления являются следствием безвыходного положения женщины, как правило, молодой и часто несовершеннолетней, нежелания отца ребенка жениться на ней или хотя бы взять на себя какие-то заботы о нем. Говорится также о том, что такие матери боятся гнева родителей, осуждения окружающих, у них обычно недостаточно хорошее жилье, и они плохо обеспечены материально.

То, что подобные факторы действуют, не вызывает никаких сомнений. Однако убийство ребенка, новорожденного или постарше, отнюдь не является единственным выходом из самой неблагоприятной, тяжелой жизненной ситуации. Излишне приводить доказательства того, что подавляющая часть матерей готова, не задумываясь, тут же пожертвовать собой ради своего малыша. Следовательно, убийство ребенка совершается потому, что таковы особенности матери как личности, что это для нее (только для нее!) наиболее естественный, субъективно-целесообразный и приемлемый путь, это то, чему ее научила жизнь.

Убийца-мать уступает давлению внешних обстоятельств потому, что для нее важнее сохранить свой статус в среде, приемлемое для себя положение в глазах окружающих, свою свободу, чем ребенка — эту ненужную обузу. Эта проблема имеет для женщины бытийное значение, и она решает ее не в пользу младенца.

По мнению некоторых юристов, смягчающим ответственность обстоятельством является то, что во время родов роженица находится в особом психическом состоянии и плохо контролирует свое поведение. Но это не так. Во-первых, если она недостаточно контролирует свое состояние, то почему после родов она убивает, а не совершает какие-либо другие действия, скажем, не «просто» проклинает ребенка как источник родовых мук. Во-вторых, ознакомление с обстоятельствами

соответствующих уголовных дел показывает, что такие матери заблаговременно готовятся к убийству новорожденного, для чего запасаются ножом, веревкой, коробкой (чтобы в ней потом выбросить труп), куском материи (для той же цели) и т. п., выезжают для родов в незнакомую местность, заблаговременно договариваются с любовником, реже — с мужем, о сокрытии следов преступления.

Например, Н., 18-ти лет, родила внебрачного ребенка в общежитии, когда никого в комнате не было, и сразу же перерезала ему горло заранее приготовленным ножом. Труп через некоторое время выбросила в кучу мусора. М., 19-ти лет, жительница села, родила ребенка в туалете и сразу же задушила его веревкой, которую все время перед родами носила с собой для убийства. Труп выбросила в выгребную яму, но когда вышла из туалета, потеряла сознание из-за потери крови.

Е. Б. Кургузкина, которая провела весьма содержательное исследование проблем убийств матерью своего новорожденного ребенка, высказывает по соответствующим вопросам соображения, которые я хотел бы привести здесь как можно подробнее.

Она пишет, что страх, появляющийся в плоде на перинатальном уровне, существует в бессознательной сфере, а при стечении определенных условий он вырывается в сферу сознания. У женщин этот взрыв происходит в ситуации, когда ее социальному и биологическому существованию грозит опасность, зачастую только кажущаяся ей. В этот период все неосознанные страхи вырываются в бессознательное, а возможно, и в сознание, побуждая женщину к определенным действиям. Боязнь лишиться той социальной среды, к которой она привыкла, опасения отвержения, негативного мнения о ней окружающих, а также то, что ребенок станет помехой ей, заставит изменить привычный образ жизни, потребует от нее излишних физических и моральных затрат, толкает женщину с проснувшимся генетическим животным страхом на убийство новорожденного ребенка. Такие женщины не учитывают духовные цели и ценности, легко подчиняются одним только естественным порывам, исключая из него материнство.

Вместе с тем Е. Б. Кургузкина обращает внимание и на то, что в период беременности и родов в организме женщины происходят определенные гормональные сдвиги под регулирующим воздействием

центральной нервной системы, направленные на сохранение беременности и осуществление родового акта. Психологический анализ показал, что переживания у женщин, вынашивающих нежелательную беременность, существенно отличаются от переживаний тех, у которых беременность желательна. Есть два основных варианта психологического статуса при нежелательной беременности. При первом варианте всю беременность женщины чувствуют себя хорошо, у них пониженная чувствительность к шевелению плода, общая слабая эмоциональная реакция на факт беременности и искажение представлений о ее сроках. При втором варианте выражены страх и депрессия, сознание заполнено поисками путей плодоизгнания. Беременность на всем протяжении сопровождается глубоким чувством отвращения, брезгливостью и даже ненавистью к будущему ребенку, что порождает особо яркие и мучительные фантазии, в которых они терзают и убивают своего будущего ребенка. С самого начала толчки и шевеление плода вызывают неприятные, болезненные реакции.

Таким образом, при вынашивании нежелательной беременности эмоциональные проявления женщин резко поляризованы. В одних случаях это устойчивый негативный депрессивный фон настроения, в других — эмоциональная невключенность, безразличие и даже эйфория. Поэтому у таких женщин не формируется привязанность к ребенку, его образ вообще отторгается. На этом фоне женщина зачастую решает на уничтожение объекта, вызывающего фрустрацию и даже ненависть.

Е. Б. Кургузкина отмечает также, что в большинстве случаев, как показало изучение уголовных дел, над женщинами-детоубийцами довлеют тяжелые в эмоциональном плане образы близких. И для того, чтобы не отойти от требований этих призрачных образов, чтобы преодолеть свою тревогу, чувство отчуждения и страх смерти, даже наперекор реальным обстоятельствам, преступницы решаются на убийство неудобных им младенцев. Зачастую они из-за этого страха не в состоянии сделать выбор: оставить жизнь новорожденному, пойдя против групповых обычаев и взглядов, или совершить убийство, которое осуждается обществом гораздо суровее, сем внебрачные роды^[49].

Соглашаясь с приведенными Кургузкиной соображениями, хотел бы добавить, что беременность вначале может вызывать некоторый дискомфорт, а затем и страх погибнуть во время родов. В силу этого плод и образ будущего ребенка могут восприниматься как угрожающий жизни объект, который поэтому должен быть уничтожен. Названное стремление тем более осуществится, если во время родов имели место сужение сознания и снижение уровня самоконтроля.

Многое из того, что здесь сказано о причинах убийства матерью новорожденного, может быть использовано для объяснения причин убийств матерью ребенка, которому исполнилось несколько месяцев или лет. Это, так сказать, отсроченное убийство новорожденного — нелюбимого, ненужного, мешающего, ненавидимого. Она его не убила сразу, но все равно убьет.

М., 16-ти лет, забеременела от своего соученика по техническому училищу. Долгое время не знала, что делать; мысли об убийстве ребенка были, но достаточно смутные. Отец ребенка после родов ее бросил. Она жила с родителями, отношения с которыми были очень конфликтными, особенно с отцом, и они еще больше обострились после рождения ребенка. Отец ее постоянно ругал и избивал, сломал палец, перебил кость на кисти, выбрасывал детские вещи. Когда ребенку исполнилось 5 месяцев, М. после одного из скандалов дома понесла его в подвал, где ударила головкой об выступ фундамента и бросила там. При этом она не пыталась скрыть совершенное и уничтожить следы преступления.

Есть, конечно, среди женщин, убивших своих младенцев, такие, которые вовсе не опасаются общественного мнения или ухудшения отношения к ним родных и близких, но они просто не знают, что им делать с ребенком, где с ним жить, как прокормить и воспитать, к кому обратиться за помощью и т. д. Но это все внешние условия, которые при желании можно преодолеть, главная причина подобных убийств — отсутствие материнских эмоций, материнского инстинкта, возвращение на животный уровень. Думаю, что Елизавета, описанная П. Н. Тарнавской, того же уровня, что и свинья, которая таскала и потрошила убитого этой женщиной младенца.

Убийства детей матерями могут совершаться по причинам, связанным с любовными переживаниями женщины.

Обратимся к образу легендарной Медеи, миф о которой был воссоздан Еврипидом и Сенекой в одноименных трагедиях, отражен в поэзии Брюсова, трагедиях Корнеля и Ж. Ануя, послужил темой для нескольких балетов и опер. Известны картины Веронезе, Пуссена, Делакруа, посвященные Медее.

Миф о Медее связан со сказанием о походе аргонавтов. Когда они во главе с Ясоном прибыли в Колхиду, покровительствовавшие им боги внушили Медее страстную любовь к Ясону. За обещание жениться на ней она помогла Ясону преодолеть испытания, которым его подверг Ээт, отец Медеи, и завладеть золотым руном. Вместе с Ясоном она бежала из Колхиды. Чтобы задержать преследовавшего аргонавтов Ээта. Медея убила своего брата Апсирта, а затем разбросала куски его тела по морю, рассчитывая на то, что пораженный горем отец прекратит погоню и начнет собирать части тела сына для погребения. Вернувшись на родину мужа, Медея помогла ему отомстить узурпатору Пелию, убившему его отца и брата. По совету Медеи дочери Пелия, надеясь омолодить отца, разрубили его на части и бросили в кипящий котел. Обман Медеи выяснился, ее и Ясона изгнали из страны, они стали жить в Коринфе. Когда Ясон задумал жениться на дочери царя Коринфа Главке, Медея послала сопернице пропитанное ядом свадебное одеяние; надев его, Главка сгорела заживо вместе с пытавшимся спасти ее отцом. После этого Медея убила обоих своих детей, рожденных от Ясона, и улетела на колеснице, запряженной крылатыми конями.

Такова легенда. Исключительное внимание к ней в искусстве определяется, как можно предположить, неистовой любовью Медеи к Ясону, которая ради нее не останавливается ни перед чем, сметая любые препятствия, и самой необычностью ее поступков — особенно собственноручным убийством обоих детей. В этом отношении к Медее очевидно преклонение перед ее необыкновенно страстной натурой, ее все испепеляющими, экстатическими эмоциями, но есть и элементы религиозности, поскольку такое чувство ей внушили боги. Нас же интересует только один аспект — убийство героиней мифа своих детей. Этим она не только отомстила Ясону, но и уничтожила его, да и свое тоже, продолжение на земле. Подобный образ действий — убийство — отнюдь не случаен для нее, это привычный способ разрешения жизненных проблем. Она убила своего брата, узурпатора

Пелия, Главку и ее отца — всего шесть человек, предала своего отца. Неистовую Медею поистине можно считать воплощением зла, но зла не банального: ведь любовь к Ясону ей внушили боги.

Влияет ли общество на уровень жестокости к детям и их убийство в семье и каким образом? Наличие такого влияния не вызывает сомнений, поскольку семья — и это простейшая истина — тысячами нитей связана с обществом. Последнее может предписывать строго определенное обращение с детьми, что характерно для тоталитарных и военизированных сообществ, а также для народов, находящихся на первобытной стадии развития и терпящих большие лишения. Предписанное обращение может быть достаточно жестоким, а в ряде случаев даже содержать указание на уничтожение нежизнеспособных детей. Кроме того, суровые нравы и обычаи со многими элементами насилия могут существовать в той микросреде, в которую включена семья и в которой постоянно общается ребенок или подросток.

Наше общество на данном этапе создает в семье особую атмосферу постоянной тревожности, неуверенности, беспокойства, ощущения враждебности окружающего мира. Чтобы достигнуть чего-либо, заработать даже на такие элементарные вещи, как продукты питания или предметы одежды, людям сейчас необходимо прилагать огромные усилия; в повседневной жизни они очень часто терпят горькие поражения. Это в свою очередь порождает раздражение, гнев, агрессивность, резко обостряет семейные отношения, отчего больше всего страдают наименее виноватые — дети. Именно на них чаще всего отыгрываются за обиды, пережитые оскорбления и жизненные провалы. Это один из основных путей социального наследования зла. Поэтому дети бегут из дома и из детских учреждений, где, как уже отмечалось, также имеет место жестокость. В стране за самовольный уход из дома ежегодно задерживается до 700 тысяч детей и подростков.

Жестокость к детям в семье особенно пагубна. Семья самой природой предназначена быть им защитницей и попечительницей, именно такого отношения они ждут от нее. Родительская жестокость почти во всех случаях приводит к трагическим результатам, ломает судьбы, выступает в качестве первопричины полной жизненной катастрофы. Ребенок, ставший жертвой насилия своих родителей, тем самым выбрасывается за борт нормального человеческого общения, не

может впоследствии должным образом приспособиться к жизни, создать семью, начинает жестоко относиться к своим детям, вообще сравнительно легко решается на применение насилия к другим людям, он обычно не сожалеет и не сочувствует им. Наши исследования показали, что подавляющее большинство преступников — это в прошлом отвергнутые семьей дети. Многие из них подвергались в детстве жестокому обращению. Уже тогда мир стал для них враждебным. Но от разрушающей, все время угрожающей среды надо защищаться, а поэтому их собственная агрессия выступает в качестве средства обороны.

Психиатрическое изучение лиц, совершивших детоубийства, показало, что детоубийц значительно больше среди тех, кто был признан невменяемым (среди вменяемых убийц членов семьи — 6%, среди невменяемых — 25%). По всей видимости, это отражает общелогическую общечеловеческую закономерность — запрет на уничтожение потомства, вернее, на разрушение этой врожденной поведенческой установки при глубоких психических расстройствах. Такие расстройства, наверное, снимают запрет, заложенный и природой, и социумом. Впрочем, я здесь не очень точен — природа «запрещает» убивать детенышей своего вида, но отнюдь не чужого. Социум, вообще запрещая убийства, но постоянно прибегая к нему, бесспорно и категорически запрещает лишение жизни любых детей и подростков.

Психиатры относительно редко изучают детоубийц. В отечественной научной литературе последней крупной психиатрической работой, специально посвященной этой проблеме, была кандидатская диссертация В. П. Мартыненко «Общественно опасные действия женщин, больных шизофренией, направленные против детей» (1974). Автор пришла к выводам, которые небезынтересны и в наши дни.

В. П. Мартыненко считает, что наибольшую социальную опасность среди детоубийц представляют больные шизофренией, причем чаще с непрерывной и приступообразнопрогредиентной с преобладанием аффективных расстройств и параноидной симптоматики. Более распространены аффективно-бредовый синдром и его депрессивно-параноидальный вариант.

Самую большую опасность больные представляют в периоды изменения состояния, характеризующегося появлением тревоги, растерянности и страхов, при усложнении синдрома или непосредственно перед развитием острого состояния. Экзогенные факторы (психогенные реакции, роды, алкоголизм и др.), предшествующие совершению преступных действий, усиливают социальную опасность женщин, больных шизофренией. Психогенные реакции как реакции на факт убийства своих детей могут возникать у женщин, больных шизофренией различного типа и одинаковой продолжительности заболевания. Однако наиболее часто они наблюдаются у больных с аффективно-бредовыми синдромами, в ряде случаев маскируя истинную картину заболевания. Появление психогенных реакций свидетельствует о дальнейшем неблагоприятном течении шизофрении.

Убийства детей женщинами, больными шизофренией, совершаются, по мнению В. П. Мартыненко, чаще всего по бредовым мотивам, но встречаются импульсивные (безмотивные) убийства, убийства под влиянием императивных слуховых галлюцинаций, убийства по так называемым «психологическим мотивам». Последние у таких больных только по внешним признакам имеют сходство с аналогичными мотивами, свойственными психически здоровым женщинам. У больных шизофренией объективно существующие реально-бытовые факторы преломляются сквозь призму болезненно измененной психики. Поэтому их действия, несмотря на связь с внешними факторами, отличаются немотивированной (очевидно, здесь автор имела в виду то, что внешние обстоятельства не оказывали влияния на мотивацию — Ю. А.) жестокостью, непоследовательностью и отсутствием последующей реакции на содеянное.

Очень важен сделанный Мартыненко вывод, что предупреждение общественно опасных действий этого вида требует осуществления целого ряда комплекса лечебных и социальных мероприятий, направленных на своевременное распознавание шизофрении, систематическое наблюдение диспансерами за такими больными с выявлением обострений заболевания и акцентом внимания на течение послеродового периода у больных шизофренией.

Мартынено приводит историю болезни испытуемой, которая иллюстрирует особенности динамики галлюцинаторно-бредового синдрома в рамках непрерывной шизофрении.

К., 40 лет, обвинялась в умышленном нанесении тяжких телесных повреждений своей приемной дочери, в результате которых девочка умерла. Судебно-психиатрическая экспертиза в институте им. Сербского проводилась в 1968 г.

Дядя К. по линии матери страдал каким-то психическим заболеванием. Мать испытуемой замкнутая женщина, находящаяся целиком под властью своей дочери. По характеру К. с детства была тихой, но обидчивой и впечатлительной, сторонилась людей. С 7 лет стала посещать школу, училась посредственно, так как на уроках была рассеянной, часто жаловалась учителям на слабость, пропускала из-за этого занятия. С родными и близкими знакомыми матери была груба, несдержанна, иногда в состоянии раздражения бросалась на них с ножом, угрожала им убийством. В возрасте 17 лет дважды перенесла крупозное воспаление легких, а спустя 3 месяца после повторного заболевания заболела пневмонией, стала отмечать у себя сонливость, ухудшение памяти.

Позднее начала испытывать затруднения при чтении, «буквы прыгали» перед глазами, пропускала буквы при письме, изменяла слова, иногда писала подряд несколько раз одно и то же слово. В это же время отмечала, что язык ее стал «топорным», глаза «покалывало иголками», а в голове «щекотало», появилась повышенная раздражительность. Однако, несмотря на все эти ощущения, закончила 10-й класс и в мае 1941 г. была стационарирована в психиатрическую клинику, где находилась 20 дней.

При поступлении в клинику была напряжена, угрюма, ощущала, как в голове что-то «шевелится», в боку «передергивает», конечности «немеют». Высказывала суицидальные мысли. В дальнейшем то становилась веселой, манерной, то вдруг повышенное настроение сменялось чувством апатии, вялости и бездеятельности. В отделении ничем не занималась, мысли ее «терялись», «путались», временами «совсем исчезали». По ночам плохо спала, испытывала страхи. Иногда окружающее представлялось измененным, необычным. Настоящий контакт с окружающими отсутствовал. Была выписана с диагнозом: «энцефалит Экономо».

После выписки пробовала учиться в техническом вузе, но оставила учебу из-за «плохого самочувствия» и поступила работать в детский сад воспитателем. На этой должности работала до момента ареста.

Временами наступало ухудшение в состоянии здоровья: то появлялось безразличие ко всему окружающему, то накатывала тоска — в такие моменты не хотелось жить, то возникали беспричинные страхи, «путались мысли». В эти периоды была особенно груба со своей матерью. По показаниям свидетелей, часто побивала ее, не раз пыталась душить, однако последняя тщательно скрывала все от окружающих.

Последние 10–15 лет К. стала замечать, как у нее «воруют» мысли. В эти моменты она становилась рассеянной, не знала о чем разговаривать с детьми и обычно уходила домой, ссылаясь на недомогание. В связи с учащением периодов пониженного настроения у К. появилась мысль взять на воспитание ребенка, так как думала, что ее тоска в заботах о детях пройдет. В 1966 г. обратилась в детский дом и удочерила девочку Светлану, 5 лет. Приемная дочь была худенькой, слабой, малоразвитой, плохо говорила, мочилась в постель. Так как К. вела замкнутый образ жизни, то никто из родственников и сотрудников на работе не знали о том, что К. воспитывает девочку, а соседям она говорила, что девочка является ее родной дочерью.

Со слов К., она очень любила девочку и сама занималась ее «воспитанием», «специально» подавляла в себе естественное стремление приласкать девочку и часто держалась с ней подчеркнуто сухо, «дабы не изнежить и не разбаловать ребенка». «Учила» дочь не только правильно сидеть за столом, но и разжевывать пищу. Для «развития» девочки «придумывала» игры и задачи, купила ей аквариум, чтобы «девочка, ухаживая за рыбками, познавала добро и зло». Кроме зоопарка и кукольного театра ходила с девочкой в кинотеатр, подбирая довольно странный репертуар. Так, водила ее на кинофильм «Фатомас», считая, что девочку необходимо познакомить с «новейшими транспортными средствами». Вместе с тем ко всем окружающим относилась подозрительно и с недоверием. Девочке запрещалось играть в доме с детьми, брать от взрослых и детей что-либо, так как она считала, что девочку могут отравить. Девочка почти никогда не выходила из помещения, а если гуляла, то с матерью и

поздно вечером. Никаких прививок девочке не делала, детским врачам не показывала, а в случае болезни лечила ее сама.

Соседи, проживающие в квартире рядом, часто слышали детский плач, видели, что девочка всегда одета очень бедно и не по сезону. Летом она ходила на улице в пальто и валенках. Однако К. под окна своей квартиры натаскала земли, насыпала ее прямо на тротуар, воткнула голые ветки в землю, а впоследствии, когда общественность дома ликвидировала этот «сад», поместила ветки вместе с землей в своей ванной комнате, решив у себя создать «зимний сад», а девочку с тех пор мыла в маленьком тазу.

На работе сослуживцы К. отмечали у нее такие странности: она часто кричала на детей; однажды, когда один мальчик долго не засыпал во время тихого часа, положила ему на лицо подушку и сама села на нее. Иной раз сотрудники детского сада видели, как она умывала детей из помойного ведра и вытирала им лицо грязной тряпкой. Прежде чем причесать девочек, К. поднимала их за волосы с пола и только потом начинала причесывать. Иногда, придя в сад за ребенком, родители не заставали детей там. При этом оказывалось, что К. повела всех детей, не разделяя их по возрасту, на длительную прогулку по Москве.

Дети боялись своей воспитательницы, а родители требовали ее устранения. 29 ноября 1967 г. К. прибежала в поликлинику и сообщила о том, что умирает ее дочь. Врачи, посетившие квартиру, увидели, что помещение захламлено, все окна занавешены, на раскладушке лежит девочка, одетая в платье, пальто, рейтузы и обутая. Пульс у ребенка отсутствовал, тело было холодным. При судебно-медицинском исследовании эксперты констатировали множественные повреждения на теле и голове, нанесенные тупыми твердыми предметами и носящие характер истязаний. Экспертиза также указала на резкое истощение ребенка при отсутствии патологических изменений в органах. Смерть ее наступила в результате ушиба мозга левой височной доли, сопровождавшегося кровоизлиянием под оболочку мозга.

Первое время при прохождении судебно-психиатрической экспертизы К. была малообщительной, на вопросы отвечала неохотно, формально. Часто ответы ее носили противоречивый характер, но это ее не волновало. В дальнейшем она стала более разговорчивой. Речь ее отличалась большой обстоятельностью и своеобразными оборотами.

Говорила монотонным голосом, мимика лица оставалась на протяжении всей беседы маловыразительной.

Довольно отчужденно рассказывала о своей приемной дочери. Свои методы воспитания детей в саду и дочери считала правильными. Сожаления в отношении гибели девочки носили характер пустого рассуждательства. Объяснения относительно возникновения повреждений на теле ребенка были нелепыми.

В отделении незначительные поводы вызывали у К. бурные аффективные вспышки, характеризовавшиеся злобностью и агрессивными тенденциями. Периоды возбуждения у нее сменялись вялостью и апатией с ощущением внутренней измененности. Жаловалась, что в голове «появляется пустота», «мысли исчезают», «мысли ее воруют». Была убеждена в том, что делается это какими-то людьми с целью присвоить мысли. «Воровство» мыслей, по ее словам, осуществлялось при помощи радиотелевизионных установок. При этом К. чувствовала, что «говорит не теми словами». Собственные движения ей представлялись отчужденными. Кроме того, испытываемая ощущала, как внутри у нее все изменялось, «замирало», «исчезало». И в тот момент К. чувствовала себя автоматом. Сознание своей болезни отсутствовало.

Экспертная комиссия пришла к выводу, что К. страдает хроническим душевным заболеванием в форме шизофрении. В отношении инкриминируемого ей деяния была признана невменяемой, и было рекомендовано принудительное лечение в психиатрической больнице общего типа.

Находясь на лечении в Московской городской психиатрической больнице, К. была крайне ипохондричной. Так, она надевала на себя несколько халатов, делала на спине прокладки из газет, боясь простуды. На все вопросы отвечала уклончиво. Продолжала жаловаться на то, что у нее «воруют мысли». Временами становилась возбужденной, напряженной, периодически отмечала у себя «душевные надрывы», при которых «тоска разрывала грудь». Мимика лица не всегда соответствовала высказываниям больной. Во время беседы с врачом то плакала, то улыбалась, то декламировала стихи, то напевала песенки. К больным относилась подозрительно, незаметно для персонала жестоко избивала слабых больных. В связи с невозможностью нахождения в условиях общей психиатрической

больницы, она была в 1960 г. переведена в психиатрическую больницу специального типа системы МВД, где находилась до 1973 г. Поведение и высказывания К. оставались прежними. В результате длительного лечения нейролептическими препаратами и шокowymi дозами инсулина бредовые идеи у К. несколько поблекли, поведение ее стало более упорядоченным, но отмечалось отсутствие критического отношения к своему болезненному состоянию, резкое эмоциональное огрубление, отсутствие реальных планов на будущее.

Разбирая этот случай, можно отметить, что К. с детства были присущи такие особенности характера, как замкнутость, обидчивость, возбудимость, впечатлительность, которые укладывались в рамки шизоидной личности. В пубертатном возрасте на фоне соматического неблагополучия возникло острое психотическое состояние, проявившееся в расстройствах памяти, сна, неприятных, необычных ощущениях в теле, сопровождавшихся чувством внутренней измененности, выраженных колебаниях настроения, страхах, злобности, мыслях о нежелании жить. Имели место псевдогаллюцинации и симптомы психического автоматизма.

Это состояние испытуемой было расценено психиатрами как энцефалит Экономо. Однако дальнейшее наблюдение полностью опровергало этот диагноз. Постепенно у К. формируется новое мировоззрение паранойяльной структуры, появляется своя «система» воспитания детей, которую испытуемая применяет на практике как в детском учреждении, так и в отношении своей приемной дочери. При всем этом она ведет крайне замкнутый и странный образ жизни, избегая общения со своими родственниками, тщательно скрывает от сослуживцев приемного ребенка.

Все это говорит о текущем шизофреническом процессе, начавшемся остро в молодом (пубертатном) возрасте. Жестокое и немотивированное убийство приемной дочери произошло на фоне имеющихся паранойяльных идей, идеаторного компонента синдрома Кандинского-Клерамбо и неправильного поведения К. вследствие ее болезненных переживаний.

После совершенного убийства у К. наблюдались дальнейшие осложнения синдрома психического автоматизма: появление наряду с чуждостью мыслей симптома отнятия этих мыслей, появления бреда преследования и физического воздействия.

В результате длительного лечения отмечалось ослабление психотической симптоматики. Однако ведущими в состоянии больной оставались грубые нарушения в эмоционально-волевой деятельности: холодность к близким, извращенность чувств, несдержанность аффектов, огрубение, эмоциональное оскуднение, отсутствие критики к своим болезненным переживаниям, своему настоящему поведению. Все это привело К. к социальной дезадаптации и сделало ее постоянным обитателем психиатрических лечебниц.

На мой взгляд, особо обращает на себя внимание крайне жестокое отношение К. к окружающим, включая мать, приемную дочь и детей в детском саду, больных в психиатрической больнице. Физическая расправа с ними — для нее привычное явление. В сущности, она является садистской личностью, причем других людей она воспринимает в качестве неких объектов, которыми манипулирует так, как это представляется ее болезненным построением. Страдания, причиняемые ею людям, не имеют для нее никакого значения, она их просто не видит, нет у нее никакого сожаления и в отношении убийства приемной дочери.

Думается, что материнские чувства у нее не только не проснулись, но и не могли проснуться, поскольку их просто не было; она удочерила девочку не ради ее самой, а для того, чтобы в заботах о ней прошла ее тоска, т. е. лично ради себя.

В свете сказанного надо оценить отношение К. к собственной матери, точнее, ее избиение. Данный факт есть иллюстрация прямого отрицания связи «мать — дочь» (или «дочь — мать», последовательность здесь не имеет значения), что потом было еще раз продемонстрировано убийством К. своей приемной дочери.

Как мы видим, в анализируемом случае шизофрения уничтожила весь тот цивилизованный слой в личности К., который определяет отношения «мать — дочь». Пусть дочь и не родная, а приемная — это мало что меняет, ведь цивилизация строго предписывает заботиться о всех младших и слабых, тем более об удочеренном ребенке.

3.3. Детоубийство из любви и детоубийство как самоубийство

Убийствами из любви, несмотря на некоторую внешнюю парадоксальность, можно назвать категорию «родственных» убийств — убийств своих родственников, чаще жены и детей, с целью таким образом проявить заботу о них, защитить их. т. е. эти действия связаны с любовью к ним. Иными словами, убивая, преступник спасает своих близких от чего-то, что представляется ему страшным, хотя при этом и не принимается во внимание, что нет ничего страшнее смерти близкого и из ситуации, субъективно воспринимаемых как весьма опасные, могут быть и другие выходы. В самом сочетании понятий «убийство» и «любовь» нет ничего неожиданного, и анализируемые преступления выступают в качестве частных случаев переплетения любви и физического уничтожения. Такое же переплетение можно часто наблюдать, когда убивают из ревности, причем жертва действительно любима и жизнь без нее ощущается как полная катастрофа. Известны случаи убийства своей семьи, когда ей грозит голодная смерть или реальная опасность попадания в руки безжалостного врага, в том числе во время войны.

Те случаи, которые будут проанализированы ниже, в криминальной практике встречаются достаточно редко, и виновные обычно страдают различными расстройствами психической деятельности, иногда их даже признают невменяемыми. Однако наличие указанного расстройства само по себе не объясняет, почему человек совершил столь чудовищный поступок: большинство психически больных и, тем более, психически аномальных подобных действий не совершают. Психическая патология может способствовать уголовно-наказуемому деянию, но никогда не является его причиной, во всяком случае единственной. Другое дело, что почти во всех изученных нами случаях убийцы «из любви» были в нетрезвом состоянии, когда снимаются внутренние социальные запреты и освобождаются инстинкты, утрачивается должная ориентировка в конкретной ситуации, какие-то ее обстоятельства принимают угрожающие масштабы.

Следующие примеры не только служат иллюстрацией этих редких преступлений, но и помогают уяснить их субъективные причины.

П., 33-х лет, ранее не судим, житель небольшого города, выстрелами из ружья убил сначала сына (Серезу) 9-ти лет, потом жену (Марину); пытался покончить самоубийством, но попытка не удалась. Из уголовного дела известно, что убийца часто и помногу пил, а жена вообще страдала запоями. С будущей женой П. учился в школе, после ее окончания 4 года они не виделись, а когда встретились, начали жить вместе и через год поженились. По его словам, она и до него пила часто, «ведь ухажеров у нее было много и каждый угощал». Во время совместной жизни систематически выпивали вместе, но в целом жили хорошо. По словам П. и многих свидетелей, он любил жену и сына, заботился о них.

Об обстоятельствах преступления более чем красноречиво рассказал сам обвиняемый во время допроса: «Я пришел домой, был выпивши, Марина мне сказала, что ее сглазили, она и раньше говорила об этом, меня тоже хотели сглазить разные бабки, но до этого им это не удавалось. Марина разговаривала со стеной, прося отпустить ее. Выбежала из дома и побежала к сараям, потом к карьеру, крича, что ее ждут. Вернувшись домой, полезла в подпол, сказав, что ее оттуда позвала какая-то бабка. Сереза, сын, тоже сказал, что слышит голос из-за стены, я стал проверять это. Потом опять у жены начались галлюцинации, она просила нашу знакомую Галю, соседку, оставить ее в покое, поскольку ей надо растить сына. Я пошел к Гале, и тоже стал просить ее оставить Марину. Сереза, когда я вернулся, тоже винил Галю. Мы втроем стали ловить Галю между сараями, Сереза видел, как она там качается в воздухе. Не смогли ее поймать и, вернувшись домой, заперлись. Марина сказала, что ее преследует ведьма, напускает на нее капельки, и что она умрет в 12 часов ночи. Марина предложила спастись у другой соседки; посидев у нее втроем, мы вернулись домой, и жена стала бить ведьму доской, сказав, что мужа ведьмины придут, надо отстреливаться, а то они порежут на куски Серезу и меня. Уже в 3 часа ночи я взял ружье, Марина стала следить за дверью, а я — за окном. Марина выстрелила в окно, сказала, что за дверью стоят трое, я открыл дверь и сразу выстрелил наружу. Жена сказала, что колдун лежит на полу, и я, не целясь, выстрелил в него. Перед стрельбой я посыпал пол порохом, решив, что подожгу его,

когда они захватят дом. Спустились опять в подпол, там она увидела колдуна, и я в него выстрелил. Затем вернулись в квартиру и забаррикадировались на кухне. Марина опять сказала, что нас окружили колдуны, их очень много и они нас разрежут живыми. Тогда я выстрелил в Сережу, который стоял у окна, потом в жену. Стрелял в себя, но промахнулся, второй раз не пытался, а то никто бы и не узнал, как все произошло».

В беседе П. добавил, в частности, следующее: «Еще утром, в тот день, сын сказал, что видит душу. Я ее тоже видел, она была голубоватая. Еще сын сказал тогда, что на него действуют через стену. Жена все время пряталась, ее облучали через стену и раньше, у нее даже останавливалось дыхание. Я в Бога не верю, но какие-то силы есть, могут появиться души, инопланетяне, об этом писали в газетах, и я это вырезал. Человека можно сколько угодно сглазить».

В его бесхитростном повествовании поражает непроизвольное нагнетание страха, потом безмерного ужаса в той обстановке, которая завершилась убийством двух людей. Совершенно очевидно, что действующие лица трагедии, в том числе и мальчик, действительно потеряли голову, полностью утратили чувство реальности, их охватило плотное кольцо невидимых, но грозных сил, и из него они не могли вырваться. В те ночные часы весь их кошмар стал для них подлинной реальностью. П. и его жена были в нетрезвом состоянии. Плотное кольцо невидимых, но грозных сил — отнюдь не преувеличение. Такие силы принимали различный облик: бабок, соседки Гали, ведьмы, ведьминых мужей, колдунов, голубоватой души. Их было несметное число, гибелью грозила даже стена. Марина, если верить ее мужу, явно проявляла наибольшую активность и страшилась больше всех, что, очевидно, связано с ее алкоголизацией. В злых духов поверил 9-летний сын, без сомнения, под воздействием родителей. Сам убийца верил в них давно, но до того вечера не придавал им такого значения, какое придавала его жена. Однако ночью в атмосфере группового психоза поддался общему настроению. Все они занимали круговую оборону, открывали беспорядочную стрельбу (в доме обнаружили множество следов от пуль), но, казалось, — ничто не могло их спасти. Когда страх быть уничтоженным достиг наивысшей точки. П., спасая жену и сына, застрелил их.

Из изложенного можно сделать вывод: весь период, предшествующий убийству, это преступление зрело. Оно исподволь, субъективно готовилось будущими участниками трагедии, готовилось в их психике, где прочно засела идея злых сил, неизменно грозящих семье. Страх постепенно овладел ими всеми. Растущая алкоголизация П. и особенно его жены усугубляла переживания, делала несомненной реальностью образы и фигуры бреда и галлюцинаций.

П. признан виновным. Мотивы совершенного им убийства достаточно ясны, тем более что его показания соответствуют свидетельским показаниям и результатам осмотра места происшествия.

Рассмотрим еще один случай. Здесь субъективные причины произошедшего не столь очевидны и требуют более глубокого психологического анализа.

М., 23-ти лет, ранее не судим, в состоянии опьянения (не очень сильного) убил своего сына, которому было всего 9 месяцев. Ребенок сидел в маленьком подвижном креслице, когда отец нанес ему 25 ножевых ранений (в грудь — 15, в живот — 3, в спину — 7), можно сказать, что он изрешетил его ножом.

Об М. известно, что он воспитывался вместе с братьями, закончил школу, служил в армии, через год после демобилизации женился на женщине, у которой уже был ребенок 6,5 лет. Жена во время допроса показала, что муж очень радовался рождению ребенка, заботился о нем, его отношение к ее ребенку от первого брака тоже было хорошим и ровным.

Как видим, он любил своего сына и младенцу вроде бы ничего не грозило. На данном этапе анализа нужно констатировать тот факт, что убийцу с сыном связывала любовь. Что касается опасностей, которые могли бы погубить малыша, то тут дело обстоит гораздо сложнее. М. остро, болезненно ощущал, что ребенку грозит исключительная беда — повторить его судьбу. В этой связи отметим два важнейших обстоятельства.

1. Сразу после демобилизации М. совершил преступление. При обследовании было установлено, что он болен шизофренией (по данному уголовному делу признан невменяемым). Его поставили на учет в психоневрологический диспансер, несколько раз помещали в психиатрическую больницу, что им всегда очень тяжело переживалось.

В периоды обострения болезни бывал подавлен, раздражителен, ничего его не радовало, возникали суицидальные мысли. Как раз такой период предшествовал убийству. В тот день, когда это произошло, М. вместе с женой ходил к психиатру, который предложил поместить его в больницу, но затем ограничился (после их уговоров) выпиской лекарства с условием, что больной через несколько дней будет вновь освидетельствован. М. обрадовался, что на этот раз избежал «психушки», но остался крайне угнетенным и раздраженным. Придя от врача, даже подрался со своим братом, который жил неподалеку. Их мать настаивала на помещении его в психиатрическую больницу и упрекала жену, что та посчитала это излишним. Убийство ребенка было совершено сразу же после этого.

2. Свое детство М. считал крайне несчастливym, что для психологического анализа имеет первостепенное значение. Во всех своих бедах М. винил собственную мать, в которой видел главного врага с первых лет жизни. Он рассказал, что мать хотела «извести», убить его еще ребенком, она якобы вставляла ему в обувь иглы, и боль от этого он чувствует по сей день. В детстве у него гноились глаза, и он был уверен, что это мать залила ему глаза мочой. Враждебные отношения с матерью сохранились на всю жизнь, ненависть к ней была столь велика, что М. был твердо убежден: она неродная мать, о чем говорил много раз. Находясь под стражей, категорически отказывался принимать от нее передачи. Его отец умер, когда ему было 14 лет, мать еще дважды выходила замуж, что стимулировало еще большую вражду в сыне.

В рассматриваемом случае неважно, действительно ли мать относилась к М. плохо и какую роль в формировании его отношения к ней сыграло психическое заболевание, здесь мы не пытаемся раскрыть одну из самых загадочных тайн — причину вражды между родителями и детьми. Самое главное то, что М. убежден: мать — его смертельный враг. Данный бесспорный факт имеет первостепенное значение для понимания судьбы этого человека и совершенного им чудовищного преступления.

Чтобы полнее уяснить, насколько трагичны подобные отношения с матерью, необходимо отметить, что если мать не выполняет возложенные на нее природой и обществом обязанности по отношению к своему ребенку, у него появляются ощущение своей

незащищенности и беспокойство, а если они в дальнейшем прогрессируют, то формируется тревожность, в ряде случаев достигающая уровня страха смерти. Отсутствие или значительное сужение эмоциональных контактов с отцом и особенно с матерью, отвергание ими сына или дочери приводят затем к их дезадаптации в обществе, их отчуждению от людей и негативному отношению к ним. Человек начинает чувствовать себя ненужным, глубоко несчастным. Отчуждение усугубляет и психические расстройства. Одним словом, ощущение нелюбви матери, даже вражды с ее стороны, способно стать источником катастрофы всей жизни.

В случае с М. две линии его жизни — психическая болезнь и несчастное «по вине» матери детство — слились воедино, чтобы на бессознательном уровне мощно мотивировать его действия. Одна линия мотивации — снять на психологическом уровне психотравмирующие ощущения своего детства, уничтожив его живого носителя — ребенка, другая — избавить его тем самым от злосчастной судьбы психически больного, каким является отец. То, что М. любил сына, означает, что он достаточно полно идентифицировал его с собой, следовательно, остро переживал грозящие ему беды и хотел защитить. Почему убийца нанес сыну такое множество повреждений, ведь младенцу было достаточно одного-двух. В уголовном деле нет ни малейших указаний на то, что М. был в неистовстве, не мог остановиться или в аффективном состоянии не владел собой. Напротив, он был поразительно спокоен. Поэтому можно думать, что ему было необходимо полностью уничтожить объект агрессии, стереть его с лица земли. Только в этом случае М. мог быть уверенным, что сыну уже ничего не грозит.

Еще один пример, иллюстрирующий мотив «убийства из любви», можно найти в кандидатской диссертации В. П. Мартыненко.

Н., 40 лет, обвинялась в убийстве своей 13-летней дочери. На стационарной судебно-психиатрической экспертизе в институте общей и судебной психиатрии им. В. П. Сербского Н. находилась в 1968 г.

Бабушка по матери и мать испытуемой страдали психическими заболеваниями в форме шизофрении, обе покончили жизнь самоубийством. С детства росла замкнутой, близких подруг не имела, избегала шумные и подвижные игры. Однако в школе отлично успевала и окончила ее с золотой медалью. В дальнейшем окончила

Московский технологический институт и по окончании устроилась работать в техническое училище вначале в должности преподавателя, а затем — заведующей учебной частью. Во время обучения в школе и в институте, по словам отца, предпочитала быть одной, много читала. Близкие никогда не видели ее веселой, часто находили задумчивой и в то же время отмечали подчеркнутую заботу о своем отце, она боялась, как бы с ним не случилась какая беда.

В 1953 г. вышла замуж. И хотя семейная жизнь сложилась удачно, она, по словам мужа, никогда не была веселой. С первых дней совместной жизни с ним вела замкнутый образ жизни, отличалась большой мнительностью. Постоянно опасалась за свою жизнь. Испытывала страх перед выходом на улицу, при переходе улицы, площадей, боялась выходить на балкон. Периодически жаловалась своим близким на бессонницу и головные боли. После рождения дочери проявляла чрезмерную заботу о ней, постоянно звонила с работы домой, справлялась о ее здоровье. Ей казалось, что в ее отсутствие или ночью, когда она будет спать, с дочерью может произойти несчастье. Н. сама провожала девочку в школу и встречала из школы, так как боялась несчастного случая на улице.

С 1960 г. родственники среди полного внешнего семейного благополучия заметили резкое ухудшение в состоянии Н. У нее участилась бессонница, усилились головные боли, появились очерченные периоды тоскливого и повышенного настроения. В периоды тоски ничего не хотела делать, трудно становилось работать на производстве, так как темп мышления резко замедлялся, она почти ничего не ела, плохо спала, боялась темноты, опасалась за жизнь своих близких, иногда появлялась мысль о том, что она сходит с ума. Эти состояния длились несколько недель, иногда несколько месяцев и проходили самостоятельно. Периоды повышенного настроения характеризовались непродолжительностью, «сумбурностью» в мыслях и поступках, непродуктивной деятельностью, иногда неадекватными поступками.

С 1966 г. стала замечать у себя повышенную утомляемость, неприятные ощущения в голове, туловище: «мозги ворочались», «в голове токало», болел желудок, «переворачивался» кишечник. Временами отмечала, что в голове нет ни одной мысли, «голова пустая». Иногда же наблюдалось обратное: в голове «все

перемешивалось», «мысли перебивали одна другую», нарастали тревога и страх за свое здоровье, появлялась раздражительность, хотелось плакать. Она обращалась к разным специалистам, но они ничего не находили. Тогда появилась твердая убежденность в том, что она больна неизлечимой болезнью, а врачи скрывают и не говорят ей об этом. В то же самое время окружающие люди казались «чуждыми», а глаза их «бессмысленными».

Периоды пониженного настроения у испытуемой появлялись все чаще и становились более продолжительными. К началу 1968 г. тоскливый фон настроения являлся доминирующим. С марта 1968 г. «наблюдала», как с дочерью тоже «творится что-то неладное». Девочка «дико озиралась по сторонам», «ступала на мыски», «играла с медвежонком», «раскладывала обертки от конфет и шоколада», «стала плохо спать по ночам и бояться своей матери».

По настоянию родственников Н. обратилась 6 марта 1968 г. к психоневрологу с жалобами на постоянную бессонницу, отсутствие аппетита, общую слабость, повышенную утомляемость, раздражительность, обидчивость, плаксивость и пониженное настроение. Врач поставил диагноз «астенодепрессивное состояние» и рекомендовал обратиться к психиатру. На приеме у психиатра с плачем рассказала врачу о том, что за последнее время у нее совсем пропал аппетит, она тревожно спит, считает, что должна умереть. Высказывала опасения в отношении здоровья своей дочери, сообщила врачу о «странностях» девочки (у дочери пропал интерес ко всему она стала рассеянной). От предложенного лечения в условиях стационара Н. категорически отказалась, но обещала врачу привести дочь на консультацию к детскому психиатру. Вечером в день преступления Н. написала письмо, адресованное мужу, отцу и сестре. В нем обращает их внимание на тот факт, что над ней постоянно тяготела наследственная болезнь, но самое страшное то, «что случилось с нашей Ирочкой. Мутится у нее рассудок или от переживаний, что я таю, или от перенесенного недавно гриппа. Был сильный насморк, потом слезились глаза, а потом пропал сон, стала только дремать. Последние дни танцует, чего за ней не наблюдалось последние 2–3 года, поднимается на тахту и все что-то перебирает быстро, быстро» и т. д. В конце письма Н. просила не осуждать ее за содеянное, так она не хотела оставлять свою дочь на мучение. Около 1 часа ночи Н.

заранее заготовленной опасной бритвой вначале перерезала горло своей дочери, а затем пыталась покончить с собой, нанеся себе той же бритвой ранение в область шеи. Длительное время лечилась в хирургическом стационаре.

Психическое состояние: испытуемая была грубо ориентирована во времени, пассивно включалась в беседу, во время опроса врачом вздрагивала всем телом, плакала, потом вдруг начинала повизгивать, хваталась за голову, охала, стонала, стереотипно раскачивалась из стороны в сторону, монотонным голосом повторяла одну и ту же фразу: «Что я наделала, моя дочь...». Ответы ее носили отрывочный характер и сопровождались вздохами, отдельными нечленораздельными звуками и стереотипными движениями. На протяжении всей беседы мимика оставалась застывшей, однообразной. За все время пребывания испытуемой на экспертизе поведение ее не менялось. Обхватив голову руками, быстрыми шагами ходила по палате, совершая при этом определенный путь и равномерно раскачиваясь всем туловищем из стороны в сторону; иногда засовывала обе ладони себе в рот и пыталась разодрать его, а то вдруг начинала сдавливать себе шею пальцами до появления синюшности на лице. Все движения сопровождались монотонными завываниями, плачем, стереотипной фразой: «Моя дочь, что я наделала». Постоянно высказывала суицидальные мысли, выражение лица ее при этом не менялось, оно было застывшим, маловыразительным.

Решение судебно-психиатрической комиссии: Н. страдает хроническим психическим заболеванием в форме шизофрении. Невменяема. Направлена на принудительное лечение в психиатрическую больницу общего типа.

В результате лечения в Пензенской психиатрической больнице Н. успокоилась, однако нередко у нее появлялось подавленное настроение. В такие периоды она высказывала мысли о том, что жить ей теперь не для кого и незачем, сторонилась от больных, спала тревожно, плохо ела, незначительные физические нагрузки вызывали у нее разбитость и усталость. После того, как муж Н. женился на другой женщине и категорически отказался от раздела квартиры, сославшись при этом на то, что у больной есть опекун — отец, у которого ей и надлежит жить, Н. стала вновь подавленной, уединялась от всех, говорила о том, что ее никто не выпишет из психиатрической

больницы, просила отца написать в суд заявление о снятии с нее принудительного лечения.

22 февраля 1972 г. Н., воспользовавшись отсутствием медицинской сестры, оставила больницу и в тот же день покончила с собой, бросившись под поезд.

Анализируя данный случай, В. П. Мартыненко отмечает, что Н. с детства были присущи замкнутость, мнительность, отсутствие интересов, свойственных детскому и подростковому возрасту, наличие пониженного фона настроения. Начиная с 25-летнего возраста на фоне внешнего семейного благополучия у нее появились очерченные немотивированные колебания настроения, неврозоподобная симптоматика, выразившаяся в неоправданных опасениях за жизнь своего отца, свою собственную жизнь, боязни темноты, улиц, площадей, высоты, расстройств сна и головных болях. Наряду с этим на фоне пониженного настроения у больной выступала определенная паранойяльная убежденность, проявляющаяся в опасениях за свое здоровье и жизнь (она больна неизлечимой болезнью, сходит с ума).

В дальнейшем имеющиеся у Н. болезненные идеи имели тенденцию к углублению, расширению и систематизации патологических переживаний. Наблюдался перенос своих бредовых переживаний на ребенка (страдает не только она, но и ее дочь), этот переход болезненных переживаний у Н. сопровождался появлением суицидальных мыслей и «альтруистических» чувств — убить ребенка для его же блага, чтобы девочка не мучилась в дальнейшем, а также нарастанием депрессивного аффекта, который к моменту правонарушения достиг своего наивысшего напряжения. Само правонарушение у испытуемой носило характер незавершенного классического расширенного суицида, обусловленного прежде всего наличием депрессивного настроения, депрессивно скрашенных бредовых переживаний в сочетании с «альтруистическими» чувствами в отношении своей дочери.

Хотя и не прямо, В. П. Мартыненко высказывает, в сущности, то же суждение о мотиве убийства, совершенного Н., — желание спасти от мучительной судьбы.

Возвратимся к высказанной другими авторами гипотезе о том, что родители, жестоко обращающиеся со своими детьми, поступают так,

как с ними поступали в их детстве, т. е. на психологическом уровне начинают возвращать удары. Однако можно предположить и другое: избивая, унижая своих детей, они тем самым пытаются уничтожить собственные психотравмирующие воспоминания детства. Ощущение огромной жизненной значимости подобных воспоминаний возникает на бессознательном уровне.

Приведем пример совершенного с особой жестокостью убийства девятилетнего мальчика его отчимом К. Между ними были достаточно хорошие отношения, ребенок был привязан к нему и называл папой. Убийца ни во время следствия и суда, ни потом, уже отбывая наказание, ни разу не высказывал никаких претензий по поводу поведения пасынка. Преступление произошло после очередной ссоры с женой, которая, рассердившись на него, ушла из дома. Мальчик в это время спал. К., который был в нетрезвом состоянии, облил комнату керосином и поджог ее, запер дверь на ключ и ушел. Соседи по коммунальной квартире пытались взломать дверь, но это им не удалось. Они все время слышали крики заживо сжигаемого ребенка. Следствие и суд квалифицировали действия К. как совершенные по мотивам мести жене, однако обстоятельное изучение его личности и особенно жизненного пути позволяет прийти к совсем иным выводам.

Во-первых, К. и раньше ссорился с женой, в том числе из-за ревности, оснований для которой было немало. Однако он ни разу не применял никакого насилия ни к жене, ни к ее сыну. Отношения же с последним у К. были вполне хорошие, что мы уже отмечали. Во-вторых, нами установлено, что у этого несомненно опаснейшего преступника было поистине трагическое детство, поскольку его родители жестоко, в кровь избивали его, выгоняли из дома, постоянно унижали, попрекали куском хлеба, пока, не повзрослев, он не смог уйти из семьи.

Из сказанного можно сделать вывод, что субъективным смыслом, мотивом крайне жестокого преступления К. является стремление ликвидировать психотравмирующие воспоминания собственного детства, уничтожив ребенка как живого носителя таких воспоминаний, предварительно психологически слив себя с ним.

Эту же мысль можно выразить иначе: мальчик воспринимался им как живой символ его несчастного детства. Поэтому он должен исчезнуть, а с ним и все столь значимые для него переживания.

Немаловажно, что убийство совершено с помощью огня, т. е. способом, который обладает максимальной разрушительной силой, уничтожает практически все.

О том, что переживания детства продолжают играть в жизни К. исключительно важную роль, свидетельствует его рассказ о себе. Он вспоминает о жестокости к себе с гневом, так страстно, как будто все это произошло с ним, тридцатилетним человеком, совсем недавно. Сам К. совершенное им преступление с отношением к нему родителей никак не связывает. Неудивительно, что подобные переживания столь актуальны для него. Психологическое изучение выявило такие личностные черты, как ригидность, застреваемость эмоций и в то же время ранимость. Вспомним также, что он совершил убийство в нетрезвом состоянии, когда был снят контроль сознания.

* * *

Кроме упомянутых, есть и другие виды детоубийства, в первую очередь из корысти, когда детей могут убить, чтобы завладеть имуществом или недвижимостью, которые им причитаются, в том числе и по наследству. Корыстными детоубийствами следует признать те, которые совершаются ради завладения органами и тканями несовершеннолетнего или использования его трупа для транспортировки и сокрытия запрещенных для обращения вещей, прежде всего наркотиков. Чаще всего такого рода деяния совершают не родственники, а посторонние люди.

Это тоже отрицание цивилизации.

Детей иногда убивают ради сексуального удовлетворения, как это делал, например, Чикатило, либо для того, чтобы скрыть совершенные в отношении то же подростка уголовно-наказуемые сексуальные поступки (изнасилование, развратные действия и т. д.).

Это тоже отрицание цивилизации.

Глава 4

Тоталитаризм в наиболее бесчеловечных формах

4.1. Необычные преступления тоталитаризма

Тоталитарный режим в наиболее бесчеловечных и жестоких формах представляет собой возврат к тем далеким и, казалось бы, навеки ушедшим временам, когда вся жизнь строилась на грубой силе и расправе (или угрозе ее), когда любой неугодный власти человек мог быть схвачен и убит, когда уничтожались целые национальные, религиозные и иные группы. О том, по каким механизмам, как и почему происходит возврат к диким временам и нравам, я попытаюсь рассказать ниже. Здесь же я попытаюсь доказать, что преступления тоталитарной системы и другие ее наиболее типичные проявления представляют собой воссоздание многих важных особенностей древнейшего общества.

Говоря о наиболее бесчеловечных тоталитарных системах, в первую очередь следует иметь в виду нацистскую Германию и большевистский СССР, коммунистический Китай и Кампучию под властью красных кхмеров. Именно они являют собой возврат к древнейшему человеческому опыту. Конечно, тоталитаризм существовал (и продолжает существовать в некоторых странах) не только в наиболее кровавых формах. В достаточно цивилизованные одежды он был облечен в СССР при Брежневе и сменивших его краткосрочных властителях, оставаясь, по-существу, тоталитарным, этот режим, тем не менее, был весьма далек от кровожадной практики своих большевистских предшественников. Такого рода тоталитаризм здесь мы рассматривать не будем, остановимся только на том, который в XX веке сотрясал сами основы существования человечества и даже породил сомнения в целесообразности жизни, причем эта система начинала господствовать в годы, когда, казалось бы, цивилизация расцветала.

Назвав преступления тоталитаризма необычными, я имел в виду не только и не столько их жестокость (древние режимы отнюдь не были менее суровы), сколько тотальность, всеохватность, масштабность репрессий, применение средств массового уничтожения (например, газов), преступное проникновение власти и ее идеологии во все слои культуры и в самые потаенные уголки человеческой жизни,

в том числе в интимные отношения, истребление людей только потому, что они иначе думают, хотя не все их мысли могли причинить вред системе, уничтожение культурных и духовных ценностей. Если они оценивались в качестве враждебных. Тоталитарные режимы с преступной жестокостью расправлялись с любыми организациями (даже созданными по интересам), если они не получали благословения свыше.

С. Московичи писал: «В современном мире появился феномен, причину которого безуспешно искали: власть некоторых вождей сопровождается каждодневным террором. Она требует жертв миллионов людей по классовым или расовым мотивам в немыслимом ранее масштабе. И власть этих вождей, что достаточно известно, держится волей народа. Несмотря на такую жестокость, они были окружены — и это продолжается — почтением и даже безграничной любовью. Во многих случаях любовь и почитание неразрывно связаны с ужасом, в совокупности напоминая болезненные приступы»^[50]. Здесь все верно, кроме одного — что власть держится волей народа, народ-то никто и не спрашивает, и в этом тоталитарный строй отличается от демократического, и в этом он тоже отрицает цивилизацию. С. Московичи прав, говоря, что «жизнь в обществе, как ее понимает психология толпы, является результатом регрессии и содержит значительный истерический элемент. Это одна из многочисленных причин наличия архаического и галлюцинаторного»^[51].

Чудовищно велико количество жертв тоталитарных режимов. В Германии за годы нацизма и особенно в период агрессивных войн в концлагерях было замучено 11 млн людей других стран и народов. Немецкие нацисты применяли самые страшные, самые изуверские методы истребления: бесчеловечные пытки, газовые камеры, массовые расстрелы у специально вырытых рвов, сжигание вместе с жителями целых деревень, зверское истребление военнопленных, уничтожение людей голодом, холодом, непосильным трудом, сооружение фабрик смерти, садистские опыты над живыми людьми. С особым остервенением действовали нацисты против евреев и народов временно оккупированной территории нашей страны. По отношению к завоеванным народам, особенно славянским, по существу было введено рабовладение.

А как же в отношении своего народа? По нацистским данным (заниженным, как считают советские историки), в июне 1941 г. было брошено в тюрьмы 8817 немецких антифашистов, в сентябре — 11 609, в октябре — 10 776. В 1940 г. казнено 306 человек, в 1941 г. — 1146, а в 1942 г. — 3393. Неудавшееся покушение на Гитлера 20 июня 1944 г. повлекло за собой массовые репрессии — было казнено до 50 тыс. человек.

Большевистский террор против народов других суверенных стран (например, Латвии, Литвы, Эстонии, Чехословакии) тоже, конечно, имел место, но он не носил, как у немцев, характер массового геноцида, одним словом, не было планового уничтожения «иног» населения, в том числе германского. Проводились отдельные карательные акции советской охранки, в том числе очень крупные, такие, например, как уничтожение 15 тысяч польских офицеров в Катыни, наблюдались отдельные вспышки жестокости со стороны военнослужащих во время Великой Отечественной войны, были эксцессы и очень часто со стороны тех, кто потерял во время войны родных и близких. Что касается родного народа, казалось бы, столь любимого, то зверства против него превзошли все мыслимые рамки: по подсчетам отечественных специалистов, за годы сталинского правления было уничтожено около 30 млн человек. Как раз в отношении населения СССР и имел место геноцид — массовый и плановый.

В период коммунистического тоталитаризма, по данным историка В. Н. Земскова, страна была превращена в огромный концлагерь, а население обращено в рабов: к началу войны число заключенных в лагерях и колониях ГУЛАГа составляло 2.3 млн человек, в сентябре 1948 г. — 2 258 957 человек, т. е. их численность оставалась стабильной. В это число не включены лица, проходившие проверку и фильтрацию в спецлагерях НКВД, переименованных в феврале 1945 г. в проверочно-фильтрационные лагеря. С момента их организации в конце 1941 г. и до октября 1944 г. через них прошло 421 199 человек. По состоянию на 1 января 1945 г. в этих спецлагерях проходили проверку 71 398 человек. Кроме того, значительное количество людей содержалось в тюрьмах: на июль 1945 г. там было 263 819 заключенных, на январь 1947 г. — 304 386. За 1939-1951 гг. (нет сведений за 1945 г.) в тюрьмах умерло 86 582 человека. В 1947 г. в

лагерях и колониях ГУЛАГа находилось 14 530 детей заключенных женщин и 6770 беременных женщин.

Террор против собственного народа был развязан большевиками сразу же после установления своей диктатуры в октябре 1917 г. По данным Ю. И. Стецовского, в результате красного террора с 1917 по 1920 г. население Москвы уменьшилось на 40%, Петрограда — на 50%, Киева — на 28%; число рабочих в стране сократилось с 3,6 до 1,4 млн человек^[52].

Между тем никто не знает точного числа казенных за годы большевистской диктатуры. Председатель КГБ СССР В. Крючков утверждал, что в 1937–1938 гг. было расстреляно 600 тыс. человек, а по подсчетам Д. Волкогонова — около миллиона человек. В Комиссию же Президиума ЦК КПСС из УГБ СССР поступил документ, согласно которому с 1 января 1935 г. по 22 июня 1941 г. было уничтожено 7 млн «врагов народа»^[53].

О масштабах репрессий в СССР можно судить и по таким данным: в 1918 г. было арестовано 58 762 человека, осуждены 20 689, в том числе приговорены к лишению свободы — 14 404 человека, расстреляно — 6185 человек; в 1937 г. арестовано 936 750 человек, осуждены к лишению свободы — 412 392 человека, расстреляны 353 074 человека; в 1953 г. — арестованы 12 448 человек, осуждены к лишению свободы — 11 998, к расстрелу — 300 человек^[54]. Однако и эти данные весьма приблизительны.

С 1917 г. расстреливали не только по приговору суда, но и по решению отдельных должностных лиц, местных внесудебных органов и т. д. Огромное число людей погибло из-за невыносимых условий жизни, главным образом голода и холода, неоказания медицинских услуг. Жертвами были не только узники концлагерей, но и так называемые раскулаченные, ссыльные и др. Все жертвы большевистского террора можно разделить на следующие группы:

— действительные враги ленинско-сталинского коммунизма, в тех или иных формах боровшиеся с ним;

— возможные враги — те, которые когда-то совершили необдуманные поступки, но гораздо чаще это были люди, которые принадлежали к дворянам, помещикам, купцам, предпринимателям и вообще богатые или зажиточные люди (например, так называемые кулаки);

— мнимые враги, которых надо было жестоко наказывать, в том числе смертью, чтобы реализовать указания центрального руководства или местных властей по борьбе с врагами народа и контрреволюционерами;

— те, которые не совершили ничего предосудительного, но их нужно было репрессировать, даже уничтожить, чтобы запутать других;

— те, с которыми «просто» сводили личные счёты местные начальники, завистники, враги.

Понятно, что основную массу репрессированных составляли люди из четырех последних групп. Гигантская репрессивная машина — важнейшая часть государственного тоталитарного механизма — уничтожала потому, что она существовала, это была форма ее бытия.

За годы гражданской войны в Китае погибло 1,5 млн человек, а после захвата власти Мао Цзедунем — 2 млн; в период «большого скачка» и «народных коммун» — 1 млн, в период кампании против национальных меньшинств — 500 тыс., во время «культурной революции» — 15 млн человек (по другим подсчетам 25 млн) были уничтожены в «школах перевоспитания».

Ярким примером возврата дикого прошлого являются сравнительно недавние трагические события в Кампучии. В 1975 г. там к власти пришли кхмерские коммунисты во главе с Пол Потом и Иенгом Сари, которые за пять лет уничтожили около 3 млн (из восьми) своих соотечественников, в первую очередь интеллигенцию. Практически все городское население было насильственно депортировано в сельскую местность, где из них и местных жителей создавали «коммуны» (общины) и «трудовые армии», а по существу — концентрационные лагеря.

Всех кампучийцев разделили на касты (категории) по степени лояльности к режиму. Вместе с частной собственностью была отменена и личная, деньги изъяты из оборота, а торговля стала носить характер натурального обмена. Были ликвидированы все учебные заведения, кинотеатры, телевидение, на всю страну выходил один официальный информационный листок, население было полностью изолировано от внешнего мира.

Уничтожались ценнейшие произведения искусства и архитектуры, в том числе старинные, национальная библиотека и музеи превращены в склады, пагоды — в хранилища. Не стало почты, телеграфа,

общественного транспорта. Книги и архивы сжигались. Экономика и культура были разрушены полностью. Столица и провинциальные центры превратились в города-призраки. В Пномпене проживало около 3 млн человек, кхмерские коммунисты выселили оттуда практически все население, оставив там 16–20 тыс. чиновников властвующего режима.

Сотни тысяч кампучийцев под наблюдением вооруженных охранников работали от зари до зари. Семьи ликвидировали, женщины и мужчины жили порознь, супругам разрешали побыть вместе лишь раз в десять дней. За тяжелую, изнурительную работу никакой платы не полагалось, лишь выдавали три раза в день по чашке риса. Широко эксплуатировался детский труд. Солдаты убивали и потом даже ели детей. Детям старше 6 лет не разрешали жить с родителями, их заставляли пасти скот и собирать коровий навоз. Детям старше 10 лет приходилось выполнять тяжелую работу вместе со взрослыми, особенно на строительстве плотин и гидротехнических сооружений. Им не разрешалось ходить в школу и играть. Детей моложе 15 лет насильственно вербовали в армию и мобильные отряды. Из них часто делали палачей. Одно из общих правил гласило, что продвигается, делает карьеру в Кампучии тот, кто больше убьет.

Убивали людей и по плану и по желанию местных властей, даже по случаю «праздников». Солдаты могли убивать, грабить и насиловать в любое время. Свирепо преследовались национальные меньшинства. Дети таких меньшинств подлежали безусловному истреблению. Религиозные чувства населения грубо попирались, священнослужителей убивали, буддийские статуи и алтари уничтожались. Была ликвидирована медицина, врачей убивали.

Кампучия — страна древнейшей культуры — была превращена коммунистами в выжженную пустыню. Это фактически был полный возврат в первобытное общество, при котором не могли существовать никакие ценности культуры.

О том, что воссоздавалось именно первобытное общество, свидетельствует не только глобальное уничтожение культуры, но и такая весьма характерная деталь: людей обычно убивали лопатами и мотыгами — этими примитивными древними орудиями труда. Объясняли это тем, что, якобы, сэкономили пули, однако такое объяснение не выдерживает никакой критики, поскольку страна была

набита оружием китайцев. Дело в том, что огнестрельного оружия в первобытном обществе быть не могло, поэтому в качестве орудия расправы оно психологически было чуждо коммунистам XX в.

Еще одна красноречивая подробность: кампучийские коммунисты запретили в Кампучии любовь, она стала считаться серьезным «преступлением», а за все проступки было одно наказание — смерть. Однако здесь есть своя логика — любовь (как и промышленность, религия, медицина и т. д.) совсем не свойственна тому периоду человеческой истории, который они пытались воссоздать. Именно поэтому она отторгалась ими и за нее карали столь жестоко. Проведем параллель: если кхмерские коммунисты считали любовь «серьезным» преступлением, то германские нацисты отнюдь не относили изнасилование к числу тяжких преступлений. Оно и логично — в диком человеческом стаде изнасилования быть не могло, поскольку все принадлежали всем.

Тоталитаризм как отрицание цивилизации проявляется, конечно, не только в этих кровавых «деталях», сколь красноречивы бы они ни были. Необходимый атрибут кровавой диктатуры — вождь, всегда сосредоточивающий в своих руках необъятную власть, как, например, кампучийский главарь Пол Пот.

Функции государственного терроризма — излюбленного оружия нацизма и большевизма, отнюдь не ограничиваются наведением страха на противника, в том числе потенциального, и созданием атмосферы всеобщего ужаса. Кровавое насилие придает особую торжественность, значимость, судьбоносность тем мерам, которые реализует тоталитарный режим. Ведь это жертвоприношение, а древний человек их совершал не по любому поводу, а только для достижения жизненно важных целей. Современный человек преступной толпы тоже ощущает, что если приносятся человеческие жертвы, то это делается ради чего-то великого, и он, сопричастный к действию, приобщается тем самым к мировой истории. Тенденция к сопричастности подобным путем была вначале инстинктивно, а затем более осознанно и точно оценена Лениным, Гитлером и Сталиным. Казни, как ни парадоксально на первый взгляд, придают тоталитарной эпохе тот самый героический и романтический ореол, которого так не хватает обывателю в его серой жизни.

Тоталитарные правители, которые решительно уничтожают противника, отнюдь не представляются массе кровавыми злодеями. Напротив, это сильные, мужественные люди, настоящие вожди, железной рукой наводящие порядок, беспощадно расправляющиеся с врагами родины, и поэтому им следует подчиняться. По сравнению с ними демократические, либеральные лидеры слабы и никчемны (особенно те, которым предшествовали сильные люди), они довели страну до хаоса и распада. Другого пути массовая психология не видит.

В приведенных выше высказываниях отчетливо звучат апокалиптические мотивы разрушения и распада, уничтожения яростно ненавидимой цивилизации, носителями которой в первую очередь являются живые люди. Стоит вслушаться, с какой ненавистью и непримиримостью звучат, например, такие фразы из «Манифеста Коммунистической партии»: «Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал... Это может, конечно, сначала произойти лишь при помощи деспотического вмешательства в право собственности и в буржуазные производственные отношения»; «коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией».

«Классики» прекрасно понимали, что слава «вырвать у буржуазии... весь капитал при помощи деспотического вмешательства» и «насильственное ниспровержение» могут означать только одно — разбой, кровь и смерть тех, кто владеет хоть каким-то капиталом, кто как-то связан с ним, хотя бы и психологически, кто верит в современные ему духовные и нравственные ценности и не представляет без них своей жизни, кому дорог именно такой строй, такой образ жизни, а не какой-нибудь другой, такие, а не иные отношения между людьми. Всем им не предоставлялось никакой альтернативы, кроме подчинения новому господству, никаких переходных ступеней, никакого смягчения. И хотя сейчас иногда пишут, что Маркс и Энгельс имели в виду совсем не то, что сделали большевики, что они призывали достичь благородных целей

всеобщего счастья только гуманными средствами, что коммунизм и большевизм — совсем разные вещи, подобные утверждения абсолютно беспочвенны. Маркс и Энгельс призывали именно к грабежу, насилию и убийству, причем делали это исключительно талантливо, а большевики претворили эти призывы в жизнь. В этом и заключается сущностная связь между теорией и практикой марксизма-ленинизма.

Не совсем так, как пожелали того основоположники, реализовались и их призывы к тому, чтобы «господствующие классы содрогнулись перед Коммунистической Революцией». Революция и ее последствия заставили содрогнуться не только господствующие классы, но и всю современную цивилизацию. Но как зловеще звучит сама ничем не скрываемая смертельная угроза: «пусть содрогаются»? Это же прямой призыв к кровавому насилию! Воистину «Манифест Коммунистической партии» стал «Песней песней» марксизма, как назвал его Ленин.

Ненависть, которую сеют вожди и идеологи высокого уровня и авторитета, обычно дает обильные всходы, находя множество подражателей (от очень талантливых до очень глупых), формирует общий фон и отношения между людьми, активно способствует откату общества далеко назад. Например, один из объектов нападения — родственные, семейные, дружеские связи, втаптывание в грязь которых является непременным условием благоденствия фашиствующего государства. Собственно, такие связи чужды тоталитарному обществу, они — не его качество, они не близки и не понятны его далекому, но кровному родственнику: самому древнему укладу жизни и мироощущению, первобытному образу жизни и образу мышления. А тоталитарное общество как раз и является носителем древнейшего уклада жизни, мышления и мироощущения. Тоталитаризм по-своему вполне логичен, преследуя родственные контакты, стремясь перестроить их по-своему или в лучшем случае — просто игнорировать их, и в этом слышится внятный зов предков.

Поэтому красно-коричневое государство требовало доноительства одних членов семьи на других, не признавало свидетельского иммунитета для близких родственников и супругов, практиковало публичное обличение родных и близких, признанных «врагами народа», «всенародный» разбор и оценку семейных

конфликтов. Чем меньше в семье было своих тайн и интимностей, чем больше она была открыта, даже до неприличия, тем выгоднее было тоталитарному режиму, поскольку такими семьями было легче управлять и манипулировать ими. То, что казалось возможным лишь в первобытном становище дикарей, было реализовано в тоталитарном обществе несмотря на все запреты цивилизации.

4.2. Табуизация жизни

То, что большевизм представляет собой откат к дикости, понимали многие. Ю. И. Стецовский приводит письмо академика И. П. Павлова, написанное им в Совнарком СССР в 1934 г.: «...мы жили и живем под неослабевающим режимом террора и насилия... Я всего более вижу сходство нашей жизни с жизнью древних азиатских дикарей. А у нас это называется республиками. Как это понимать? Пусть, может быть, это временно. Но надо помнить, что человеку, произошедшему из зверя, легко падать, но трудно подниматься. Тем, которые злобно приговаривают к смерти массы себе подобных и с удовольствием приводят это в исполнение, едва ли возможно оставаться существами, чувствующими и думающими человечно. В то же время, те, которые превращены в забитых животных, едва ли смогут стать существами с чувством собственного достоинства»^[55].

Г. Раушнинг в своей книге «Зверь из бездны» называл нацизм демоном разрушения. Он утверждал, что при нацизме возникает страстное желание, внезапно перерастающее в огромную потребность, избавиться от любви к дому и семье, отбросить все ограничения, налагаемые цивилизацией. Это — дискомфорт среди достижений ненавистной цивилизации, но в более грубой и жесткой форме. Не надо обманываться — стремление к возврату в первобытные формы ощущается не только немцами. Это сильнейшее желание освободиться от оков и обязанностей высшего гуманизма охватило массы во всех странах.

Тоталитарные вожди достаточно отчетливо представляли себе, что совершают бросок далеко назад, признавая это в той или иной форме. Например:

Маркс и Энгельс («Манифест Коммунистической партии»):

«Пролетариат самый низший слой современного общества, может подняться, не может выпрямиться без того, чтобы при этом не взлетела на воздух вся возвышающаяся над ним надстройка из слоев образующих официальное общество».

Гитлер («Моя борьба»):

«Современная так называемая цивилизация в моих глазах скорее всего является прямым врагом подлинной культуры, ибо на самом деле это в лучшем случае есть псевдоцивилизация, если вообще уместно здесь говорить о какой-либо цивилизации».

Ленин («Государство и революция»):

Диктатура пролетариата есть неограниченное законом и опирающееся на насилие господство пролетариата над буржуазией пользующееся сочувствием и поддержкой трудящихся и эксплуатируемых масс»

Сталин («Об итогах XIII съезда РКП (б)»):

«Старые навыки и привычки, традиции и предрассудки, унаследованные от старого общества являются опаснейшим врагом социализма. Они, эти традиции и навыки, держат в руках миллионные массы трудящихся, они захлестывают иногда целые слои пролетариата. они создают иногда величайшую опасность для самого существования диктатуры пролетариата. Поэтому борьба с этими традициями и навыками, обязательное их преодоление во всех сферах нашей работы... — являются очередными задачами нашей партии».

Очень красочно, более того, очень цинично сказал о сущности коммунистической революции и ее деятелях Троцкий (отнюдь не осуждая их) в своей книге о Сталине: «Революционный катехизис предписывает отказаться от всякого личного интереса, личного чувства, личной связи, порвать с цивилизованным миром, его законами и условностями. Признавать только одну науку, именно науку разрушения; презирать общественное мнение, ненавидеть установленные нравы и обычаи, быть беспощадным и не ждать пощады к себе, быть готовым умереть, приучиться переносить пытку; задушить в себе всякое чувство родства, дружбы, любви, признательности, чести; не иметь другого удовлетворения, как успех революции; уничтожать все, что препятствует этой цели, ценить товарищей только в зависимости от их пользы для дела, проникать во все круги общества, включая полицию, церковь и двор, эксплуатировать высокопоставленных людей, богатых и влиятельных, подчиняя их себе посредством овладения их секретами, усугублять всеми средствами беды и несчастья, от которых страдает народ, дабы исчерпать его терпение и толкнуть его на восстание. Наконец, соединяться с разбойниками, подлинными революционерами в России.

И. Фест, один из самых глубоких исследователей гитлеризма, справедливо считал, что намерения Гитлера нацеливались на некое внутреннее обновление, где компонентами были кровь и потемки души, т. е. не на политику, а на высвобождение инстинкта. И вызванный им мощный резонанс, конечно же, объясняется еще и тем, что он искал Утопию там, где, если следовать естественному движению человеческого духа, только и мог находиться во всех его ипостасях тот самый утерянный рай — в архаической, мифической первобытности. Доминирующий страх перед будущим, писал И. Фест, усиливал тягу к перенесению всех апофеозов в прошлое. Во всяком случае в фашистской «консервативности» проявлялось желание революционным путем повернуть историческое развитие вспять и еще раз вернуться к отправной точке, в те лучшие, определяющиеся природой, гармоничные времена до начала вступления на ложный путь^[56]. В одном из писем 1941 г. Гитлер пишет Муссолини, что последние четырнадцать столетий были ничем иным, как паузой, а теперь история собирается «вернуться на прежние пути». И даже если в его задачу не входило восстановление допотопных порядков, то, по словам Гитлера, восстановить их систему ценностей, их мораль перед лицом врывающихся со всех сторон сил распада ему хотелось.

Уход общества в пучину далекого прошлого часто знаменуется возвращением древнейших обычаев и поверий, многие из которых более чем странно, даже дико выглядят на фоне современной цивилизации. Можно полагать, что в иных условиях об этих обычаях и поверьях не вспомнили бы, а если у кого-нибудь и появилось бы желание следовать им, то оно скорее всего осталось бы желанием.

И. Фест правильно полагал, что Гитлер побаивался будущего и был обращен в прошлое. Вместе с тем он считал, что только с Гитлером в Германии завершился XIX век, отрицание им современного мира проходило как раз под знаком современности, а своему аффекту он придал черты духа времени^[57]. Однако с этим можно согласиться лишь в том случае, если поверить в то, что ему удалось уничтожить традиционную немецкую сентиментальность и лиризм. Его можно назвать революционером, как это делает И. Фест, если понимать под революцией лишь разрушение, лишь аффект, направленный против цивилизации, тягу к стихийности и хаосу, безудержную эстетизацию насилия. Когда Гитлер называл себя освободителем человечества, он

имел в виду ничтожество отдельно взятого человека, как, впрочем, и главные теоретики марксизма.

Своими психологическими корнями тоталитаризм уходит в чувство кризиса современной ему эпохи. Поэтому он уходит от нее, рисуя невероятно глобальные картины будущего, но всегда в прошлое и очень далекое. При этом он активизирует и актуализирует все грозные тайные влечения человека. Люди толпы, идущие вслед за вожаками, преклоняются перед их силой и подчиняются их демагогии, что помогает им преодолеть бессознательное ощущение своей ничтожности и ненужности.

Известна точка зрения (об этом писал и К. Г. Юнг), что первобытный человек управлялся главным образом своими инстинктами, в отличие от его «рационализированных» современных потомков, научившихся себя контролировать. В тоталитарном обществе мы находим удивительное возрождение инстинктов, которые, не сдерживаемые культурой, начинают господствовать и на государственном уровне, и в жизни отдельного индивида. Во-первых, инстинкты диктуют насилие как наилучшее средство от надвигающихся отовсюду опасностей. Во-вторых, человек, ощущая себя не связанным никакими моральными путями, полностью отдает себя первозданным потребностям и влечениям, делая то, что считает нужным. Особенно страшно это в действиях лица, облеченного властью, и я думаю, что слова Э. Фромма об инфантильности Гитлера можно понимать и как абсолютную власть над ним древнейших инстинктов. Он действовал, как хотел, не принимая во внимание никакие обстоятельства, подобно дикарю, который требовал все, что ему нужно, невзирая ни на какие законы природы.

Однако инстинкты проявляют себя и на совершенно ином полюсе — среди несчастных жертв терроризма, которые покорно раздеваются и становятся на край рва, которому суждено стать их братской могилой.

Любое общество, думающее о своем будущем, заботится о соответствующем воспитании подрастающего поколения. Однако содержание, формы и способы воспитания зависят от того, что данный строй из себя представляет, какие ценности исповедует и к каким целям стремится. То, как делают это тоталитарные режимы, убеждает меня, что здесь имеет место возвращение к первобытному

невспоминаемому прошлому, а именно — к древнейшим обрядам и ритуалам инициации, посвящения юношей в мужчин, девушек — в женщин.

В варварские времена посвящением занимались жрецы, вожди или жрецы-вожди, одним словом, по большей части лица, наделенные властными полномочиями и напрямую заинтересованные в передаче своих знаний, опыта и жизненных ориентации молодому поколению. В современных цивилизованных странах представители высшей государственной власти давно не принимают прямого участия в том, что может напоминать посвящение в мужчин (женщин) и представляет собой необходимое для этого испытание.

Уже не первое столетие этим занимаются общественные организации, учебные заведения и церковь. Иное дело — тоталитарные страны. Гитлер, Сталин, Муссолини непосредственно руководили молодежными организациями и направляли их, выступали перед молодежными аудиториями, давали им свои имена. Так, высшим покровителем организации итальянских подростков до 18 лет «Балилла» был лично дуче; в СССР имя Ленина носила Всесоюзная пионерская организация, а Коммунистический Союз молодежи, естественно, именовался ленинским; в Германии был организован Гитлеровский союз молодежи (Гитлерюгенд). Ни в одной из западных нетоталитарных стран мы подобного не найдем.

Легенды и мифы, наблюдения историков и этнографов наших дней убедительно свидетельствуют, что посвящение в мужчин в первобытные времена носило суровый, а подчас и жестокий характер. Оно преследовало цель сформировать важного воина и охотника и вызывалось, конечно, тяжелыми условиями жизни племени или рода в те далекие годы. Однако аналогичные обряды и ритуалы существовали в фашистской Италии, нацистской Германии и коммунистическом СССР, в которых молодежные организации были максимально милитаризованы, детей с 12–13 лет начинали обучать строевой дисциплине и обращению с огнестрельным оружием. В СССР проводились всесоюзные, в высшей степени военизированные игры (например, «Зарница»), такие же мероприятия организовывались в отдельных регионах, и все они, как в далекой древности, отличались тем, что требовали от молодых участников колоссального напряжения физических и нервных сил. В пионерском лагере «Артек» в Крыму

нагрузки на подростков были столь велики, что многие из них убегали из этой «школы мужества». Все красно-коричневые режимы пытались сформировать сильных, мужественных молодых людей, в первую очередь умеющих воевать, презирающих комфорт и уют, нерассуждающих, готовых сражаться за государство (за государство, но не за Родину!) и его идеалы.

Среди первобытных народов участие в инициации было строго обязательным, избежать ее не мог практически никто. Если же и находились отдельные смельчаки, способные бросить вызов казалось бы непоколебимым традициям и обычаям, то они обрекались на изгнание и даже гибель. Ничего такого нельзя встретить в современных цивилизациях, но строгая обязательность и жесткие санкции за уклонение от посвящения были во все времена во всех тоталитарных странах. Так, вступление в «Итальянскую дикторскую молодежь» формально было добровольным, но, по сути, уклониться от этого было практически невозможно. К тому же членский билет этой организации служил для молодых людей и подростков своего рода удостоверением личности. В СССР тот, кто уклонялся от членства в пионерской и комсомольской организациях, медленно, но верно (в сталинские годы — сразу) становился изгоем и наказывался гражданской смертью, в большевистские годы — не только гражданской. Напротив, активное участие в их деятельности (а подростков и юношей — в военизированных играх) открывало весьма широкие и прельстительные возможности для хорошей карьеры.

Как мы видим, и здесь цивилизация отступала под ударами тоталитаризма. Воспитание разрушителей становилось первостепенным государственным делом, как и в доисторические времена.

Жизнь первобытного человека детально регулировалась различного рода табу — запретами и ограничениями, строгими правилами, требовавшими определенного поведения и каравшими за отступление от них. К ним относились табу на пищу и питье, обнажение лица, выход из жилища, остатки пищи, железо, острое оружие, кровь, отдельные категории людей (на вождей и правителей, на носящих траур, на женщин во время менструаций и родов, воинов, убийц), голову и т. д. [58]. В последующие эпохи запреты и ограничения, разумеется, остались, но их стало значительно меньше,

особенно с приходом современной цивилизации и утверждением прав человека. Изменился сам характер запретов и способов их осуществления. В глубокой древности многочисленные табу преследовали цель обеспечить жизнедеятельность как отдельного человека, так и племени или рода в целом, охранить их жизнь, здоровье и имущество, обезопасить от злых сил, помочь достигнуть успеха в делах и т. д.

Торжество тоталитаризма в современном мире неизбежно приводило к табуизации общества. В СССР существовало множество запретов: на занятие определенными видами деятельности, поощряемыми во всех цивилизованных странах (например, на частнопредпринимательскую деятельность), на места проживания и свободу передвижения, на высказывания и намерения, вообще на свободную мысль, на отношения с другими людьми, особенно с иностранцами (табу на общение с иноплеменниками было весьма широко распространено среди дикарей), на браки с иностранцами, в том числе на отдельные виды сексуальных контактов (гомосексуализм преследовался в уголовном порядке) и т. д. Была установлена мелочная опека над повседневной жизнью людей в многочисленных коммунальных квартирах и общежитиях, а также в общественных местах, для чего разрабатывались подробные и нудные правила поведения для пользования транспортом, посещения театров, кинотеатров, спортивных сооружений, библиотек, учебных заведений и др. К чести советского народа надо сказать, что его правовой нигилизм, образовавшийся в ответ на неисчислимы запреты, приводил к неисполнению значительной, если не большей, части правил. Более того, люди их обычно не замечали.

В целом же я убежден, что «первобытная» регламентация во все времена типична для малообеспеченных в материальном и духовном смыслах сообществ, в которых к тому же наличествуют глубокая нравственно-психологическая неустойчивость и высокий уровень тревожности. Вследствие этого существовали не только запреты, но и предписания осуществлять определенные действия.

Именно по этой причине доходящая до идиотизма регламентация существовала и в фашистской Италии. Там среди фашистов были отменены рукопожатия, женщинам запрещалось носить брюки (как одно время и в СССР), для пешеходов устанавливалось одностороннее

движение — по левой стороне улицы, чтобы они «не мешали друг другу». Фашисты обрушились на «буржуазную привычку» пить чай и пытались запретить употребление личного местоимения женского рода третьего лица «Lei», использовавшегося в качестве вежливой формы обращения. Считалось также, что «женская форма обращения» чужда «мужественному стилю фашистской жизни». По решению правительства все итальянцы независимо от возраста, социального положения и пола должны были по субботам заниматься военно-спортивной и политической подготовкой. Вспомним: политические занятия с населением были любимым делом коммунистов всех коммунистических стран.

Число запретов и предписаний обычно увеличивается в ходе войны, и что в общем естественно для каждой страны. Но в тоталитарных странах это приобретает чудовищные формы. Так, во время разбойничьего нападения Италии на Эфиопию, в обстановке националистического угара детям запрещалось петь иностранные песни и использовать в разговоре слова иностранного происхождения, книги можно было читать только на итальянском языке, покупать и носить только итальянские вещи.

Нельзя придавать теоретическим построениям и движению общественной мысли, прослеживаемой даже на протяжении веков, самодовлеющее, полностью независимое от живой жизни значение. Конечно, социальные и политические учения отражают действительность, но в то же время развиваются по своей логике и подчиняются собственным закономерностям, оказывая существенное, а порой огромное влияние на реальность, особенно когда они облачены в идеологические и, тем более, в догматические одежды. Тем не менее только знание и оценка названных учений (разумных, ошибочных или лживых) самих по себе, их сопоставление между собой и критический анализ не дают возможности в полной мере понять движущие силы социального развития, сущность и природу данного общественного строя, его смысл и перспективы. Даже отдельные, но весьма важные особенности тоталитарных сообществ не могут быть удовлетворительно объяснены лишь на основе конкретных социальных или политических учений либо других идеологических схем без связи с конкретными условиями жизни людей.

Одной из главных черт черно-красно-коричневого тоталитаризма является табуизация практически всех сторон социальной жизни и магическое отношение к ней, что подтверждает гипотезу о порождении такого общества древним человеком. Видный современный философ К. Поппер, который самым внимательным образом исследовал формирование идеологической базы тоталитаризма, писал, что табу жестко регулирует все стороны жизни и господствует над ними. Табу не оставляет никаких лазеек. При такой форме жизни практически не существовало никаких проблем, и не было ничего даже отдаленно сходного с моральными проблемами. «Я не хочу сказать, что от члена племени никогда не требовались большой героизм и стойкость, чтобы действовать в соответствии с табу. Я имею в виду, что он редко попадал в положение, вынуждавшее его сомневаться, каким образом действовать. Правильный путь определен заранее, хотя, следуя по нему, и приходится преодолевать трудности. Он определен табу, магическими племенными институтами, которые никогда не становятся объектами критического рассмотрения... Табу, которые устанавливают некоторую форму групповой ответственности, могут быть признаны разве что предтечами того, что мы называем личной ответственностью, но они фундаментально отличаются от последней. Наш образ жизни все еще перегружен табу — пищевыми табу, табу вежливости и многими другими. И все же между нашими и племенными обществами есть существенные различия. В нашем образе жизни между законами государства, с одной стороны, и табу, которые мы привычно соблюдаем, — с другой, существует постоянно расширяющаяся область личных решений с их проблемами и ответственностью... Личные решения могут привести к изменению табу и даже политических законов, которые более уже не представляют собой табу»^[59].

Тоталитарное общество по исследованному здесь весьма существенному признаку радикально отличается от цивилизованного, демократического общества и максимально идентифицируется с племенным. В первых стабильно существует постоянно расширяющаяся область личных решений с ее проблемами и ответственностью, а это может привести к изменению табу и даже основополагающих, конституционных законов, их отмене. Ничем не стесняемое обсуждение существующих правил и предложений по их

совершенствованию в связи с новыми проблемами составляет коренное отличие двух названных систем общественного устройства.

Иными словами, подлинная цивилизация предполагает рациональную личную ответственность, пусть даже неправильно понимаемую или неразумно реализуемую. К. Поппер называет магическое, племенное или коллективистское общество закрытым, а общество, в котором индивидуумы вынуждены принимать личные решения, — открытым. По мнению этого ученого, переход от закрытого общества к открытому представляет собой одну из глубочайших революций, через которые прошло человечество. Эту революцию начали греки, но они все еще находятся в стадии перехода к открытому обществу, как полагает К. Поппер. Я думаю, что сердцевина революции — движение в пользу признания личности, индивидуальной инициативы и самоутверждения центром мира.

Можно согласиться, что названная революция еще не завершена и даже так называемая западная цивилизация находится на стадии перехода от закрытого к открытому обществу. Если это так, то время от времени естественны лихорадочные и кровавые броски назад, к закрытому обществу, в котором народ испытывает иллюзию защищенности от социальных и природных напастей. Если это не так и мы уже ушли из закрытого общества, то все равно нет ничего неожиданного в том, что цивилизацию хватает и тянет назад рука из прошлого. Подобное может быть объяснено и тем, в частности, что движение вперед осуществляется рывками. Однако трудно согласиться с К. Поппером в том, что закрытое общество чуть ли не снимает проблему трений между классами. Такие трения всегда сохраняются, но при тоталитаризме они скрыты, замазаны, загнаны внутрь демагогией и насилием. Не случайно Гитлер и Муссолини на всех углах кричали о том, что в их странах процветает сотрудничество классов в рамках корпораций, т. е. определенного вида хозяйственной деятельности. На самом деле такой идиллии, конечно, не было. Но даже нахождение западной цивилизации на стадии перехода от закрытого к открытому обществу предполагает изрядную долю оптимизма, поскольку переход включает в себе возможность прогресса.

Закрытое общество, в понимании К. Поппера, есть, в сущности, тоталитарный общественный строй, представленный в нашем веке

фашизмом и коммунизмом, которые обладают такими качествами, как революционность. Революционность, по мнению некоторых исследователей (К. Лукач), определяется совсем не радикализмом целей и даже не характером средств, применяемых в борьбе. Революционность есть тотальность, целостность по отношению ко всему акту жизни. Революционер тот, кто каждый совершаемый им акт относит к целому, ко всему обществу, подчиняет его центральной и целостной идее. Для революционера нет отдельных сфер, он не допускает дробления и автономии мысли по отношению к действию и автономии действия по отношению к мысли. Тоталитарность во всем — основной признак революционного отношения к жизни. Русские революционеры и в прошлом всегда были тотальны. Революция была для них религией и философией, а не только борьбой, связанной с социальной и политической сторонами жизни. И должен был выработаться русский марксизм, соответствующий этому революционному типу и этому революционному тоталитарному инстинкту. Это — Ленин и большевики, которые объявили себя единственными ортодоксами, т. е. тоталитарными, интегральными марксистами, не допускающими дробления марксистского мировоззрения и принятия лишь отдельных его частей.

Построенное в соответствии с этими схемами общество, я полагаю, неизбежно должно было стать коллективистским и племенным, где каждый не только зависел от каждого, но и все должны были ощущать себя лишь частями целого. Это целое уравнивало основную массу населения, которая становилась серой и безликой, как в древнейшей истории.

Анализируя личность Ленина, Н. А. Бердяев отмечал, что он всю жизнь боролся за целостное, тоталитарное мирозерцание, которое необходимо было для борьбы и должно было сосредоточивать революционную энергию. Из этой тоталитарной системы он не позволял вынуть ни одного кирпича, он требовал принятия ее целиком. Ленин был революционер до мозга костей именно потому, что всю жизнь исповедовал и защищал целостное, тоталитарное миропонимание, не допуская никаких нарушений этой целостности. Отсюда же непонятные, на первый взгляд, страстность и яростность, с которыми он боролся против малейших отклонений оттого, в чем видел марксистскую ортодоксию. Он требует революционных,

ортодоксальных взглядов на познание, на материю, на диалектику и т. д. от всякого, кто хочет служить делу социальной революции. Если вы не диалектический материалист, если вы в чисто философских гносеологических вопросах предпочитаете взгляды Маха, то вы изменяете тоталитарной целостной революционности и должны быть исключены. Особая забота о целостности и незыблемости учения, нежелание в идеологическом и теоретическом плане идти на какие либо уступки были сохранены отечественными коммунистами до конца.

Итак, очень важной характеристикой тоталитаризма является целостность, к которой имманентно и бессознательно стремятся и сам строй и его вожди. Но почему так, в чем смысл подобного стремления? Прежде всего, целостность обеспечивает сплоченность, а следовательно, надежность и безопасность деспотической системы, которая постоянно ощущает свою ущербность и неустойчивость, даже гибельность для самой себя. Значит, тенденция к целостности есть показатель слабости названной системы и ее лидеров. Но это не целостность цивилизованного общества, достигаемая открытым волеизъявлением граждан, которые тем самым принимают на себя личную ответственность. Это скорее первобытный монолит, скрепляемый страхом и конформностью населения.

Точно так или почти так ощущал целостность своего мира и первобытный дикарь. Он полагал, что малейшее отступление от нее грозит обвалом всему зданию, а под обломками погибнет и он.

4.3. Уход в магию

В литературе о германском фашизме достаточно много работ, в которых рассказывается о распространенности различных оккультных и мистических учений, активно питающих фашизм и фашистскую мифологию, о приверженности главарей рейха, и прежде всего Гитлера, мистике и магии. Отдельные авторы (например, Д. Х. Бреннан) даже убеждены в сверхъестественных способностях фюрера и его даре ясновидения, хотя это никак не увязывается с полным и безоговорочным крахом не только его самого, но и всей созданной им империи. В целом же приводимые факты о названных учениях весьма информативны и многое говорят о природе и идеологии немецкого фашизма, о причинах и механизмах событий в Германии тех лет, личности и поведении ее руководителей, одним словом, о многом, но далеко не обо всем.

Между тем надо выяснить, о какой магии идет речь, что, собственно, вкладывается в это понятие применительно к идеологии и практике тоталитаризма. Обобщая посвященные этому вопросу работы, можно сказать, что некоторые авторы имеют в виду, во-первых, необычные, выходящие за рамки привычного, личностные достоинства вождей, их умение воздействовать на других людей, по своему усмотрению и по своей воле направлять события, в том числе исторические, быть их источником и т. д., а во-вторых, знание тоталитарными главарями мистических и оккультных материй, древних мифов и тайных учений, опору на них при формировании соответствующей идеологии, психологии и символики. Другие под магией понимают все таинственное и потустороннее, и в этом ракурсе последняя даже выступает в роли скорее мистического, если под магией понимать то, что понимал Д. Д. Фрезер и его последователи.

Я считаю магией то древнейшее отношение человека к природе и к самому себе, когда он наделял себя или чаще кого-то избранного из своей же среды способностью воздействовать на окружающий мир и тем самым обеспечивать наилучшие условия жизни. Это были счастливые детские времена, когда мир казался простым и ясным, нужно было только хорошо знать его закономерности, когда индивид

еще не разуверился в своих «неограниченных» силах. Потом, постепенно разочаровавшись в себе и в своих возможностях изменять течение природных событий и создавать себе наилучшие условия существования по собственному желанию, он делегировал эти возможности Богам и титанам, возложив на них реализацию своих несбывшихся мечтаний. Это, одним словом, был этап, когда не было не только цивилизованной религии, но даже и достаточно сформированной языческой.

Понятно, что и в языческой, и в цивилизованной религии немало магического, как и языческого в цивилизованной, в частности христианской. Более того, магическое достаточно полно представлено и в нашей повседневности. Магия тесно переплетается с примитивными верованиями, поклонением перед душами умерших и другими достаточно могущественными силами.

Я связываю кровавые деспотии XX века именно с этими давно ушедшими годами и попытаюсь доказать, что магия в тоталитаризме представлена тем, что коммунофашизм придавал магический смысл и магическую значимость своим учениям, символам, идеям, ритуалам, вождям, даже своей повседневной практике. Именно так и никак иначе, не только через мистику и оккультные силы — это лишь внешнее — они связаны друг с другом. Эта связь — одно из самых важных доказательств того, что нынешние диктатуры порождаются взрывами, казалось бы, давно ушедшего человеческого опыта. Можно, следовательно, утверждать, что красно-коричневые и иные деспоты призваны обеспечивать возврат к дорелигиозным временам.

Мы знаем, что в первобытных магиях, как потом и в древних религиях, особое значение придавалось жертвам, которые приносились в дар высшим силам. Гитлер, подобно древнему магу считавший, что он установил связь с такими силами и что ему дано то, чего лишены все другие, совсем не скупился на такие жертвы. Так, планомерно истребленные им миллионы людей вполне можно представить себе как гигантское жертвоприношение. Неважно в данном случае, по какому принципу выбирались жертвы — национальному (евреи, цыгане, славяне) или состоянию здоровья (психически неполноценные). Впрочем, никакого принципа и не было, поскольку Гитлер готов был уничтожить и весь немецкий народ.

Уничтожение гитлеровцами 750 000 цыган, наверное, не имеет никаких иных причин, кроме магических. Гестаповец Сиверс был назначен исполнителем, священным палачом, ритуальным убийцей, осуществлявшим это жертвоприношение. Гитлер и высшие ответственные лица Германии массовыми казнями пытались победить безразличие Сильных, привлечь их внимание. В этом заключался магический смысл человеческих жертв от майя до нацистов. На Нюрнбергском процессе вызывало удивление равнодушие верховных главарей к убийству. Его ритуал возбуждал, но жертвы тотчас же забывались. В этом нацистские и другие такого же рода убийцы ничем не отличаются от обычных. Психологическое изучение мною последних показывает, что многие из них в момент преступления находились в состоянии, близком к экстатическому, когда их психика как бы переходила в другое измерение. Потом все забывалось, сожаление о содеянном и раскаяние почти никогда не появлялись, и создавалось впечатление, что преступник внутренне удовлетворен успешным выполнением кем-то и зачем-то поставленной перед ним задачи, смысл которой ему обычно неизвестен.

Массовые человеческие жертвоприношения фашизма представляют собой попытку глобального изменения состава населения земли ради неких мистических целей, но эта попытка отнюдь не нова в истории. С самой глубокой древности известны многочисленные факты уничтожения мирного населения, что внешне часто представлялось совершенно бессмысленным и не находило никакого рационального объяснения — вспомним, например, Тамерлана. Большевики тоже приносили массовые жертвы — они назывались чистками, ликвидацией кулачества, врагов народа и т. д. Собственно, сама идея жертвоприношения заложена в марксизме-ленинизме — уничтожение класса так называемых эксплуататоров.

Человеческие жертвоприношения по своему глубинному смыслу восходят к первым дням жизни человека на земле, когда в жертву приносились люди, чтобы заслужить милость и расположение могущественных потусторонних сил. Этих целей можно было бы успешнее достичь, если отдавать этим силам самое дорогое — других людей, их жилища и поселения, часто и собственных детей. Поэтому есть веские основания думать, что массовые человеческие

жертвоприношения XX в. — это убедительное подтверждение бессознательного обращения к древнейшему опыту.

Мистические идеологи нацистского режима (Горбинер, Гаусгофер) утверждали, что после многих ступеней возрождения на западе родилась другая цивилизация, оторванная от своего сказочного прошлого, ограниченная во времени и пространстве, цивилизация людей, измельчавших и ищущих утешения в мифах, изгнанных из мест своего зарождения и не сознающих величия судеб живого, связанного с великими космическими движениями. Человеческая, гуманистическая цивилизация — иудо-христианская цивилизация. Она безнадежно мала и остаточна. По мнению этих идеологов, мы приближаемся к другой эпохе. Произойдут мутации. Будущее протянет руку отдаленному прошлому. Земля вновь увидит великанов, будут новые потопы, новые апокалипсисы, и новые расы придут к власти.

Мощный бросок далеко назад немецкого фашизма был начат тогда, когда обрел и вторую жизнь такие древние культы и учения, как например, легенды о том, что земля полая (напомним, что в ранних цивилизациях в ее недра помещали души умерших, ад, драконов и т. д.), что где-то на Крайнем Севере был когда-то остров Туле (он затем исчез), который населяли существа обладавшие огромным запасом сил, способных вернуть Германии главенство над миром. Созданное общество Туле стало магическим центром нацизма и пыталось освоить многие духовные ценности Центральной Азии и буддизма. В качестве одной из главных эмблем была избрана свастика (ее предложил Гаусгофер) — символ солнца, источника жизни и плодородия, или грома — демонстрации божественного гнева. Самый древний след свастики был обнаружен в Трансильвании и восходит к концу эпохи неолита. Ее находят в остатках Трои, она появилась в Индии в IV в. до н. э., в Китае — в V в. н. э., в Японии — во время введения буддизма. Это исключительно арийский знак, ставший позднее символом чистой крови для нацистов, а для всего мира — символом войны, насилия, уничтожения цивилизации.

«Посвященные» из общества Туле опирались на древнюю тибетскую легенду, согласно которой 30–40 веков назад в Гоби существовала высокая цивилизация. Вследствие катастрофы Гоби превратилась в пустыню, и спасшиеся эмигрировали — кто на северную окраину Европы, кто на Кавказ. Бог Тор из северных легенд

был одним из героев этой миграции. Мигранты из Гоби составили основную расу человечества и были родоначальниками арийцев. Поэтому их потомки должны завоевать всю Восточную Европу, Туркестан, Памир, Гоби и Тибет.

Обращение к древним культам и мифам характерно для критических периодов истории многих стран. Например, на коммунистической Кубе, которая переживает острый кризис, в 1992–1993 гг. всеобщее распространение получил древний культ африканского народа йоруба и черная магия того же происхождения. «Всеобщее» — здесь не красочная гипербола, поскольку этот культ начали исповедовать высшие должностные лица режима и даже ее лидер Ф. Кастро, который стал появляться в белых культовых одеяниях и совершать обряды религиозного омовения и очищения от всяких грехов. И это в стране с безраздельным господством ортодоксальной коммунистической идеологии, стране, где атеизм давно стал государственной политикой!

На первый взгляд непонятно также, почему возродилось не христианство, а, казалось бы, давно позабытые африканские верования. Конечно, христианство — это и церковь, следовательно, определенная организация со всеми присущими ей особенностями, а поэтому совершенно недопустимый конкурент для фашизма или ортодоксального коммунизма. Несколько другое дело культуры далекого континента, но ведь, оформившись, культ тоже станет организацией. Здесь, я полагаю, не потеря бдительности, а попытка спасти систему и себя любой ценой, а «седовласые» магии и легенды можно не только подчинить себе, но и активно использовать для упрочения своего господства, как это делал Гитлер.

Возрождение древних легенд, мифов и магий в Германии (и на Кубе, причем я уверен, что подобные же примеры можно найти и в других странах) свидетельствует, во-первых, о том, что это происходит только в эпохи кризисов, охватывающих все стороны жизни общества, которое стоит перед необходимостью жизненно важного выбора. Во-вторых, активное культивирование старинных верований представляет собой некую идеологическую, культурную и психологическую проработку или подготовку, а в некоторых случаях и оправдание предстоящих практических решений. Философия Ф. Ницше, музыка и драматургия юдофоба и националиста Р. Вагнера вполне могут быть

оценены с этих позиций, но, разумеется, ни того, ни другого нельзя напрямую связывать ни с фашистской идеологией, ни, тем более, с фашистской практикой. Однако они, как и многие другие философы и искатели истины, в том числе полубезумные, не только возвестили о могучем нашествии Тени коллективного бессознательного, но объективно облегчили его приход.

Примерно об этом же применительно к большевизму сказал А. Солженицын в речи по поводу присуждения ему премии Национального клуба искусств (США) в 1993 г.: «В России импульсы авангарда предшествовали самой разрушительной революции в истории XX в. Перед тем как выплеснуться на улицы Петрограда, революция ворвалась на страницы художественных и литературных журналов столичной богемы. Здесь впервые раздались призывы к разрушению российского и европейского строя жизни, к уничтожению религиозных и этических кодексов, к разрыву с культурными традициями».

Возвращаясь к нацизму, следует подчеркнуть недопустимость недооценки в его формировании мистики и оккультизма, древних мифов и тайных учений. Это были источники, активно питавшие гитлеризм как определенную идеологию и психологию, как свое особое видение мира и способов решения его проблем. Поэтому идеологами фашизма так активно использовались писания Е. Блаватской, Х Чемберлена, Г. Листа, П. Гобино, Либенфельса (Й. Ланц) и других оккультистов и мистиков.

Известно, что многие тиранические государства активно, с жесткой последовательностью боролись с религией, церковью, ее учреждениями и служителями. Но так поступали не только современные диктаторские режимы. Например, монтаньяры, наиболее радикальные деятели Великой Французской революции, развязавшие в стране свирепейший террор, пытались заменить христианство нелепым культом некоего Верховного Существа. Преследовали христианскую церковь и во время революции 1910–1917 гг. в Мексике. В этой стране неумолимая пропаганда атеизма, оскорбление чувств верующих, основную массу которых составляли невежественные, суеверные крестьяне, гонения на священнослужителей вплоть до убийства последних, особенно усилились в годы правления в этой стране президента Кальеса (1924–1928). Постоянно конфликтовал с

католической церковью атеист Муссолини. Но наиболее упорно преследовалась религия немецкими нацистами и большевиками.

Немецко-фашистские главари вынашивали планы полной замены христианства древнегерманскими культами, предпринимали меры к возрождению древне-германского культа Бога Вотана, причем его выбор отнюдь не является произвольным и тем более случайным. К. Г. Юнг в статье о психологии нацизма писал, что Вотан является фундаментальным атрибутом немецкой души, иррациональным психологическим фактором, воздействующим на область высокого давления цивилизации подобно циклону и развеивающим его без следа. Вотан для немцев — это данность первостепенной важности, наиболее истинное выражение и непревзойденное олицетворение того фундаментального качества, которое особенно присуще немцам. Непостижимые глубины вотановского характера способны объяснить национал-социализм лучше, чем экономические, политические и психологические факторы в совокупности. Вотан исчез, когда пали его дубы, и появился вновь, когда христианский Бог проявил слабость, не сумев спасти христианский мир от братоубийственной бойни.

Человек, отмечал К. Г. Юнг, издревле персонифицировал автономные душевные силы в качестве богов и описал эти силы в мифах с величайшей тщательностью. Это стало возможным благодаря существованию устойчивых исконных типов или образов, врожденных бессознательному многих рас и оказывающих на них прямое влияние. Поскольку поведение расы черпает свою специфику из присущих ей фундаментальных образов, мы можем говорить об архетипе Вотана. Как самостоятельный психологический фактор Вотан воздействует на коллективную жизнь народа и тем самым выявляет свою собственную природу^[60].

Вотан может не только «просто» воздействовать, но и торжествовать. Веку Гитлера он подходил более всех других потусторонних кумиров, и уж конечно, не было никого лучше, кто противостоял бы Христу. Если Иисус пытался заставить людей заглянуть в глубины собственных сердец, чтобы узнать, что именно грозит их душевной жизни, то Вотан делал то же, но совсем с иной целью: люди должны узнать лишь свою биологическую природу, лишь свои стихийные силы, и ничего больше. Вотан — Бог неуправляемой ярости.

Его возвращение в общество есть, по существу, воцарение германского тоталитаризма со всей его деструктивностью, а стало быть, этот образ несет в себе разрушительное начало. Но при этом возникает очень сложный вопрос: если Вотан — непревзойденное олицетворение присущего немцам фундаментального качества и этот архетип полнее всего объясняет национал-социализм, то является ли стремление к уничтожению отличительной чертой этого народа? Разумеется, это не так, поскольку немцы создали целый ряд иных мифологических персонажей, которые могут быть противопоставлены Вотану. Он есть носитель не германской души вообще, а только гитлеризированной.

По-видимому, свои «Вотаны» имеются и у многих других народов, и научная задача заключается в их поиске и описании. Если германские нацисты стремились к возрождению культа Вотана, то, значит, они очень точно, хотя, возможно, и интуитивно, угадали, какому божеству им следует поклоняться. Но я все-таки думаю, что Вотан — не столько извечный Бог немцев, сколько созвучие того момента в их истории, который наступил с приходом национал-социализма. При этом ни в коем случае нельзя думать, что нацизм был навязан вопреки желанию немцев, равно как и большевизм в России. Напротив, и тот и другой режимы устанавливались при активном участии масс, которые сами и даже с радостью накинута на себя удавки.

Масса, толпа созидает тоталитаризм бессознательно, не вникая в его глубинный смысл и даже не ставя перед собой такой задачи. Она не понимает, к чему это приведет.

Очень важной составной частью тоталитарной магии является культ вождей-магов, перед которыми благоговели, но рядом с благоговением стелился страх, однозначно управлявший человеком еще в первобытные времена, еще до того, как он научился отделять добро от зла и вообще находился по ту сторону нравственности, задолго до того, как появились первые идеи прощения и милосердия. Но страх самым парадоксальным образом укрепляет силу и авторитет Отца, и то же время порождая разрушительные потоки массовой истерии и мании. Создается невероятный мир как плод больной фантазии, ставшей реальностью, мир, в котором гибнут извечные

ценности и интеллект капитулирует перед низменными инстинктами, мир, который погружается во тьму первичного хаоса.

В бесчисленных речах, статьях, рассказах, романах, стихах, песнях, лозунгах, портретах, символах и т. д. к Ленину, Гитлеру, Сталину, Мао Цзедуну и другим тоталитарным вождям высказано не просто восхищение ими и преклонение перед ними, но и безусловное признание в них магов, т. е. существ, обладающих необычными, из ряда вон выходящими способностями, могущих сделать то, что не под силу простым смертным, в первую очередь, повернуть ход истории, подчинить ее своей воле. Признание магических качеств вождя очень ярко проявилось в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., особенно в первый катастрофический период. Тогда, в условиях всеобщего крушения и хаоса, безоглядая вера в Сталина стала острейшей потребностью людей. Она помогла остановить бегущих с фронта солдат, пресечь панику, организовать оборону, вселить веру в конечную победу, вдохновить на героические поступки. Поэтому отношение к Сталину как к магу в данном случае имело положительные последствия, как, впрочем, и вера в Гитлера в той же войне, если иметь в виду, конечно, германские интересы.

Признание магических свойств Сталина и Гитлера не всегда делалось открыто, во всяком случае прямо об этом говорилось относительно редко, да и сама эта мысль четко и осознанно вряд ли многим приходила в голову. Тем не менее об их необыкновенных способностях убежденно говорили не только не умеющие аналитически мыслить обыватели, не только ближайшие соратники и придворные льстецы, но и вполне уважаемые и талантливые писатели, военачальники, ученые, общественные и политические деятели, в том числе зарубежных стран.

«Кто признает МЕНЯ, тот призван», — говорил живой человек Гитлер, и в этих словах явственно звучит неистребимая вера в свое магическое могущество, в свои необыкновенные силы и способности. Тот, кто признает его, получает особое знание и предназначение, но уже не принадлежит себе. Однако не нужно думать, что человек всегда вынужден подчиняться власти, ломая себя. Нет, если он верит во власть и в вождя, эта вера дарует ему огромную уверенность в себе.

Еще большей фанатической верой в собственное могущество насыщены следующие слова Гитлера, сказанные им вскоре после

захвата Польши в 1939 г.: «Решающий фактор в этой борьбе — это я сам! Никто не может заменить меня! Я верю в силу своего интеллекта. Никто и никогда не достигал того, чего достиг я! Хоть мир и ненавидит нас теперь, но я веду немецкий народ к высочайшей вершине. Судьба Рейха зависит только от меня. Я же буду действовать соответствующим образом. Я не остановлюсь ни перед чем. Я уничтожу каждого, кто будет противостоять мне!»

Не только психологический раб Геббельс безмерно верил в великого мага и мессию Гитлера. Также относились к нему невротик Гесс, о котором не без оснований говорят, что он страдал шизофренией, фотограф-порнограф Штрейхер и многие другие приближенные этого нацистского пророка, и вообще миллионы людей. Гесс, например, говорил: «С гордостью мы видим, что есть один человек, который находится за пределами критики. Это — фюрер. Все мы чувствуем и осознаем: он всегда прав и всегда будет прав. Наш национал-социализм зиждется на полной лояльности и молчаливом исполнении его приказов. Мы верим, что фюрер повинуетя высшему зову, требующему изменения германской истории».

Штрейхер, описывая выступление своего идола на митинге, утверждал: «Каждый чувствовал: этот человек говорит по зову божьему, как посланец небес». В «посланца небес» многие поверили сразу, еще в 1923 г. английский мистик и оккультист Хьюстон Чемберлен, зять Рихарда Вагнера и один из теоретиков нацизма, после встречи с ним писал: «Вам предстоят великие свершения... Моя вера в германизм нисколько не пошатнулась, хотя, должен признаться, мои надежды пребывали в упадочном состоянии. В один момент Вы сумели изменить мое душевное состояние. Тот факт, что в нужное время Германия произвела Гитлера, доказывает ее жизнеспособность».

Неизменно верил в свои магические способности и мессианское назначение Муссолини, который всячески поощрял создание своего культа и мифологизацию фашизма. Еще в 1922 г. он писал, что «сейчас время мифов и только миф может дать силу и энергию народу, кующему свою судьбу». После его прихода к власти особое внимание уделялось мифу о могуществе и всеилии вождя. В 1924 г. после того, как Муссолини наблюдал за извержением вулкана Этна, официальные газеты поместили сообщение, будто поток огненной лавы и пепла

остановился под сверкающим взглядом дуче. Когда этот бред показали вождю, он несколько не удивился.

Гитлер, Ленин и Сталин были магами не потому, что обладали мистическими способностями по своему усмотрению изменять природу и общество вопреки их законам, а потому, что им, как и первобытным вождям-магам, приписывались такие качества и в эти качества, не раздумывая, верили. От них ожидалось соответствующее поведение, и они сами верили в свое магическое могущество, о чем, к примеру, свидетельствуют приведенные выше слова Гитлера. Несомненно, в это же верил Сталин, хотя он никогда и не говорил громких слов в свой адрес. Но его поступки, манера держаться, непреклонность тона, твердость и упорство в насаждении своего культа и другие признаки говорят именно об убежденности в своих огромных магических возможностях.

Как и применительно к древним магам, магические действия красно-коричневых лидеров можно рассматривать не просто как инструментальный акт, а как действие, которое является эффективным уже в силу того, что оно совершено именно данным лицом. Так, эмоционально насыщенные выступления Гитлера или появление Сталина на трибуне Мавзолея во время парадов и демонстраций сами по себе имели магическое влияние на других независимо от того, какие конкретные цели они преследовали в каждом отдельном случае.

Тоталитарные вожди в качестве магов, т. е. лиц, ощущающих себя таковыми или приписывающих себе магические свойства, не могли не придавать огромного значения слову. Во-первых, сознательно или бессознательно с помощью слова они рассчитывали на желательные для себя изменения в окружающем мире, на должное направление событий и, надо признать, очень часто добивались этого. Однако они надеялись на слово даже тогда, когда их расчеты были в прямом противоречии с уже известными закономерностями. Во-вторых, слово способствовало упрочению их авторитета и влияния, но оно же могло причинить им и существенный вред. Особую опасность в этом плане представляло слово, произнесенное соперниками или врагами, многие из которых, как предчувствовалось, тоже могли обладать колдовской силой.

Подобное отношение к слову, восприятие его в качестве могучего магического инструмента имеет, по-моему, самые страшные

последствия для общества. Обильная сталинская жатва по «знаменитой» ст. 58.10 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. («Пропаганда или агитация, содержащая призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений, а равно распространение или изготовление или хранение литературы такого же содержания») во многом была как раз вызвана страхом перед чужими словами, которым приписывались вредоносные свойства. То, что в те годы очень и очень часто подвергались самым суровым наказаниям за самые безобидные слова или даже шутки, подтверждает высказанное выше предположение о страхе перед чужим словом. Уголовная ответственность за «опасное слово» была сохранена коммунистами и в Уголовном кодексе 1960 г. Репрессии не были столь уж жестоки, как в сталинские годы, но, тем не менее, соответствующая статья достаточно активно применялась.

Рассмотрим теперь некоторые моменты магической практики в тоталитарных странах.

У нецивилизованных племен и народов цель поста заключалась в вызывании экстатических состояний для сверхъестественного общения. «Кибеты», или заклинатели индейцев-аборигенов, считались у туземцев способными причинять болезнь и смерть, исцелять всякие недуги, узнавать близкое и отдаленное будущее, вызывать дождь, град, бури, тени умерших, оборачиваться в ягуаров и пр. Претенденты на это звание должны влезть на старую иву, свешивающуюся над каким-нибудь озером, и воздерживаться от пищи в течение нескольких дней. Малаец, желая застраховать себя от ран, уходит на три дня в лес для уединения и поста и, если на третий день к нему является во сне прекрасный облик духа, считает, что цель достигнута. Зулусский врач готовит себя к общению с духами путем воздержания от пищи, а также лишения, страданий, бичевания и уединенных странствований. Все это продолжается до тех пор, пока припадки или глубокий сон не приведут его в непосредственное общение с духами. Эти туземные прорицатели постятся вообще очень часто и доводят себя голоданием, продолжающимся иногда несколько дней, до состояния полного или почти полного экстаза, в котором они начинают галлюцинировать. Связь между постом и общением с духами считается у зулусов столь

тесной, что у них есть поговорка: «Постоянно сытый не может видеть тайных вещей».

Вера в эти ожидаемые или достигаемые результаты поста сохраняются и у сравнительно культурных народов. Поэтому неудивительно, что в индусской сказке царь Васавадатта со своей царицей после торжественного покаяния и трехдневного поста увидел во сне Шиву, милостиво беседующего с ними. Неудивительно также, что индусские йоги по сие время доводят себя постом до состояния, в котором они будто бы способны видеть богов телесными глазами. У греков жрецы-оракулы признавали пост средством вызывать пророческие сны и видения. Сама дельфийская пифия постилась для вдохновения. Спустя века обычай этот перешел в христианство.

«В жирного пророка они никогда не уверуют» — вот та магическая формула, которая пришла из первобытного варварства и продиктовала «великим» вождям упорное стремление распространять о себе легенды: о необычайной умеренности в еде, о единственных брюках-галифе и жесткой солдатской койке для короткого сна, о постоянной перегруженности в работе, о сексуальной сдержанности и прочей белиберде. Вот почему личная жизнь преступных правителей была возведена в ранг государственной тайны — народ должен был знать только легенду.

Известно, что Гитлер часто доводил себя до экстатического состояния, устраивал истерики, одним словом, впадал в буйство, в том числе на больших сборищах. Вот как описывает Д. Толанд одно из выступлений Гитлера еще до прихода его к власти: «На митингах он выступал как никогда страстно, люди слушали его, затаив дыхание. По свидетельству одного из очевидцев, Гитлер напоминал вертящегося в экстазе дервиша. Но он знал, как разжечь людей — не аргументами, а фанатичностью, визгом и воплями, повторением и каким-то заразительным ритмом. Это он хорошо научился делать, эффект получался волнующе примитивным и варварским».

Но поступая таким образом, Гитлер отнюдь не был оригинален. Точно так же вели себя его далекие предшественники — первобытные маги. Э. Б. Тайлор пишет, что по самим приготовлениям кандидата в жрецы или колдуны у гвианских индейцев к отправлению священных обязанностей можно судить о его физическом и умственном состоянии. Приготовления включают суровый пост и самобичевание,

пляски до обморока, употребление питья, вызывающего страшную тошноту и кровавую рвоту. Такой режим соблюдается изо дня в день, пока кандидат не доходит до конвульсивного состояния. Тогда из больного он делается врачом.

Чтобы вызвать духа Лембей, жрецы альфуров на Целебесе поют, а главный жрец, гримасничая и трясясь всем телом, возводит глаза к небу. Лембей входит в него, и он со страшными кривляньями вскакивает на возвышение, хлещет вокруг себя пучком листьев, скачет, пляшет и поет легенды о древнем божестве. Его сменяет другой жрец, который поет уже о другом божестве. Это продолжается непрерывно в течение пяти суток, затем главному жрецу отрезают кусок языка и он падает как мертвый, без сознания. Придя в себя, снова начинает бурный, но уже бессловесный танец, пока не заживет язык и не вернется способность речи.

К числу первобытных пережитков современной Индии видный этнограф Д. Косамби относит гондали — профессиональную касту священнослужителей, которые специализировались в исступленном танце, сопровождаемом музыкой и пением во время исполнения особых ритуальных церемоний.

У древних майя пророки — чиланы (по сообщению известного историка Р. Кинжалова), пользовавшиеся, кстати, особым почетом, для того, чтобы пророчествовать, уходили в комнату своего дома, приводили себя в состояние экстаза, после чего ложились на пол и, как считалось, вступали в беседу со своим духом-покровителем, который спускался к этому времени на крышу дома («Культура древних майя»).

От вождя (царя), наделяемого магическими свойствами, древние люди ожидали всяческих благ и верили в его неограниченные способности приносить обильный урожай, богатый приплод скота, выздоровление от болезней и прекращение стихийных бедствий, удачу на охоте и победу на войне. В этом своем качестве вожди-маги идентифицировались с природой, олицетворяли ее, тем более, что примитивный человек не умел отделять естественное от сверхъестественного. Следовательно, чтобы успешно выполнять свои прямые обязанности, т. е. властвовать над природой, «монарх» сам должен быть здоровым и физически сильным. Поэтому одряхлевший предводитель терял доверие и изгонялся, а иногда его убивали, в силу

чего он был кровно заинтересован в том, чтобы убедить соплеменников в своем отменном здоровье.

В цивилизованных странах одряхлевшему или заболевшему высшему должностному лицу ничего подобного, конечно, не грозит. Везде в таких странах давно проработаны принципы и механизмы смены властей. А вот в тоталитарных государствах... там диктатор занимает руководящее кресло навечно без малейшего желания уступить его кому бы то ни было. Понятно, что чем более физически здоровым предстанет он перед своими подданными, тем прочнее себя чувствует, тем больше у него сторонников и тем меньше у противников шансов избавиться от него. Поэтому красно-коричневые маги, подобно своим первобытным предшественникам, время от времени демонстрируют свою физическую силу и бессмертие.

Муссолини категорически запретил газетам писать о своем 50-летию и возрасте вообще, ибо желал оставаться вечно молодым. Обычно в конце военных парадов он становился во главе полка берсальеров и с винтовкой наперевес пробегал с ними перед трибуной. Дуче организовывал и активно участвовал в заплывах через Неаполитанский залив, в беге с барьерами и скачках на лошадях. На пляже он демонстрировал перед фотокамерами обнаженный бронзовый торс и, как заправский культурист, играл накачанными мускулами рук и тела. Когда у него ослабло зрение, велел изготовить специальную пишущую машинку со шрифтом в три раза больше обычного, чтобы на публике читать текст без очков. Так же поступил и Гитлер, считавший, что вождь «тысячелетнего» рейха не может быть в очках.

Мао Цзедун 16 июля 1966 г. в возрасте 71 года, желая продемонстрировать свою неувядающую физическую мощь, проплыл 9 миль по реке Янцзы за рекордный срок — 65 минут. Китайские журналисты сообщили, что Мао даже задержался на дистанции на некоторое время, чтобы показать какой-то молодой женщине свой прием плавания. Обозреватели на Западе, правда, полагают, что китайцы засняли на пленку дублера Мао. Считают, что в документальном фильме о заплыве Мао сфальсифицированы и длина дистанции, и время. Впрочем, это не имеет значения, так как и в том, и в другом случае цель была одна.

Гитлер и Сталин, увы, не обладали могучими бицепсами и не участвовали ни в заплывах, ни в забегах. Сообщения об их личной жизни строго дозировались, а тема здоровья почти никогда не затрагивалась. Бывшие руководители СССР Брежнев, Андропов и Черненко в последние годы своего правления были тяжело больными людьми, и это было известно всем, однако официальные власти и советские средства массовой информации делали вид, будто ничего такого они и ведать не ведают. Соккрытие состояния здоровья первого лица государства опирается на охранительную логику их архаичных предшественников. Дело в том, что у отдельных первобытных народов известен обычай, согласно которому вождя лишали жизни при первых же признаках немощи. Так, у африканского народа сунди вождя в этих случаях душили, а у племени мпангу — пронзали горло копьем. К тому же правитель как символ и средоточие системы и власти всегда должен быть здоров, поскольку тогда будут «здоровы» и система, и власть.

Особенностью тоталитарного вождизма является культ не только конкретного лица, но вождя как такового, т. е. культ его ведущего места в иерархии, занимаемого положения и должности, следовательно, превознесение, обожествление вождя, окружение его истерическим восторгом, как Сталина и Гитлера. В тоталитарном государстве есть культ не только личности, но и власти, представляющий собой неременный и очень важный атрибут такого государства. После ухода одного кумира тоталитарная система, если она сохраняется, тут же порождает нового, даже если он не очень подходит для этой роли. Смена коммунистических лидеров в СССР достаточно хорошо подтверждает последнее положение, причем легко заметить, что магические, интеллектуальные способности каждого нового вождя неуклонно слабели, полностью сопутствуя ослаблению самой системы и отражая эту тенденцию.

Итак, тоталитаристский современный божок — это, по существу, маг, как его понимал Д. Д. Фрезер, причем не частный маг, который с помощью магических обрядов и заклинаний хотел принести пользу или нанести вред отдельному человеку. Фашистский идол — это возвращение того общественного, по словам Фрезера, мага, который практиковал на благо всей общины, а поэтому становился как бы общественным должностным лицом. Образование такой категории лиц

имеет большое значение для развития общества в политическом и религиозном плане, колдун становится уважаемым человеком и без труда может добиться ранга вождя или королька. Неудивительно, что этот род занятий, сулящий почет, богатство и власть, привлекал внимание наиболее честолюбивых членов общества. Способнейшие представители этой профессии становятся более или менее сознательными обманщиками, а наиболее проницательные и разборчивые в средствах, к тому же внушающие страх, добиваются наибольшего почета и наивысшей власти. Их авторитет зиждется и на тех значительных материальных благах, которые они смогли накопить в результате своей магической деятельности.

Д. Д. Фрезер справедливо обращал внимание на то, что карьера мага не только сулит мастеру своего дела великие блага, но она полна западней, в которые всегда может попасть его неумелый или неудачливый собрат по профессии. В то же время положение занимающегося общественной магией очень непрочное: народ твердо уверен, что в его власти вызвать дождь, заставить сиять солнце или созреть плоды. Поэтому естественно, что засуху и недостаток съестных припасов также приписывают его преступной небрежности или злонамеренному упрямству. Он несет за это должное наказание. В Африке вождя, которому не удалось вызвать дождь, часто изгоняли или убивали.

В прошлом коралловым островом Ниуе, или Диким Островом, правила царская династия. Но так как ее представители были одновременно верховными жрецами и, как считалось, способствовали росту съедобных растений, то в голодное время народ приходил в гнев и убивал их. Когда, наконец, после серии убийств никто не пожелал занять трон, монархическому правлению пришел конец. Когда сохли посевы племени латука (район Верхнего Нила) и все усилия вождя вызвать дождь оказывались безуспешными, ночью на него обычно совершали нападение, грабили имущество и изгоняли его. Часто дело доходило до убийства.

Подобных примеров можно привести великое множество. Но так происходило не только в очень далекие годы изначальной дикости, но и среди современных первобытных племен. Разве не бросается в глаза полная схожесть судеб неудачливых царьков-магов с судьбами, например, Гитлера и Муссолини? В годы их полного господства и

триумфа их встречали восторженные толпы, их славословили, им протягивали для благословения своих детей, их обожествляли и приписывали им сверхъестественные способности, тогда они обеспечивали своим народам сравнительно высокий уровень жизни и самооценки, тогда они завоевывали другие страны и удовлетворяли самые эгоистические националистические инстинкты, вселяя в население полную уверенность в том, что немцы и итальянцы, потомки соответственно славных древних германцев и славных древних римлян, лучше, мудрее, могущественнее всех остальных. Но как только эти кумиры начали терпеть поражение за поражением и внутреннее положение в странах резко ухудшилось, число их сторонников заметно поубавилось, так же как и вера в их всемогущество, а неумеренные восторги исчезли вообще. Более того, 28 апреля 1945 г. Муссолини без суда был расстрелян, а 20 июля 1944 г. на Гитлера было совершено покушение, и он чудом остался жив. Его конец известен.

Согласно логике первобытного человека и современного примитива, здесь все справедливо и адекватно: дуче и фюрер, подобно неудачливым микромонархам с Дикого Острова, перестали выполнять возложенные на них функции. Другое дело — Сталин, он не обманул ожиданий и поэтому умер в почете и всенародных слезах.

Примечательно, что после краха нацистского рейха в Германии не было никакого подпольного, тем более партизанского сопротивления. Народ сразу и бесповоротно забыл о Гитлере и гитлеризме, они оказались ему ненужными. Народу открылось, что можно иным путем решать свои проблемы, не проливая чужую и свою кровь. Потом пришло покаяние.

В отличие от других, нетоталитарных правителей, Ленин, Сталин, Гитлер, Муссолини постоянно и очень много прорицали, и есть все основания утверждать, что это была одна из их основных функций. Собственно, без прорицаний, которым посвящены многие письменные труды и устные выступления, составляющие вершину их экономических и идеологических концепций, без прорицаний, которые всегда и тесно связаны с обещаниями, эти фигуры просто невымыслимы. Причем они прорицали и до прихода к власти, и после ее получения, нередко пытаясь охватить своим предвидением и другие страны, что обычно выдавало их высокую агрессивность. Разумеется, ни один крупный политический деятель не может обойтись без анализа

существующего положения и без обрисовки того, что могут дать планируемые им шаги или к чему приведет реализация мер его политических противников. Но это другой, всегда частичный и всегда ограниченный во времени прогноз. Коммунно-фашистские же вожди мыслили только глобально, только тотально, в масштабах всего общества и даже всего мира, определяли пути развития навечно и для всех народов.

В этом своем качестве они опять-таки выступают как древние маги, в то же время мессии, пытаясь по своему желанию сотворить историю, и очень напоминают гадалщиков, которые, по мнению английского этнолога В. Тэрнера, играют заметную роль в традиционных (примитивных) обществах. В. Тэрнер отмечал, что значительная часть гадалщиков должна иметь параноидальные склонности и относиться к маргинальным личностям. Когда в жизни людей происходят кризисы, то гадалщики представляют ясную, хотя и иллюзорную систему, которая, по выражению В. Тэрнера, переводит в культурные понятия ментальные структуры паранойи. Сеансы отгадывания тайных причин великого несчастья приносят своего рода восстановление нарушенных социальных отношений, но это восстановление происходит посредством возбуждения всеобщей ненависти.

Поскольку тоталитарное общество является магическим обществом благодаря учениям, которые лежат в его основе, и вождям, которые им руководят, выполняя функции магов, оно должно крайне негативно относиться к религии, которая исторически пришла на смену магии. Тоталитаризм, как мы хорошо знаем, так и относится к религии: ненависть к ней есть одно из убедительных доказательств того, что тоталитаризм есть отрицание цивилизации.

4.4. Торжество примитива

Доказательством того, что тоталитаризм есть бурное действие негативных сторон далекого исторического прошлого, являются постоянные попытки деспотических режимов вернуться к примитивному, первобытному обществу с его упрощенной структурой и соответствующими отношениями людей, с примитивной системой понимания мира и своего места в нем. Эти режимы пытаются воссоздать примитивного человека с присущим ему мышлением и мировосприятием, резко ограничив, сведя до минимума духовные потребности, обезличив личную жизнь до убогой серости. Примитивность есть низшая ступень и исходная точка исторического развития личности, которая на современном культурном этапе представляет собой не только продукт биологической эволюции и развития в детском возрасте, но и результат указанного исторического процесса.

Подобно тому, как взрослый человек на бессознательном уровне иногда стремится к психологическому возвращению в детство, когда он испытывал наивысший эмоциональный комфорт и защищенность, так и тоталитарное общество желает вернуться к тому, что позволило бы ему создать себе наилучшие условия существования. Фашизму, нацизму и большевизму совершенно не подходят чуждый им современный культурный мир с его социальными и политическими институтами и нравственными ценностями, со всей сложностью его искусства и духовного мира, а главное — отношениями между людьми. Поэтому красно-коричневые диктатуры от всего этого обязательно должны избавиться. Проявляемая при этом нетерпимость и особая жестокость есть свидетельство того, что современная культура не только чужда, но и глубоко враждебна тоталитаризму, поскольку она несет в себе смертельную угрозу его существованию. В этом смысле можно сказать, что фашизм и его тоталитарные «сестры» вынуждены уничтожать культуру и живых ее носителей, что они и делали. Тоталитаризм видит мир только в черно-белом изображении. Отсюда, например, отвергание всех усложненных форм искусства и

призывы к тому, чтобы оно всегда было понятно народу, отсюда и пожелание Ленина, чтобы кухарка управляла государством.

Центральной идеей тоталитарного сознания является убежденность в простоте мира, в том, что любое явление может быть просто сведено к легко описываемому, наглядному сочетанию нескольких первичных феноменов. Если мир в основе своей прост, то вся работа ученых попросту не нужна, тем более если их выводы не укладываются в прокрустово ложе всегда готовых идеологических схем.

Но мир не только прост, но и непонятен, а поэтому любое непонятное есть злонамеренное запутывание стройного, не таящего никаких существенных тайн мира. Ученый, да и любой грамотный человек, самым своим существованием отрицает эту примитивную «победу разума», и поэтому режим относится к нему как к врагу. Отсюда гонения на кибернетику, социологию, генетику и другие науки, на абстрактное искусство.

Л. Гозман и А. Эткинд указывают на то, что вера в простой мир ответственна за принятие катастрофических по своим последствиям управленческих решений. Носители этой веры не способны увидеть явление в единстве его положительных и отрицательных черт и тяготеют к однозначным решениям, которые далеко не всегда уместны. Если уж что-то плохо, оно во всем плохо, если хорошо — то тоже во всем. Следовательно, любое социальное событие или природный феномен должны быть объектом всемерной поддержки или бескомпромиссной борьбы. Если мир прост, то действия, направленные на его улучшение, должны быть также просты, если не технически, то по идее. Нехватка воды решается поворотом рек, недостаток денег — печатанием новых, демографические проблемы — запрещением аборт, распространение инакомыслия — помещением в психбольницы^[61]. Добавлю — и уголовным преследованием.

Вполне закономерно, что из всех возможных решений тоталитарная власть, за редким исключением, с завидным постоянством выбирает наихудшие. Здесь нет злого умысла — критерием выбора служит ориентация на простой вариант, не превышающий по степени сложности сложность картины мира тех, кто принимает решение. За простыми решениями стоит примитивное

представление как о причинах проблем, так и о последствиях действий властей.

Иллюзия простоты создает и иллюзию всемогущества. Любая проблема может быть решена, достаточно лишь отдать верные приказы, такие же простые, как и объект их воздействия. Результат, правда, обычно противоположен тому, к которому стремились, но и тут есть объяснение — козни врагов, которых поэтому надо уничтожать, что тоже в общем очень простое решение. Простая картина мира касается не только природы, но и общества. Она диктует особый способ решения социальных проблем, последовательно разделяя социум на наших и ненаших, хороших и плохих. К бесконечной борьбе между ними сводится фактически все историческое развитие. Поэтому целые народы и социальные группы объявлялись ненужными и вредными, они вытеснялись или уничтожались. Даже собственные государственные структуры тоталитаризм упрощает до предела, а точнее, все ветви власти (законодательную, исполнительную и судебную) сосредоточивает в одних руках. Так, всем известно, что единственной реальной властью в бывшем СССР обладал ЦК ВКП (б) (КПСС) и его бюрократический аппарат, даже карательные органы, в том числе те, которые осуществляли репрессии вплоть до расстрелов, были лишь «простым» продолжением компартийных организаций. Аналогичное положение существовало в фашистских Германии и Италии. В Италии вся полнота власти принадлежала Муссолини, который руководил Большим фашистским советом (БФС), ставшим высшим органом политической власти в стране. БФС реально контролировал правительство и парламент, утверждал законопроекты и декреты перед их внесением на рассмотрение парламента, т. е. будучи партийной структурой, действовал также как ЦК ВКП (б) (КПСС). Деятельность БФС, как и ЦК КПСС, была окружена мистической таинственностью и секретностью.

Муссолини присвоил себе официальное наименование — «глава правительства» и должен был отчитываться не перед парламентом, а перед королем (носившим кличку «Щелкунчик»), который, в свою очередь, мог подписывать декреты лишь с ведома и согласия БФС и лично дуче. Король настолько превратился в марионетку, что не мог, в соответствии с законом, ни сместить главу правительства, ни даже назначить себе преемника. Особый трибунал, предназначавшийся для

расправ над антифашистами, подчинялся непосредственно Муссолини, который к тому же руководил тайной политической полицией. Эта полиция (как и гестапо, ВЧК—ГПУ—НКВД—МГБ—КГБ) была окружена полной таинственностью, что должно было внушать еще больший страх. Более того, она именовалась аббревиатурой ОВРА, и до сих пор нет единого мнения по поводу того, как она расшифровывалась. Иными словами, непонятность названия тоже должна была вызывать страх. С одной стороны, это означает единство власти, а с другой — свидетельствует о том, что разделение властей и прочие сложности чужды тоталитарному сознанию, как и его древнейшему предку, который все государственные функции сосредотачивал в одних руках.

Выборы, голосования, обсуждения, борьба партий ломают представления о простоте мира и решений его проблем и по этой причине тоже не могут восприниматься диктатурой. Когда все ясно и безальтернативно, нужен лишь вождь или группа вождей (коллективная «мудрость партии»), которые «просто» решат все проблемы, а потом силой проведут свои решения в жизнь. Простота решений чрезвычайно импонирует, кстати, и обывателю, человеку толпы, который сам ненавидит премудрости и всех ученых людей. Нельзя не заметить, что главари современных орд и руководители партий фашистского толка лихо, не задумываясь, отвечают на любой вопрос — от политики до науки и искусства. Это тоже прямое следствие того, что для них все чрезвычайно просто и понятно, колебания и сомнения им несвойственны, они знают все, потому что все несложно.

Хотелось бы обратить внимание на то, что тоталитарно ориентированными личностями и их группами цивилизация бессознательно ощущается как утратившая свой престиж. Напротив, прошлое примитивное устройство жизни и отношений властно влечет их к себе, поскольку в нем они могут обрести психологический комфорт. Поэтому-то они с такой свирепостью начинают бороться с цивилизацией. Однако ни одну такую личность ни в коем случае нельзя считать ни варваром, ни примитивом в чистом виде, поскольку они родились, воспитывались и развивались в современной культурной среде, и, следовательно, несут на себе ее родимые пятна, от которых, впрочем, всячески пытаются освободиться.

Этический кодекс тоталитаризма фиксирует примитивные отношения, а его главная слабость, как и аналогичных варварских кодексов, в том, что он носит необщественный, неинституциональный характер. Преданность вождю, которая опирается на ряд индивидуальных нравственных императивов, не может считаться равноценной заменой цивилизованной социальной системы. Современные примитивы (равно как и варвары, и первобытные народы) абсолютно не способны создать устойчивые, стабильно действующие социальные институты. Своды их правил закрепляют весьма непрочные отношения, содержанием которых является не экономический интерес и этическая солидарность, а сила, принуждение и страх, переплетающиеся с корыстолюбием и чистоганом. Вся эта система немыслима без вождя и всех связанных с ним норм и требований, поэтому диктаторские режимы обычно распадаются (например, режим Франко в Испании), как только умирает вождь. Поэтому вечная жизнь, как у патриарха в романе Г. Г. Маркеса, — голубая, но, увы, нереальная мечта всех диктаторов и их приверженцев. Так было и в древности: держава западных гуннов распалась сразу после смерти Атиллы. То же можно сказать применительно к империям Тамерлана, Чингисхана и т. д.

К. Поппер, анализируя некоторые современные расистские теории, писал, что их авторы считали, что человек сделал решающую ошибку, став цивилизованным и, в частности, начав помогать слабым. До того он был почти совершенным человекозверем. Однако цивилизация с ее искусственными методами защиты слабых привела к вырождению и, следовательно, должна в конце концов разрушить себя. К. Поппер признает, что человек, возможно, однажды исчезнет из этого мира. Добавим, что это грозит и самым совершенным зверям, не говоря уже о тех, кто «почти совершенен».

Теория, согласно которой человеческий род мог бы прожить несколько дольше, если бы не впал в фатальную ошибку — помогать слабым — весьма сомнительна. Но если бы даже она была верна, действительно ли простая продолжительность выживания вида — это все, чего мы добивались? Или почти совершенный человекозверь имеет столь выдающуюся ценность, что мы должны предпочесть продление его существования (он и так существует уже довольно долгое время) нашему эксперименту по помощи слабым?

К. Поппер верит, что человечество не совершило фатальной ошибки, когда помогло многим слабым людям. Вот уже почти сто лет (его книга написана между 1938 и 1943 гг.) рабство юридически отменено. Некоторые надеются, что оно вскоре будет вновь введено, но даже если придется вернуться к совершенному человекозверю, тот факт, что однажды, хотя бы на короткое время, рабство действительно исчезло с лица земли, — огромное достижение, и память о нем компенсирует некоторые наши неудачи. Люди, возможно, исправят фатальную ошибку, сделанную нашими предками, которые упустили золотую возможность остановить все изменения — возвратиться в клетку закрытого общества и установить на века совершенный зоопарк почти совершенных обезьян^[62].

Построить подобную клетку закрытого общества стремились все, кого судьба или провидение наделили соответствующими силами. При этом много раз пытались уничтожить слабых и создать совершенного человека, отбросив культуру и полагая, что только они обладают выдающейся ценностью, поскольку не солидаризировались с гуманизмом и цивилизацией. Иными словами, эти совершенные люди пытались исправить фатальную, на их взгляд, ошибку своих предков: открыто или почти открыто в гитлеровской Германии и в большевистском СССР.

«Мы должны быть жестокими, — говорил Гитлер Г. Раушнингу. — Мы должны преобразовать совестливость в жестокость. Только так мы можем изгнать из нашего народа мягкотелость и сентиментальное филистерство. У нас уже нет времени на прекрасные чувства. Мы должны вынудить наш народ быть великим, если ему нужно исполнить свою историческую задачу».

В XX в. фактически вновь возвратили рабство: Гитлер и Сталин ввели его в концентрационных лагерях, в колхозах, на производстве, в строительстве. Правда, слово «рабство» там не употреблялось, но это было настоящее рабство, хотя современных рабов и не продавали на невольничьих рынках.

Гитлер стремился создать «простое» общество из господ и низшего слоя, фактически низведенного до уровня рабов. В беседе с Г. Раушнингом он говорил: «При естественном порядке классы, народы наслаиваются друг на друга, вместо того, чтобы существовать рядом друг с другом. И мы вернемся к естественному порядку, как только

ликвидируем последствия либерализма. Уже в позднее средневековье началось либералистское разложение прочных сословных барьеров, охранявших единоличное господство аристократии высшей крови. И вот, наконец, в наше бесславное время все ценности извращены и неполноценные составные части европейских наций оказались наверху, а наиболее ценные — внизу».

Движение Гитлера к примитиву очень точно диагностировал Геббельс, записав в своем дневнике 8 августа 1932 г.: «...Фюрер — мастер упрощения, сложнейшие проблемы он видит в их лапидарной примитивности».

В 1932 г., в узком кругу избранных Гитлер так изложил свои планы переустройства общества в смысле возвращения его в прошлое: «Будет класс господ — исторически сложившийся, созданный из различных элементов посредством Борьбы. Будет множество иерархически организованных членов партии. Они станут новым средним сословием. И будет большая масса безымянных, класс служащих, вечно немых — все равно, были ли они прежде представителями буржуазии или дворянства, рабочими или ремесленниками... Однако ниже них будет стоять слой поработанных иностранцев, проще говоря — современных рабов. А на самом верху будет новая высшая аристократия, особо заслуженные и особо ответственные лидеры».

Еще в начале фашистского господства, в 1933 г. Геббельс сказал: «Необходимо создать структуры, в которых будет проходить вся жизнь индивида. Любая деятельность и потребность каждого отдельного человека будет регулироваться партией, представляющей всю общность. Не будет больше никакой самостоятельности, не будет никаких свободных пространств, где индивидуум принадлежал бы сам себе... Время личного счастья кончилось».

Подавление личности, полное поглощение ее системой есть яркое проявление тенденции к примитиву, особенно к тому периоду, когда нравственность и духовность еще только начали формироваться. В этом аспекте знаменательны следующие слова Гитлера: «Предопределение начертало мне стать величайшим освободителем человечества. Я освобожу человека от духовности, ставшей самоцелью, от грязных и унижительных самоистязаний — химеры, называемой совестью и моралью, и от претензий на свободу и личную

независимость, до которых всегда дорастают лишь немногие... Христианскому учению о бесконечно большой значимости каждой человеческой души и личной ответственности я с холодной ясностью противопоставляю освободительное учение о ничтожестве и незаметности каждого человека и его загробной жизни по сравнению со зримым бессмертием нации. Вместо догм об искупительных муках и смерти божественного мессии — искупительная жизнь и деятельность нового фюрера-законодателя, освобождающая массы верующих от бремени свободы выбора».

К чести Гитлера надо отметить, что иногда он признавал, что движется далеко назад. Так, в разговоре с Г. Раушнингем он сказал: «Те, кто слышит древний голос человечества, кто посвящает себя вечному Движению, — призван стать новым человечеством».

Лозунги большевиков о построении общества, в котором все будут равны, обладали в прошлом огромной притягательной силой, но теперь мало кого обманут, поскольку известно, что их практика не имела ничего общего с теорией. Действительные рабы большевизма в концентрационных лагерях и колхозах, равно как и другие полусвободные люди («немые» — по терминологии Гитлера), находились под полным господством высшей аристократии — партийно-государственной номенклатуры. Как и в фашистской Германии, существовал еще один довольно многочисленный и страшный слой — порода палачей, выполнявших карательные функции и обеспечивавших власть верхушки. Поэтому упрек в адрес большевиков, что-де замыслы у них были отличные, а вот средства для их реализации они, к сожалению, избрали аморальные, весьма наивны и не выдерживают никакой критики. Дело в том, что «строители коммунизма» сразу начали создавать строго дифференцированное общество, в котором были все перечисленные группы.

Кроме рабов ГУЛАГа и крепостных колхозников стали закабаляться и относительно свободные городские жители:

27 мая 1940 г. было принято постановление СНК СССР «О повышении роли мастера на заводах тяжелого машиностроения». Мастер превращался в надсмотрщика.

26 июня 1940 г. вышел новый указ «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и

учреждений». Рабочие и служащие оказались приписанными к месту работы.

10 июля 1940 г. появился указ «Об ответственности за выпуск недоброкачественной продукции и за несоблюдение обязательных стандартов промышленными предприятиями». Указ предусматривал уголовные наказания.

19 октября 1940 г. принимается решение «О порядке обязательного перевода инженеров, техников, мастеров, служащих и квалифицированных рабочих с одних предприятий и учреждений в другие». Закабаление становилось еще более жестким и бесчеловечным.

Эти драконовские законы существенно дополнял ряд других, предусматривающих уголовную ответственность за мелкие хищения на производстве и в колхозах, за ненадлежащее обращение с техникой и ее повреждение (в колхозах еще за ненадлежащее обращение со скотом); в 1940 г. стали сажать за прогулы и опоздания на работу.

Подавление и упрощение личности, примитивизация общественной жизни в итоге создали то сообщество «Мы», которое изображено в одноименном романе Е. Замятина, сообщество, в котором живут, нет — функционируют не люди, а нумера: «Как всегда, Музыкальный Завод всеми своими трубами пел Марш Единого Государства. Мерными рядами, по четыре, восторженно отбивая такт, шли нумера — сотни, тысячи номеров, в голубоватых юнифах, с золотыми бляхами на груди — государственный номер каждого и каждой. И я — мы, четверо, — одна из бесчисленных волн в этом потоке. Слева от меня — 0-90, справа — два каких-то незнакомых номера, женский и мужской».

Нумера, естественно, не имели имен и обладали скудным набором самых элементарных прав даже для удовлетворения физиологических потребностей, например правом «на сексуальный продукт». Поскольку любовь, как и другие чувства и эмоции, кроме тех, с помощью которых предписывалось воспевать Верховного правителя, Благодетеля, запрещалась, то для интимной близости нужно было лишь записаться на любого номера, т. е. к нему (к ней) в постель. На такое посещение брался разовый талон, за использованием которого строго следили, но при этом возникала одна редкая возможность в таком обществе прозрачных стен — можно было опустить в комнате шторы.

Е. Замятин был исключительно точен: большевики, например, действительно создали общество прозрачных стен. Это достигалось преобладанием коммунальных квартир и общежитий, причем случалось, что в одной комнате жили две-три семьи, даже не связанные никакими родственными узами; установлением уголовной ответственности за добровольные гомосексуальные акты; отсутствием свидетельского иммунитета — каждый должен был доносить на каждого, даже мать на родного сына, и вообще процветало всеобщее доноительство, действовала широчайшая сеть доносчиков; обсуждением «аморальных» поступков в коллективах и т. д. Причем давление и воспитание были такими, что множество номеров доносили с удовольствием.

Разумеется, управлять идентичными друг другу номерами в таком безжизненном обществе одинаковой простейшей пищи и одежды, строжайшей, неукоснительной дисциплины — одно удовольствие. Однако не совсем ясно, как добиться того, чтобы появлялись не люди, а не отличающиеся друг от друга номера. Ответ можно получить в романе-антиутопии одного очень ироничного англичанина О. Хаксли, «О дивный новый мир». Совет прост: эти существа можно выращивать в бутылках, программируя вместе с тем и их будущую общественную дифференциацию, т. е. вхождение в заранее predetermined социальные группы.

Строя и укрепляя примитивное общество, нацисты и большевики проделывали это под толстым одеялом демагогии и обмана. И те, и другие стремились к строю, в котором отношения между социальными группами и отдельными людьми представлялись в сугубо черно-белом цвете. Подобное мировосприятие очень точно выразил известный «пролетарский» поэт в словах: «Тот, кто поет не с нами, тот против нас». Нацистами и большевиками сразу же после прихода к власти было «упрощено» государство, т. е. заменено, по существу, партией. Была проведена также примитивизация права, закона, правосудия, что не могло немедленно не обернуться кровавым произволом и неограниченным беззаконием. Вот несколько весьма показательных высказываний Гитлера о праве, юриспруденции и юристах, записанные Г. Пикером в его «Застольных разговорах Гитлера»: «Он обратил внимание, что завещание... только тогда имеет силу, если подпись под ним заверена нотариусом. Подписи германского рейхсканцлера вкуче с

имперской печатью, оказывается, нет веры, если отсутствует подпись нотариуса. Ни один разумный человек этого не поймет! Ни один разумный человек не в состоянии понять правовых учений, которые напридумывали юристы — не в последнюю очередь под влиянием евреев. В конце концов, вся нынешняя правовая наука — это лишь систематизация знаний о том, как перекидывать ответственность на другого. Он поэтому сделает все, чтобы подвергнуть всевозможному презрению изучение права, т. е. изучение всех этих правовых воззрений».

«Ему (Гитлеру — Ю. А.) нужны судьи, которые твердо убеждены в том, что право — это не отстаивание интересов личности от посягательства государства, но в первую очередь забота о том, чтобы Германия не погибла... Если раньше актеров хоронили только на живодерне, то нынче именно юристы заслуживают того, чтобы их там хоронили. Нет никого ближе юристу, чем преступник, а если учесть, что оба — космополиты, то между ними просто нет разницы... Ныне он со всей откровенностью заявляет, что для него любой юрист или от природы неполноценен, или со временем станет таковым».

В СССР, особенно в 20–30-е годы, о законе и законности отзывались примерно также. Большевистские теоретики находили массу оправданий для беззакония, и их лакейская услужливость переходила все рамки приличия. Так, А. К. Стальгевич, известный в прошлом теоретик права, решительно возражал против отношения к закону как к чему-то «господствующему, всевышнему, озаренному ореолом надклассовой справедливости, превосходнейшему, служащему общему благу». Он не мог смириться с правовым характером власти, с тем, что над государством возвышается закон, ведением которого оно не может противоречить. Заклеймив подобные взгляды в качестве буржуазных, А. К. Стальгевич, на работах которого воспитывалось не одно поколение советских юристов, сокрушался по поводу того, что в соответствии с такими взглядами советское государство «приобретает особый характер, характер государства правового, связанного законом и ограниченного законом». Цитируя слова Ленина о том, что советское государство представляет собой «ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся

власть», этот автор «мудро» предостерегает против механического применения буржуазной теории к социалистическому государству.

Подобные «научные» утверждения можно найти без особого труда и в других «научных» поделках. Думается, что их авторы должны нести нравственную ответственность за свои писания, которые образовали идеологический и правовой фундамент массовых репрессий. А то, что государство не было стеснено никакими законами и опиралось на насилие, нашему народу, к сожалению, хорошо известно. Можно сказать, что социалистическое государство делало то, что ему хотелось, до крайности упрощая проблему законности.

В примитивном обществе должны жить примитивные люди, которые поэтому должны получить лишь минимальное образование. Вот что думал по этому поводу, судя по записям Г. Пикера, Гитлер: «Человека нужно учить лишь самому необходимому, все остальное будет ему только мешать! В школе нужно давать только общие знания, которые послужат фундаментом для специальных знаний. События громоздятся одно на другое. Какая же голова должна быть у ребенка, чтобы освоить историю родного края, историю страны в целом, да еще и историю рейха? Зачем мальчику, который хочет заниматься музыкой, геометрия, физика, химия? Что он запомнит из всего этого? Ничего. От любого подобного изложения следует отказаться. Администрация школы обязана так составить план занятий, чтобы детям давали только те знания, чтобы с честью выдержать жизненные испытания. В остальном же гораздо разумнее сделать так, чтобы они как можно больше времени проводили на свежем воздухе».

Это — для самого немецкого народа, для расы господ. Покоренные же народы, по Гитлеру, должны усвоить лишь язык жестов. Меморандумом Гимmlера (1940 г.) «Об обращении с инородцами на Востоке» предписано, чтобы обучение для не немецкого населения не превышало четырех классов и ограничивалось простым счету до пятисот, написанию своего имени и тому, что господь Бог требует слушаться немцев и быть честным, прилежным и порядочным». Умение читать признавалось излишним.

Как легко заметить, фашистские правители вовсе не намеревались обременять образованием все население гитлеровского рейха, в том числе немецкое. Не только покоренные народы, но и сами немцы вместо знаний «напихивались» национал-социалистской идеологией.

Параллель напрашивается сама собой — точно так же навязывали коммунистическую идеологию советскому народу, который должен был поглощать ее, не раздумывая, просто принимая на веру.

Совсем не мудрствовали и вожди. Удивительным примитивизмом пронизаны многие высказывания Сталина по сложнейшим вопросам коммунистической утопии и так называемого социалистического строительства. Так, в Отчетном докладе XVII съезду партии в 1934 г. он высказал, например, следующие соображения.

«Бесклассовое общество не может прийти в порядке самотека. Его надо завоевать и построить усилиями всех трудящихся — путем усиления органов диктатуры пролетариата, путем уничтожения классов. Дело, кажется, ясное».

«Будущая коммуна возникнет на базе более развитой техники и более развитой артели, на базе изобилия продуктов. Когда это будет? Конечно, не скоро. Но это будет. Было бы преступлением искусственно ускорять процесс перерастания артели в будущую коммуны. Это спутало бы все карты и облегчило бы дело наших врагов... Дело, казалось бы, ясное и почти что элементарное».

«Марксизм является врагом уравниловки. Еще в «Манифесте Коммунистической партии» бичевали Маркс и Энгельс примитивный утопический социализм, называя его реакционным... Энгельс в своем «Анти-Дюринге» посвятил целую главу бичующей критике радикального уравнилительного социализма... Кажется, ясно».

«Возьмем вопрос о лозунге: Сделать всех колхозников зажиточными. Этот лозунг касается не только колхозников. Он еще больше касается рабочих, так как мы хотим сделать всех рабочих зажиточными... Кажется бы, дело ясное».

Подлинным «шедевром» примитива является написанная Сталиным глава о диалектическом и историческом материализме в кратком курсе Истории ВКП (б), где все архитрудные и многоплановые проблемы человека и общества решены с обескураживающей простотой и, по мысли автора, раз и навсегда. Впрочем, это характерно для всей марксистско-ленинской теории, у которой всегда был готов исчерпывающий и окончательный ответ на любой вопрос в экономике, политике, науке, технике, искусстве, военном деле, международных отношениях, спорте и т. д. Сама коммунистическая утопия есть, собственно, торжество примитива, поскольку в нем все сводится к

простейшим и банальнейшим решениям и не принимаются во внимание давно установленные закономерности и истины. В этом плане особенно показательное отношение марксизма-ленинизма к личности: с одной стороны, полное пренебрежение к ней, а с другой — уверенность, что ее можно переделать так, как того хочется. Но можно полагать, что игнорирование человека проистекало из того, что марксисты-ленинисты бессознательно предчувствовали, что создать личность по их образцам все-таки не удастся.

В учебнике по психологии отечественный исследователь М. И. Еникеев дает следующий весьма интересный перечень наиболее характерных черт тотализированного типа личности.

Конвенционализм — некритическое принятие догматических норм и правил, тревожная озабоченность за их повсеместное исполнение; верноподданность, авторитарная зависимость — преклонение перед официальной властью, некритическая идеализация политических лидеров, вера в их незаменимость; авторитарная агрессивность — ненависть ко всем инакомыслящим.

Этноцентризм — крайняя переоценка роли своей нации во всемирно-историческом процессе, наделение других народов отрицательными качествами; ригидность, косность мышления, безапелляционность суждений, оценок, неспособность к диалогу, пониманию оппонентов; уверенность в «моральной чистоте» только представителей своей группы; стремление к самоутверждению через принадлежность к корпоративным, кастовым объединениям, высокомерие и враждебное отношение к людям, не входящим в корпорацию; депрофессионализация — утрата компетентности, профессиональных знаний, социальной ответственности.

Эта упрощенная личность есть точный сколок с упрощенного общества, это древняя, а не современная личность, но именно она нужна диктаторским режимам. Этот режим, как и его первобытный прототип, все решает очень просто, в том числе проблемы со своими высшими чиновниками.

В цивилизованных странах неугодных министров и других высших чиновников, не справившихся со своими обязанностями, посылают в отставку. В тоталитарных же странах их обычно расстреливают, а для устрашения и достижения полной покорности репрессии жен и ближайших родственников. Но точно так же

поступали и дикари: великий путешественник и гуманист Д. Ливингстон в середине прошлого века при посещении в Центральной Африке местного царька заметил, что вход в его двор был украшен множеством черепов и у большего числа его сановников были обрезаны уши, а у некоторых отрублены руки. Д. Ливингстон считал, что такими способами царек добивался усердия в работе и честности своих министров. Столь же кровавыми способами Сталин добивался полной, рабской покорности своей камарильи, и по-своему он был вполне логичен, поскольку его ближайшим сподвижникам иной язык был попросту непонятен.

4.5. Коллективный человек

Даже если массы не стали бы орудием чьего-то господства, даже если бы не их руками совершались разбойничьи войны, угнетение и уничтожение целых социальных групп и наций, то причиненный вред заключался бы в самом подчинении толпы, массы и методах удержания ее в таком положении. В полной зависимости от строя попирается жизнь и плоть человека толпы, его разум и душа. Деспотическое сверхцентрализованное государство властвует и над внутренней жизнью индивида, которая похищается не только запретами на высказывания или на объединения, но и массовой пропагандой и внушениями, опутыванием особой сетью строгих безальтернативных обязанностей и требований, относящихся к труду, творчеству, общению, развлечениям, семейной и интимной жизни. Поистине «и дано ему было вести войну со святыми и победить их; и дана была ему власть над всяким коленом и народом, и языком и племенем. И поклонятся ему все живущие на земле, которых имена не написаны в книге жизни у Агнца, закланного от создания мира» (Откровение св. Иоанна Богослова, 13:7, 8).

Коллективный человек, человек толпы в тоталитарном исполнении не способен интегрироваться в цивилизацию, поскольку цивилизация и он — это несовпадающие и явно противоположные друг другу явления. Фашизм и большевизм извлекли на поверхность заложенное в человеке зло и показали, как можно манипулировать им и какую политическую пользу можно из этого извлечь. Однако это было проделано не с отдельными людьми, а с массами, с толпой, и это помогало эксплуатировать самые низменные инстинкты и вожделения. Иными словами, усилия диктатуры в этом направлении идут параллельно со стиранием индивидуальности, насаждением единообразия, тщательным регулированием всех сторон жизни.

Толпа особенно склонна ненавидеть, преследовать и уничтожать врагов, которых она видит в других народах и нациях, в других классах и социальных системах, в политических противниках и конкурентах своих идолов, а человек толпы — среди своих знакомых, сослуживцев, соседей, даже случайных встречных.

Этим свойством массы умело пользуются тоталитарные вожди. Так, Гитлер пришел к власти, постоянно обвиняя австро-венгерскую и германскую императорские династии, буржуазию, евреев, интеллигенцию, парламентских политиков, другие партии, страны Антанты, а в годы Второй мировой войны — участников антигитлеровской коалиции, своих генералов, многих из которых он считал бездарностями и даже изменниками, и т. д. Ленин и Сталин постоянно изобличали врагов — свергнутые классы, офицерство, мировую буржуазию, буржуазные партии, внутренних врагов и, конечно же, тех, кто оспаривал их власть, в том числе вчерашних соратников.

Поиск и нахождение врагов надо рассматривать в общем контексте того, что в тоталитаризированном обществе все четко делится на «мы» — «они», «наше» — «не наше»; естественно, все «наше» — это хорошее, достойное, благоприятное и т. д., все чужое — плохое, неприятное, заслуживающее порицания, отторжения и даже наказания, уничтожения. Но такое черно-белое восприятие социума уже было у человечества — у первобытных людей, которые могли обрести безопасность лишь в своем племени или роде.

Только с развитием цивилизации, ростом материального благосостояния, производственных технологий, информационной оснащенности стало исчезать резкое разделение социальных общностей на «мы» и «они». Но это был очень длинный путь, который привел к образованию общечеловеческих ценностей и единой морали, к осознанию общности всех людей.

Точно так же ребенок вначале не отделяет «я» от «не я», потом он начинает понимать нетождественность «мы» и «не мы». Если он вырастает в неблагоприятных эмоциональных условиях, «не я» и «не мы» навсегда могут запечатлеться в его психике как нечто неизменно чуждое и враждебное, от которого необходимо защищаться, лучше всего — нападая. Я говорю об этом не только потому, чтобы отметить во многом совпадение путей развития отдельного человека и человечества (эта мысль не нова), но и потому, что значительную часть ярых приверженцев фашизма и большевизма составили те, кто с детства делит всех окружающих четко и бескомпромиссно на «наших» и «не наших».

Именно к людям с черно-белым видением мира обращены исполненные глубокой ненависти слова Гитлера: «Будущее движения больше всего зависит от фанатизма и нетерпимости, с какими сторонники его выступают на защиту своего учения, решительно борясь против всех тех, кто конкурирует с данным учением... Движение должно воспитывать своих членов так, чтобы борьба не казалась им чем-то тягостным, а чтобы они сами рвались навстречу борьбе. Они не должны бояться вражды со стороны противника. Напротив, эту вражду они должны рассматривать как первое доказательство того, что собственное движение имеет право на существование. Не страшиться ненависти со стороны противника должны мы, а стремиться к тому, чтобы он как можно глубже ненавидел нас за нашу работу на пользу нашей нации». («Моя борьба»).

Итак, глухая стена перед всеми, кто стоит по другую сторону, только борьба с ними до полного уничтожения, никакого сближения и никаких уступок, как это принято в цивилизованном обществе, и фанатизм, ненависть, нетерпимость... То отношение к окружающему, которое звучит в приведенных словах Гитлера, можно назвать чувством преследования, которое Э. Канетти относил к числу наиболее бросающихся в глаза черт жизни массы. Он писал, что имеется в виду особая возбудимость, гневная раздражительность по отношению к тем, кто раз и навсегда объявлен врагом. Эти люди могут вести себя как угодно, быть грубыми или предупредительными, участливыми или холодными, жесткими или мягкими — все воспринимается как проявление безусловно дурных намерений, недобрых замыслов против массы, заведомое стремление откровенно или исподтишка ее разрушить^[63].

Всем известны грандиозные митинги и демонстрации германских и итальянских фашистов, советских, китайских, кубинских коммунистов, коммунистов других стран, где они правили. Эти массовые мероприятия были призваны сплотить людей вокруг режима и его идолов, еще больше подчинить их и продемонстрировать единство, вселить в них иллюзию, что они являются вершителями своей судьбы и что без них не движется история, без них, доселе подавленных и презираемых, мучающихся своей неполноценностью, своей вековой судьбой людей второго сорта. Не в меньшей степени

огромные сборища имели своей целью утратить врагов, показать свою мощь и несокрушимость. Именно поэтому такие мероприятия всегда сопровождалась военными парадами с показом самой современной техники. Однако красно-коричневые движения, возможно, сами того не ведая, лишь повторяли то, что уже делалось много веков назад. В доказательство приведу из книги Э. Канетти «Масса и власть» описание танца хака новозеландского племени маори, датированное первой третью прошлого века.

«Маори стали в длинный ряд по четыре человека. Танец, называемый «хака», должен внушить страх и ужас каждому, кто видел его впервые. Все племя, мужчины и женщины, свободные и рабы, стояли вперемешку, независимо от занимаемого ими положения. Мужчины были совершенно нагие, если не считать патронташей, опоясывающих их. Все были вооружены ружьями и штыками, прикрепленными к концам копий и к палкам. Молодые женщины с обнаженной грудью, включая жен вождя, также принимали участие в танце. Такт пения, сопровождавшего танец, выдерживался весьма строго. Подвижность этих людей была поразительна. Вдруг все они высоко подпрыгивали, отрываясь от земли одновременно, как будто ими двигала одна воля. В тот же миг они взмахивали своим оружием и изображали на лице гримасу. Со своими длинными волосами, которые у них обычны как для мужчин, так и для женщин, они были подобны войску горгон. Опускаясь, все издавали громкий стук о землю ногами одновременно. Этот прыжок в воздух повторялся часто и во все более быстром темпе.

Черты их были искажены так, как только возможно для мускулов человеческого лица, и всякую новую гримасу в точности повторяли все участники. Стоило одному сурово, как будто винтом, стянуть лицо, все тотчас ему подражали. Они так вращали глазами, что порой виден был только белок и казалось, что в следующий миг они выскочат из орбит. Все одновременно высовывали длинные-предлинные языки, как этого никогда бы не смог сделать ни один европеец; для этого нужно долго, чуть ли не с детства, упражняться. Их лица представляли зрелище ужасающее, и облегчением было отвести от них взгляд. Каждая часть их тела жила отдельной жизнью. Шум их пения был оглушитель, в танце участвовало 350 человек. Можно себе представить, какое воздействие производил этот танец в военные времена, как он

возбуждал храбрость и как усиливал враждебность сторон друг к другу».

Как мы видим, и дикари, эти социальные ископаемые, и нынешние тоталитарные ископаемые, чтобы утратить других, ведут себя одинаково: показывают свои последние технические достижения: первые — штык, прикрепленный к палке, вторые — ракеты дальнего действия и суперсовременные танки, первые стремятся воздействовать с помощью «страшных» гримас и криков, воинственных плясок, вторые — ритуала, дисциплины, воинской выправки, но смысл поведения тех и других абсолютно один и тот же. Кроме утращения демонстрацией оружия, главари современных орд охотно прибегают к неприкрытым угрозам, точно так же, как это делали и делают дикари, испуская воинственные крики. Так, Муссолини, чтобы запугать западные страны, в начале 30-х годов бахвалился, что Италия превращена в огромный военный лагерь, в котором «миллионы людей готовятся к решающей битве. Слышится глухой шум, напоминающий шаги колоссального легиона на марше. Этот бесчисленный легион — фашистская Италия... Никто не в силах ее остановить. Никто не остановит». Муссолини пророчествовал: «Со спокойной совестью я говорю вам, о несметные толпы людей, что XX век будет веком фашизма. Он будет веком итальянской мощи: это будет век, когда Италия в третий раз станет руководителем цивилизованного мира».

В те годы толпа в националистическом угаре поддерживала своего дуче; он называл ее «моя толпа» и был абсолютно прав.

С древнейших времен значительную массу людей собирали под открытым небом. До появления радио возможности воздействия на нее ограничивались силой голоса говорящего, но последние технические достижения позволили выступать перед многотысячными толпами и соответственно усилить эффективность воздействия на них. Гитлер, как известно, бредил грандиозными проектами строительства огромных площадей и стадионов, широчайших улиц именно для этих целей, нисколько не сомневаясь в том, что любая масса будет ему послушна. Но он ее презирал и видел в ней подвластную себе толпу и больше ничего. Ни один человек из нее не представлял для него никакой ценности, и именно поэтому в его строительных планах не было места жилым кварталам и зеленым насаждениям.

Весьма показателен тот факт, что Гитлер собирался построить в Берлине Триумфальную арку, которая более чем в два раза должна была превышать Триумфальную арку в Париже. На «своей» арке он намеревался высечь имена 1,8 миллиона немцев, погибших в Первой мировой войне. По этому поводу Э. Канетти тонко отмечал: вряд ли кто-нибудь прочитает такое множество имен, а вот их число останется в памяти у людей, оно огромно, и это будет придатком к его имени. Ощущение массы мертвецов имеет для Гитлера решающее значение. Без этого ощущения его не понять, не понять ни его начала, ни его власти, ни того, что он с этой властью предпринял, ни к чему его предприятия вели. Его одержимость, проявлявшая себя с жуткой активностью, и есть эти мертвецы, пишет Э. Канетти в статье «Гитлер по Шпееру». Я думаю, что упомянутая активность есть яркое проявление его глубоко некрофильской натуры.

Сами немцы нужны были Гитлеру постольку, поскольку они могли побеждать, и в этом тоже заключается поражение толпы. В качестве побежденных они не представляли для него никакой ценности и обрекались им на гибель. Его страсть уничтожить и унижить как можно больше людей — это не только строительство пьедестала для собственного величия, но и обретение покоя на грудах мертвецов.

Такое же удовлетворение получал Гитлер при уничтожении евреев, Сталин — во время массовых репрессий, максимально расширяя психологическое пространство для своей личности. Следовательно, мир был для них невыносим. Массовое сеяние смерти есть тоже поражение толпы, которая, чтобы быть готовой к гибели, активно примитивизируется, как и составляющие ее отдельные люди, эти жалкие нумера.

Тоталитарное государство называется так не только потому, что пытается охватить все стороны жизни общества и все области бытия личности, но и потому, что вырабатывает нормы и ориентации, принудительно обязательные для всех. Эти коллективные представления нацелены на формирование коллективного человека, человека толпы, что необходимо тираническому режиму и рационально для него, поскольку позволяет гибко и твердо управлять обществом. Люди как бы сами по себе, внешне лишь изредка следуя прямым указаниям высших властей, тем не менее все время

выполняют их волю. На самом деле автоматическое поведение, закрепленное табуизацией жизни, длительное время формируется путем воспитания, постоянной идеологической и психологической обработки, обучения и «просвещения», а также силой, в том числе самой грубой и примитивной, кровавыми репрессиями, внушающими ужас. Силовое принуждение в большинстве своем приводит к покорности и полному послушанию. На определенном этапе коллективное подавляет индивидуальное, и советский, например, человек был именно коллективным человеком, что не могло не отразиться в литературе, искусстве, идеологических штампах и, самое главное, в его поведении.

Однако это отнюдь не изобретение большевиков, нацистов и фашистов, несмотря на всю их чванливую уверенность, что лишь только они и открыли свой новый мир. Оно уже было, было давно, в глубокой древности, что еще раз дает мне основание считать тоталитаризм возвратом к примитиву.

Леви-Брюль считал, что сознание первобытного человека целиком во власти коллективных идей или коллективных представлений. Они вырабатываются не отдельной личностью, а обществом, отдельная личность получает их в готовом уже виде. Коллективные представления отличаются чрезвычайной императивностью, обладают почти принудительной силой и воспринимаются автоматически каждым лицом, так как они навязываются ему с раннего детства и, почти не поддаваясь действию критики, в неизменном виде передаются из поколения в поколение. Коллективные представления получают свое выражение в верованиях, обычаях и языке, целиком господствуя над сознанием первобытного человека, который мыслит, по мнению Л. Леви-Брюля, иначе, чем мы, поскольку его мышление целиком во власти коллективных представлений. Наши же представления настолько дифференцированы, что позволяют нам совершать сложные операции отвлечения, обобщения и логической классификации. Наше мышление — концептуальное, строящееся на понятиях, предполагающих развитую способность отвлечения и обобщения. Мы никогда не смешиваем представление об объекте с вызванными им переживаниями и порожденными им двигательными реакциями. В коллективном же представлении первобытного человека все эти три элемента слиты.

В коллективном сознании тоталитарного общества мы найдем ту важную особенность коллективных представлений первобытного человека, которую Л. Леви-Брюль усматривал в их «мистическом» характере. Всякий реальный объект окружающего мира наделен, по представлению такого человека, тайными свойствами, связывающими его со сверхъестественным миром, с миром скрытых, невидимых реальностей, причем эти свойства, тайные или явные, связаны между собой. В силу мистической ориентированности своего мышления первобытный человек в любой вещи ищет, наряду с ее реальными, явными свойствами, те или иные скрытые, тайные, мистические, в которых он готов усматривать истинные причины явления.

Объекты, обладающие тайными, мистическими свойствами, густым роем окружают коллективного человека тоталитарного общества. Ими обладают разные символы и знаки, ритуалы и манипуляции, которым придается особая, скрытая значимость и сила. Поэтому-то флаги, штандарты, значки, гербы, символические скульптуры, скульптуры и портреты вождей и иные изображения, а также шествия и парады имели такую власть над людьми при большевизме и нацизме. Эти же люди придавали особый смысл учению, свято верили в бесконечные возможности доктрины, т. е. обычного слова, в его абсолютную власть, могущую перевернуть весь мир и сделать его таким, каким они желали его видеть. Коллективные представления особым могуществом наделяли вождей, которые были для них магами. Кроме того, что очень важно подчеркнуть, сам строй тоталитарной жизни, ее нормы и ценности обладали столь же неодолимой силой.

Коллективный тоталитарный человек дологичен, как и его далекий предок, он игнорирует свидетельства повседневного опыта, не способен сделать из него адекватные выводы, кроме тех, которые угодны тому же коллективному сознанию. Он интересуется и руководствуется главным образом мистической сопричастностью между вещами и явлениями, без затруднений допускает многоаспектность, к тому же ему самому не всегда понятную, любого объекта и не видит ничего невозможного в тех случаях, когда приходит в действие вызываемая его мистическими ощущениями эмоциональная волна. Эта волна порождена всем, что имеет

отношение к сверхъестественному миру, к миру тайных сил и свойств, превосходящих обычную человеческую мощь.

Глава 5

Возвращение невоспоминаемого общечеловеческого опыта

Невоспоминаемый опыт детства, вытесненный из сознания вследствие травматичности или неактуальности, является составной частью индивидуального бессознательного. Доказано, что оно мощно стимулирует поведение, в том числе антиобщественное. Так, убийства детей могут мотивироваться бессознательным стремлением стереть в психике следы унижений и издевательств, перенесенных в собственном детстве, иными словами, на психологическом уровне покончить жизнь самоубийством. Убиваемый ребенок выступает в качестве первообраза, символа ребенка вообще, но ребенка, тяжело страдающего.

Каннибализм, инцест, убийства детей, бесчисленные тоталитарные деспоты и другие отвратительные явления современного мира убедительно говорят о том, что может возвращаться не только индивидуальный бессознательный опыт, но и коллективный, общечеловеческий, причем негативный. Теорию коллективного бессознательного впервые сформулировал и наиболее плодотворно исследовал К. Г. Юнг. При этом он отмечал, что «на первых порах понятие «бессознательного» использовалось для обозначения только таких состояний, которые характеризуются наличием вытесненных или забытых переживаний. Хотя у Фрэйда бессознательное выступает... в качестве действующего субъекта, по сути оно остается не чем иным, как местом скопления вытесненных содержаний; и только поэтому за ним признается практическое значение... С этой точки зрения бессознательное имеет исключительно личностную природу, хотя, с другой стороны, уже Фрейд понимал архаико-мифологический характер бессознательного образа мышления»^[64].

Я не собираюсь здесь обсуждать вопрос, только ли вытесненное индивидуальное составляет бессознательное отдельного человека, поскольку это выходит за пределы настоящего исследования. Просто упомяну, что индивидуальное (личностное) состоит и из других

образований. Оно выступает в качестве действующего субъекта не только у Фрейда, но и, например, в моих исследованиях. Я мог бы привести десятки, даже сотни случаев подобного рода, которые исследовались мною. Моя задача в том, чтобы доказать, что как индивидуальное бессознательное может определять поведение отдельного субъекта, мотивируя его, так и коллективное, возникающее из глубин человеческой истории, — поведение и конкретных лиц, и общества.

К. Г. Юнг в работе «Об архетипах коллективного бессознательного» называет индивидуальное, личностное бессознательное поверхностным слоем бессознательного. С этим трудно согласиться: это не поверхностный, а совсем иной уровень, слой бессознательного, обладающий своими атрибутивными качествами. На уровне субъективного смысла человек его не осознает так же, как и общество, создав, например, нацистский режим, совсем не понимает, что в сущности оно породило и к чему это может привести. Отдельные прозорливые и мужественные люди сами, без помощи специалистов могут узнать о том, какие темные и доселе непонятные силы двигали ими, в чем внутренний смысл их поступков, но намного более квалифицировано это способны сделать специалисты. Точно также поведение общества и государства, их судьбоносные решения с успехом могут исследоваться профессионалами.

К. Г. Юнг отмечал также, что индивидуальный слой покоится на другом, более глубоком, ведущем свое происхождение и приобретаемом уже не из личного опыта. В действительности индивидуальное бессознательное может активно использовать как коллективное бессознательное, опираться на него (как, например, при людоедстве или инцесте) так и на свой индивидуальный опыт и прожитую жизнь. Трудно сказать, к чему индивидуальное обращается чаще. Однако изучение конкретных лиц доказывает; что коллективное бессознательное, проявляющее себя в отдельном человеке, не может миновать индивидуальный опыт, в том числе бессознательный. Коллективное бессознательное К. Г. Юнг называет более глубоким по сравнению с индивидуальным, но это ничем не доказывается. Индивидуальное для субъекта всегда достаточно глубоко.

В комментариях к «Тайне Золотого Цветка» Юнг писал: как анатомия человеческого тела не зависит ни от каких расовых различий, так и человеческая душа имеет единый субстрат. Его он и называет коллективным бессознательным. Это общечеловеческое наследство, оно не зависит от культуры и сознания; оно состоит не только из содержаний, которые могут стать сознательными, но также из латентных предрасположенностей к тождественным реакциям. Коллективное бессознательное — это психическое выражение тождественности структур мозга независимо от расовых различий. Так можно объяснить аналогичность, вплоть до тождественности, различных мифов и символов, которая вообще дает возможность взаимопонимания между людьми. Различные направления душевного развития имеют один общий ствол, корни которого уходят в далекое прошлое. Чисто психологически это означает, что мы имеем общие инстинкты к образованию идей (представлений) и моделей поведения. Всякое сознательное воображение и действие происходят из этих бессознательных прототипов и остаются связанными с ними.

Филогенетически (в истории человеческого рода) и онтогенетически (в истории одного человека) сознание вырастает из бессознательного), т. е. второе всегда каузально предшествует первому, и это положение не опровергается тем, что сознание в основном под влиянием социальной среды и ее норм вытесняет часть психического в Тень. Между двумя названными сферами психики происходит постоянное взаимодействие, часто очень плодотворное, и сознание отнюдь не является лишь марионеткой в руках бессознательного, а само, как известно, способно активно направлять поведение. Однако и сознание, и бессознательное индивидуального человека основываются, как можно полагать, на коллективном невоспоминаемом опыте, на архетипах (прообразах), а также на действии животного наследия в человеке. Это наследие прочно вросло в него и вряд ли удастся отделить его от собственно человеческого бессознательного.

Происхождение в филогенезе сознания бессознательного означает, что последнее господствовало в первобытном человеческом «стаде», но «стадо» было тем необходимым условием, без которого не могло появиться сознание как результат общения его членов. Новорожденный является «владельцем» лишь бессознательного, но поскольку он человеческий младенец, у него имеются все

необходимые предпосылки для формирования сознания. Действие коллективного бессознательного можно сравнить с инфантилизмом, особенно если понимать его не только как сохранение в психологии и поведении взрослого особенностей, присущих детскому возрасту, но и как бессознательную потребность возвращения в те психологические состояния, которые были присущи детскому возрасту. Эта потребность может возникать, если те давно ушедшие дни ощущаются такими, которые давали покой и обеспечивали безопасность, либо приятие самого себя, если они, являясь когда-то привычными, удовлетворяли весьма важные потребности и т. д. Надо думать, что подобное стремление возникает у человека или народа (данного общества) в тех, например, случаях, когда они чувствуют опасность, которой в действительности может и не быть. Это возвращение в старое, знакомое, пусть и забытое.

Коллективное бессознательное есть нечто, что формирует установки как отдельного человека, так и общества, людей, т. е. их готовность действовать и реагировать в определенном направлении. Это позволяет раскрыть своеобразие сложных состояний народов и соответствующих психологических состояний конкретного человека при анализе его индивидуальной установки. Иметь установку — значит быть готовым к чему-то определенному. Коллективное бессознательное творит установки толпы, причем длительные, что особенно важно для понимания большевизма, нацизма и фашизма.

В коллективном бессознательном можно видеть ту психологическую основу, которая цементирует народ, расу, нацию, семью, профессиональную группу и т. д., наконец, объединяет всех людей данного общества. В названных общностях коллективное бессознательное всегда представлено достаточно полно, более того, без него они не могут существовать, вбирая его в себя, как и отдельная личность. Наличие коллективного бессознательного в больших и малых группах является гарантией определенной тождественности таких групп в разных культурах, возможностей сближения, а во многих случаях слияния последних, необходимого понимания друг друга при сохранении самобытности и автономности каждой. В то же время любая из названных общностей наследует опыт предшествующей ей (нормы, традиции, право, навыки), хотя это далеко не всегда вполне осознается пришедшей на смену новой

группой. Конечно, помимо коллективного бессознательного формированию и сохранению названных социальных групп активно способствуют вполне осознаваемые традиции и обычаи, общие цели, признаваемые членами группы, типичные способы разрешения возникающих проблем и т. д. Эти традиции и цели передаются путем обучения и целенаправленного воспитания.

Если коллективное бессознательное в конкретной личности не может миновать индивидуальный опыт и индивидуально неповторимые организмические и личностные черты, то тогда необходимо дополнить утверждение К. Г. Юнга, что «коллективное бессознательное идентично у всех людей и образует тем самым всеобщее основание душевной жизни каждого, будучи по природе сверхличным»^[65]. Коллективное бессознательное у отдельного лица принимает формы эмоционально окрашенных комплексов. Оно не знает пределов, и, войдя в него, индивид обнаруживает неслыханную ширь, при этом ощущая соприкосновение не с вечностью, а с чем-то неопределенно темным, непонятным, а иногда и опасным.

Коллективное бессознательное появляется с первыми людьми, и с каждым новым поколением, с каждым новым этапом в виде бесконечного процесса на него накладываются более поздние слои — социальные, психологические, культурные, но, подобно корням дерева, этот опыт вдруг прорывается наружу, в том числе в виде жестокого насилия тоталитарной деспотической власти или каннибализма. К. Г. Юнг писал, что мы несем в себе наше прошлое, а именно примитивного, низкого человека с его желаниями и эмоциями. Лишь приложив значительные усилия, мы можем освободиться от этой ноши. Негативную часть бессознательного он назвал Тенью, однако считал, что если бы вытесненные склонности, называемые Тенью, были только злом, то не возникало бы особых проблем. Но Тень, по мнению К. Г. Юнга, не что-то целиком скверное, а просто низшее, примитивное, неприспособленное и неудобное. В нее входят и такие низшие качества, детские и примитивные, которые моли бы обновить и украсить человеческое существование, но «сего не дано»^[66].

Я воспользуюсь юнгианским понятием Тени, но вложу в него другое содержание: считаю Тенью ту негативную часть прошлого невспоминаемого опыта, индивидуального или коллективного, которая

обладает способностью возвращаться к отдельному человеку или к людям, детерминируя их антиобщественное поведение.

Если иметь в виду филогенетический аспект, мы не несем в себе низкого человека, о котором писал К. Г. Юнг, если иметь в виду нашего далекого предка. Он не низкий человек, он древний, первобытный человек. Он не является и примитивным, поскольку лишь соответствует своему времени. Его поступки в те весьма далекие годы, повторение которых мы сейчас более чем решительно осуждаем, когда-то были вполне естественны, принимались и одобрялись социумом, той прошлой, давно ушедшей культурой; иного от него и не ожидали. Это, так сказать, его завещание нам. Он не знал, конечно, что завещает его, но если бы знал, то не думал о нем ничего дурного. Низшим, скверным, отвратительным, когда он пробуждается в нас, делает его лишь то, что соответствующие поступки сейчас резко противоречат цивилизации, современным требованиям культуры.

В онтогонистическом же аспекте (индивидуального бессознательного) вообще нет никаких предшественников, есть все тот же человек, совершивший сейчас данные действия, но испытывавший в прошлом негативные, психотравмирующие воздействия, оставившие в его душе незаживающие раны, которые иногда начинают кровоточить, когда создаются условия, субъективно и бессознательно воспринимаемые как провоцирующие.

Таким образом, следует различать Тень коллективного бессознательного и Тень индивидуального бессознательного. У них есть общие характерные имманентные черты. Во-первых, это невспоминаемость. Тень отодвигается в самые потаенные, тщательно замаскированные уголки психики человека и человечества. Во-вторых — это возвращаемость, все время напоминающая нам, что даже новорожденный начинает жить не с чистого листа, ему достанется то, что уже имеет человечество в качестве коллективного бессознательного. От нравственного воспитания зависит, проявится ли оно в дурных или одобряемых поступках. Тень хранит в себе плохое (я предлагаю договориться так), но в невспоминаемое индивидуальное или коллективное бессознательное могут быть впаяны светлые, радостные страницы прошлой жизни человека или человечества, постоянно и чаще незаметно помогая жить. Они существуют наряду с Тенью. Собственно, возвращаемость тех и других делает их всегда

актуальными, иначе им было бы место в музее, правда трудно сказать в каком.

Мощные взрывы Тени в виде тоталитарной агрессии, каннибализма, инцеста и др. могут быть неожиданны для самого преступника, их часто отказываются понимать и окружающие, а обыватели обычно все приписывают психическим расстройствам. На самом же деле это грозно заговорило бессознательное, вдруг вырвавшееся из, казалось бы, стальных оков цивилизации, из потаенных глубин коллективного бессознательного, куда человек помимо своей воли и совместно с социальной средой и общественными институтами старался глубоко и, как он надеялся, надежно и навсегда его упрятать. Во многих случаях это оказывается совершенно безосновательным самоутешением, и очень старые, вроде давно забытые еще в детстве человечества явления неожиданно вырываются на поверхность, причем, что самое страшное, остановить агрессивную лавину, другие преступления против личности, которые исследовались в этой книге, чрезвычайно трудно, а чаще невозможно, иногда по причине полной неожиданности. Взрыв и вызванный им обвал неумолимо сметают все на своем пути: социальные и самые строжайшие запреты, все установления культуры, жалость и сострадание, даже страх перед возможными последствиями для себя и страх ответной физической агрессии.

Даже в самых богатых и развитых обществах есть слой весьма примитивных людей, ведущих природное существование, мало отличающееся по-существу от первобытного. Они плохо освоили достижения культуры, знакомы лишь с ее азами, наиболее простыми формами, их потребности и интересы убоги и бездуховны, интеллектуальная жизнь сведена к нулю, они не знают таких категорий, как смысл жизни, и поэтому даже не ставят перед собой соответствующие проблемы. В их среде очень живучи предрассудки, древние традиции и обычаи, такие же символы и представления, антиобщественные привычки, влечения и пристрастия. Как писал К. Г. Юнг, «именно люди, живущие на низших, темных уровнях, следуют бессознательным влечениям души»^[67]. Над ними возвышаются другие слои, с иными духовными и интеллектуальными свойствами, с иными духовными и интеллектуальными характеристиками, причем чем выше эти страты в духовном и интеллектуальном отношении, тем богаче,

насыщеннее, содержательнее их характеристики. Иными словами, они более цивилизованы.

Коллективное бессознательное может проявлять активность во всех слоях общества, но чаще в низших, прежде всего в таких явлениях как каннибализм, инцест и убийство детей. Представители этих же стратов часто выполняют роли палачей, охранников, штурмовиков и т. д. при тоталитарных силах, но могут выбиваться наверх, даже на самый верх, где утонченные интеллектуалы замечались разве что в виде редчайшего исключения.

Вспышки яростных желаний и неосуществимых фантазий социально-политического характера тоже наблюдаются намного чаще, даже преимущественно, среди низших слоев населения. Сопротивление им способно спровоцировать еще более яростный натиск, причем вполне разумное сопротивление оценивается как злостное нежелание создать мир всеобщего счастья и благоденствия. Но все это не только дела прошлых лет, все это можно в полной мере наблюдать, например, в современном исламском экстремизме, который неизменно выступает с непомерными требованиями к остальному миру, причем готов реализовать их с помощью самых жестоких мер. В рамках этого экстремизма можно констатировать паралич сознательных планов, надежд и ожиданий при мощном выбросе из низших слоев населения индивидуального и коллективного бессознательного. Именно в этом следует усматривать активность исламских террористов, неиссякаемую дополняемость их рядов молодыми людьми из низших же слоев мусульманских стран, распространение суицидального терроризма, безоговорочную поддержку терроризма толпой в этих странах.

По мнению К. Г. Юнга, в то время как содержимое личного бессознательного приобретает на протяжении жизни индивида, содержаниями коллективного бессознательного неизменно оказываются архетипы, присутствующие в нем изначально^[68]. Он считал, что теоретически, поле сознания невозможно ограничить, так как оно способно беспредельно расширяться. Эмпирически, однако, сознание всегда обретает свои границы — встречая нечто неведомое. Это, собственно то, чего мы не знаем и что, таким образом, не связано с Эго — центром сознания. В «неведомом» различаем две группы объектов: внешние — те, которые могут быть восприняты посредством

органов чувств, и внутренние, которые постигаются непосредственно. Первая группа вмещает в себя «неведомое» во внешнем мире, вторая — «неведомое» в мире внутреннем. Это последнее и есть пространство бессознательного.

В отношении индивидуального и коллективного бессознательного можно сказать, что каждое из них приобретает в процессе жизни — человека (индивидуальное) или человечества (коллективное). Разумеется, неведомое ограничивает сознание, но неведомое в мире внутреннем есть не просто приобретение и усвоение (на бессознательном уровне) внешнего мира, но опыта, возникшего в результате взаимодействия отдельного человека или (и) человечества с условиями своего существования. Усвоение означает, что нечто, имевшее место во взаимодействии со средой, становится внутренним, не имеющим границ; отсутствие границ может говорить о том, что за пределами сознания находится усвоенное им, но неосознанное или осознанное, а затем вытесненное; он или оно (отдельный человек или человечество) не знает, насколько это важно и имеет ли вообще значение, может ли проявиться и в чем именно, где хранится и т. д. Я пытаюсь объяснить, т. е. найти причины педофилии, инцеста, каннибализма и некоторых других явлений, поэтому для меня очень важно знать, что является хранителем (носителем) соответствующего невоспоминаемого общечеловеческого опыта и каков механизм его передачи последующим поколениям, закрепления в коллективном бессознательном и передачи конкретному индивиду.

Подобно тому, как наше тело есть итог всей эволюции человека, его психика содержит присущие всему человечеству инстинкты и постоянно повторяющиеся наследуемые реакции, а также наше восприятие, мышление, воображение. Это очень важное общее положение, позволяющее построить объяснительную схему интересующих нас явлений.

Единицами коллективного бессознательного К. Г. Юнг считал архетипы, под которыми он понимал идеи, формы и образы, коллективные по своей природе, встречающиеся практически по всей земле как составные элементы мифов и являющиеся в то же время автохтонными, независящими от внешних факторов, индивидуальными продуктами бессознательного происхождения. Архетипические мотивы (по К. Г. Юнгу) берут начало от

архетипических образов в человеческом уме, которые передаются не только посредством традиции или миграции, но также с помощью наследственности. Эта гипотеза необходима, так как даже сложные архетипические образы могут спонтанно воспроизводиться без какой-либо традиции.

В своих работах К. Г. Юнг давал различные определения архетипов, но в основном он понимал их как структурные схемы, структурные предпосылки образов, существующих в сфере коллективного бессознательного и, возможно, биологически наследуемых, как концентрированное выражение психической энергии, актуализированной объектом. Я полагаю, что под архетипом можно понимать некий мифологический первообраз, который, образно говоря, родился вместе с человеком и навсегда будет сопровождать его, структурную основу психического мира, главный стержень, символизирующий ведущие ценности и скрепляющий отношения людей. Архетип выполняет исключительно важную прогностическую функцию, поскольку указывает наиболее возможные пути и позволяет разглядеть судьбу в прозрачном и густом тумане.

В коллективном бессознательном, считал К. Г. Юнг, с течением времени выкристаллизовываются определенные черты, так называемые архетипы или доминанты. Это господствующие силы, боги, т. е. образы доминирующих законов и принципы общих закономерностей, которым подчиняется последовательность образов, все вновь и вновь переживаемых душой. Поскольку эти образы являются относительно верными отражениями психических событий, их архетипы, т. е. их основные черты, выделенные в процессе накопления однородного опыта, соответствуют также определенным всеобщим физическим основным чертам^[69].

Для данного исследования весьма важно, что архетипы определяются не содержаниями, но формой, да и то весьма условно. Изначальный образ наделяется содержанием только тогда, когда он становится осознанным и, таким образом, наполняется материалами сознательного опыта. Его форму можно уподобить осевой системе кристалла, чья праформа определяется еще в материнской жидкости — до собственно материального существования. Эта кристаллическая решетка возникает в соответствии с характером взаимодействия ионов, а затем молекул. Сам по себе архетип пуст и формален, ничто иное как

«способность к оформлению», некая априорная возможность формопредставления. Наследуются не сами представления, но лишь формы, и в этом смысле они в каждом случае соответствуют определенным инстинктам, считал К. Г. Юнг. Он полагал (отмечая использование понятия архетипа еще древними авторами, в том числе Филоном Иудеем и Иринеем)^[70], что истинная природа архетипа не может быть осознана, что она трансцендентна^[71].

Положение, что архетип сам по себе пуст и формален, что наследуются не представления, но лишь формы, вызывает определенные сомнения. Они порождены, во-первых, результатами исследований самого же К. Г. Юнга (в частности, в его работе «Феноменология духов в сказках»), во-вторых, научными поисками причин тоталитаризма и других явлений, имеющих архетипические корни. Эти поиски убеждают в том, что архетип не только формален, что наследуются и определенные содержания. Более того, я полагаю, что если наследовались исключительно формы, то вряд ли архетипы играли столь существенную роль в человеческой жизни.

В качестве примера воспользуемся архетипом Мудрого Старца, он же божество-вождь-маг (К. Г. Юнг называет его архетипом Духа), который играет столь существенную роль в идеологии и психологии нацизма, большевизма и фашизма. Он же чрезвычайно богато представлен в мифах, легендах, сказках, снах, галлюцинациях и т. д. в качестве старого мудрого человека или «просто» невероятно мудрого человека, или не менее мудрого животного, или царя, или отшельника, или мудрого помощника, целителя или советчика, иногда злого колдуна, но всегда связанного со сверхъестественной чудесной властью, которая намного превосходит способности человека. Этот архетип дает возможности человеку приподниматься над самим собой, находить выходы из казалось бы безвыходных ситуаций, решать неразрешимые проблемы либо преодолевать непреодолимые препятствия. В психологии и идеологии тоталитаризма этот первообраз диктует строгую необходимость безоглядной веры в вождя, в его сверхъестественные силы и подчинения ему без остатка.

Тоталитарный сверхчеловек — вождь — практически ничем не отличается от божка, мага или колдуна в древних мифах, но существует архетипическое представление о подобном мифическом персонаже, и оно наследуется разными поколениями на протяжении

всей человеческой истории. Я подчеркиваю: наследуется не форма, а именно представление о том, что есть подобная сверхъестественная фигура, причем представления об ее атрибутах не подвергаются изменениям, т. е. эти атрибуты тоже наследуются, равно как и весь цельный образ. То же самое можно было бы сказать об архетипе Великой Матери как о рождающей, кормящей, воспитывающей, охраняющей и целительной силе, когда нужно, карающей, но всегда носящей трансцендентный и сакральный характер. Все эти ее характеристики, придающие ей целостность, тоже наследуются.

Э. Самуэлс считает, что архетип представляет собой унаследованную предрасположенность, но, пожалуй, видит эту предрасположенность слишком широко. Так, он считает, что рождение, воспитание, половое созревание, смерть — это в широком смысле сходный опыт для всех людей. Наша общая биология передается нам по наследству. Следовательно, если архетипы тоже являются общими, они тоже должны быть унаследованы. Юнг, по мнению Э. Самуэлса, никогда не был уверен в отношении точного наследования архетипов, т. е. того, как они передаются, но он проводил параллели с такими явлениями, как цыплята, которые вылупляются из яиц, птицы, которые строят гнезда, и т. д. ^[72]

Возникает вопрос, о каких наследуемых предрасположенностях можно говорить применительно к исследуемым проблемам (каннибализму, инцесту и т. д.). Думается, что предрасположенность, например, к каннибализму наследуется первобытными людьми, в том числе современными, к инцесту и педофилии — представителями поколений, которые вырождаются под влиянием алкоголизма, наркомании, слабоумия и других болезней, к тоталитарной идеологии — людьми толпы и т. д. Наследование осуществляется по социальнопсихологическим каналам, с помощью обычаев и традиций, чему активно могут способствовать биологические особенности организма, т. е. предрасположенности.

Нельзя не согласиться с Э. Самуэлсом, который рассматривает архетип и как отпечаток. Некоторые фундаментальные переживания, отмечает он, повторяются в течение миллионов лет. Такие переживания вместе с сопровождающими их эмоциями и аффектами образуют структурный психический фон — готовность проживать жизнь согласно пограничным линиям, уже заложенным в психике.

Отношения между архетипом и опытом — это система обратной связи: повторяющийся опыт создает остаточные психические структуры, которые становятся архетипическими структурами^[73]. Те действия, которые стали объектом нашего исследования, постоянно повторяются с наидревнейших времен, и человечество уже приобрело здесь более чем солидный опыт, причем и положительный — отношения к подобным действиям, нравственного и правового. Важно отметить, что опыт таких форм отрицания цивилизации, как кровавые деспотии, до сих пор оценивается многими людьми весьма позитивно и как заслуживающий повторения.

Я не собираюсь развивать здесь теорию коллективного бессознательного и архетипов. Моя задача уже и скромнее: показать, что именно коллективное бессознательное таит в себе исходные причины каннибализма, инцеста, убийства детей и т. д., а архетипы являются конкретными носителями этих причин и запускают в действие соответствующий архи сложный механизм. Можно было бы патетически провозгласить, что современный человек сейчас расплачивается за ошибки, заблуждения и грехи наших далеких предков. Но это совсем не так, поскольку это не ошибки, заблуждения или грехи древних людей, они жили так, как умели и могли, как считали нужным в соответствии с условиями своей жизни. Другого они попросту не знали.

Итак, есть основания думать, что архетипы являются носителями тех форм поведения, которые стали объектами исследования в данной работе. В пользу такого предположения говорит то, что в основе поведения лежат некоторые идеи и ценности, которые передаются с помощью архетипических механизмов, будучи вплетены в коллективное бессознательное. Каннибализм, педофилия, инцест, кровавые деспотии и т. д. представляют собой формы поведения, которые были привычны для весьма отдаленных времен, хотя, видимо, проявлялись в разных странах и сообществах на различных этапах развития. Полагаю, что такие явления, как каннибализм и инцест, вполне могли преследоваться некоторыми жестокими деспотиями. Затем исследуемые явления стали постепенно вытесняться цивилизацией, но, уходя в Тень, проявили тем самым исключительную живучесть, все время периодически возвращаясь к человечеству, а поэтому вступая в резкое противоречие с современной культурой.

Иными словами, стимулы подобных поступков запрограммированы в психике и пробиваются в тех местах социального организма (включая личность), в которых сеть цивилизации наиболее слаба или подточена, т. е. лишь при определенных условиях жизни отдельного человека или каких-либо стран (сообществ).

Сказанное позволяет считать, что самостоятельным объектом психологических исследований должна быть Тень, ее содержания и функции, ее возможности воздействовать на человека и общество. Такие исследования позволили бы вовремя и более эффективно предупреждать особенно те порождаемые Тенью явления, которые могут привести к массовым бедствиям. Как отмечают некоторые критики К. Г. Юнга (Э. Самуэлс, Б. Шортер, Ф. Плот), Тень является архетипом, что подтверждается ее содержаниями — властными, отмеченными аффектами, навязчивыми, захватническими, самоуправными, способными поразить и подавить хорошо упорядоченное эго. Когда сознание переживает угрозу или состояние сомнения, то Тень проявляется как сильная иррациональная проекция.

Само по себе, вне человечества коллективное бессознательное вообще не существует; на самом деле оно является не чем иным, как возможностью, той самой возможностью, которая передается нам по наследству с древних времен посредством определенной формы мнемонических (запоминающихся) образов или, выражаясь анатомически, через структуры мозга. Нет врожденных представлений, но, наверное, есть врожденная возможность того, чтобы появились представления, которая определяет границы даже самой смелой фантазии, определяет, так сказать, категории деятельности фантазии, в известной степени идеи а priori, о существовании которых невозможно судить без наличия соответствующего опыта. Выше я высказывал свое мнение по поводу того, что представление может составлять содержание архетипа и передаваться по наследству.

Возможность — нечто весьма значительное, потому что коллективное бессознательное отнюдь не является чем-то вроде темного закутка, а представляет собой господствующий надо всем осадок скопившегося за бесчисленные миллионы лет опыта предков, эхо доисторических явлений мира, которому каждое столетие добавляет несоизмеримо малую сумму вариаций и дифференциаций.

Поскольку коллективное бессознательное является осадком явлений мира, то в своей совокупности это означает вроде не имеющего времени, так сказать, вечного образа мира, противостоящего нашей сиюминутной сознательной картине мира.

Коллективное бессознательное является огромным духовным наследием, возрожденным в каждой индивидуальной структуре мозга. Сознание же, наоборот, является эфемерным явлением, осуществляющим все сиюминутные приспособления и ориентации, отчего его работу скорее всего можно сравнить с ориентировкой в пространстве. Бессознательное содержит источник сил, приводящих душу в движение, а формы и категории, которые все это регулируют, — архетипы. Все самые мощные идеи и представления человечества сводимы к архетипам.

Итак, коллективное бессознательное, предоставляя собой один из фундаментов индивидуальной психики, не вытесняется из нее и не забывается. Это нечто общее для всех людей, передаваемое по наследству с древнейших времен. Но его все-таки можно осознать, и сама его научная концепция есть не что иное, как одна из форм осознания этого явления. Бессознательное вытесняется и у отдельного человека, и у всех людей, в частности древнейший опыт постоянно вытесняется наслоениями цивилизации, но тем не менее остается и клокочет в самых потаенных глубинах человечества.

Дьявола мы заботливо взращиваем в своей собственной душе и когда-нибудь должны набраться смелости признаться хотя бы самим себе, что он в известном смысле такая же реальность, как окружающие нас дома и автомобили. С древнейших времен под разными личинами, но неизменно в своей сущности и роли, этот дьявол пребывает в нас. Под давлением личных обстоятельств у отдельного человека он может совершенно неожиданно вырваться на свободу и тогда получает вполне определенную правовую оценку в качестве преступления, что в подавляющем большинстве случаев не вызывает возражений. Гораздо сложнее и трагичнее, когда под влиянием массового психоза или общенациональной психопатии, взаимного заражения и отравления яростные желания и неосуществимые фантазии с неконтролируемой силой вспыхивают у очень многих одновременно, при этом весь этот процесс и его источники никогда не носят осознанного характера. Людоедство, преступления против детей и тоталитаризм в его

наиболее бесчеловечных формах как явления одного ряда по своему содержанию порождаются и индивидуальным, и коллективным бессознательным, т. е. являются проявлением психического начала, заключенного в Тени, личной или общечеловеческой.

---

notes

Примечания

1

§ 1–3 настоящей главы написаны в соавторстве с О. В. Леоновой.

См.: Элиаде М. Мифы. Сновидения. Мистерии. М., 1996. С. 49–50.

См.: Элиаде М. Аспекты мифа. М., 1997. С. 104–113.

См.: Фрезер Д. Д. Фольклор в Ветхом Завете. М., 1985. С. 167.

Фрезер Д. Д. Золотая ветвь. М., 1986. С. 73.

См. Малиновский Б. Магия, наука и религия. М., 1998, С. 51–52.

Фрезер Д. Д. Золотая ветвь. С. 410–411.

См.: Ткаченко А. А. Сексуальные извращения — парафилии. М., 1999. С. 232.

Подробнее о Чикатило см.: Антонян Ю. М., Ткаченко А. А. Сексуальные преступления. М., 1993.

См.: Ткаченко А. А., Введенский Г. Е., Дворянчиков Н. В. Судебная сексология. Руководство для врачей. М., 2001. С. 78–79.

См.: Мифы народов мира. Т. 1. М., 1999. С. 545–546.

См.: Крафт-Эбинг Р. Половые психопатии. М., 1996. С. 582–583.

Подробнее см.: Антонян Ю. М., Позднякова С. П. Сексуальные преступления лиц с психическими аномалиями и их предупреждение. М., 1991. С. 40–55.

См.: Каприо Ф. С. Многообразие сексуального поведения. М., 1995. С. 212–213.

См.: Лев-Старович З. Судебная сексология. М., 1991. С. 116–120.

См.: Ковальчук Ю. В. Психопатологические и психосексуальные расстройства у лиц, совершивших инцестные действия (вопросы диагностики и судебно-психиатрической оценки). Автореф. канд дисс. М., 1999. С. 7, 21–23.

См. Царь Эдип. Прошлое одной иллюзии. М., 2002. С. 32–33.

См.: С. 373–374.

См.: Там же. С. 287.

См.: Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Философское исследование учения Фрейда. М., 1995. С. 33–34.

См.: Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М., 1990. С. 204. Несколько странно утверждение автора что «даже поцелуй может по праву называться извращенным актом, потому что он состоит в соединении двух эрогенных зон рта вместо гениталий» (С. 204). Это утверждение, несомненно, проистекает из позиции З. Фрейда относительно «служебного» характера сексуальности. Выходит, что если сексуальный контакт не может привести к деторождению, то это уже сексуальное извращение.

См.: Фрейд З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии. СПб., 1997. С. 13–14.

См.: Юнг К. Г. *Mysterium Coniunctionis*. М., 1997. С. 113–114.

См.: Юнг К. Г. Психология переноса. М., 1997. С. 116–117.

По поводу инцеста де Сад, конечно, не мог не высказаться. Он писал: «Кровосмешение... расширяет семейные связи и, как следствие этого, делает более живой любовь гражданина к своей родине. Кровосмешение предписывается нам первыми законами природы, да и мы чувствуем на опыте, что наслаждение теми предметами, которые нам принадлежат, несравненно приятней. К тому же кровосмешение поощрялось первыми установлениями человеческого общества, ведь мы встречаемся с подобными поступками на заре истории... Одним словом, я осмеливаюсь настаивать на том, что кровосмешение должно стать законом любого правительства, основывающегося на братстве. Неужели люди поверят в такую нелепость, будто бы любовное наслаждение с матерью, сестрой или дочерью, вообще говоря, преступление? Найдете ли вы где-либо, я вас спрашиваю, предрассудок, равный по гнусности тому, когда мужчине вменяется в преступление наслаждение с тем, кто является для него самым близким человеком а силу естественного чувства?». (Маркиз де Сад. Философия в будуаре. Тереза — философ. М., 1991. С. 194).

Юнг К. Г. Указ. соч., М., 1997. С. 163.

Там же. С. 210.

Юнг К. Г. Психология бессознательного. М., 1994. С. 51–52.

См.: Мишота В. А. Предупреждение сексуальных преступлений против несовершеннолетних в семье. Автореф. канд дисс... М., 2000. С. 13–15.

См.: Шостакович Б. В., Ушакова И. М., Потапов С. А. Половые преступления против детей и подростков. Психиатрический аспект. М., 1994. С. 19.

См.: Лев-Старович З. Нетипичный секс. М., 1995. С. 249.

См.: Шостакович Б. В., Ушакова П. М., Потапов С. А. Указ. соч.,
С. 18.

См.: Лев-Старович З. Судебная сексология. М., 1991. С. 33.

См.: Шостакович Б. В., Ушакова И. М., Потапов С. А. Указ. соч., С. 22–51.

См.: Шостакович Б. В., Ткаченко А. А. Экспрессионизм. Таганрог, 1991.

См.: Ткаченко А. А. Сексуальные извращения — парафилии. М., 1999. С. 174.

См.: Мак-Фарленд Д. Поведение животных. Психобиология, этология и эволюция. М., 1988. С. 122–123.

См.: Уайли Д. В поисках фаллоса. Приап и инфляция мужского.
Воронеж 1995. С. 10.

Кон И. С. Введение в сексологию. М., 1988. С. 91–92.

См.: Косамби Д. Культура и цивилизация древней Индии. М., 1968. С. 64.

См.: Морган Л. Б. Первобытное общество. СПб., 1900. С. 100–103.

См.: Тайлор Э. Б. Первобытная культура. М., 1989. С. 478, 480

См.: Фрезер Д. Д. Фольклор в Ветхом Завете. М., 1985. С. 188, 192.

См.: Тайлор Э. Б. Указ. соч. С. 469, 480, 481.

См.: Берндт Р. М., Берндт К. Х. Мир первых австралийцев. М., 1981 С. 107.

Морган Л. Г. Древнее общество. Л., 1934. С. 338.

Фрезер Д. Д. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М., 1986 С. 279.

Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 556–557.

См.: Кургузкина Е. Б. Убийство матерью новорожденного: природа, причины, предупреждение. Воронеж, 1999. С. 69–72.

Московичи С. Век толп. Исторический трактат психологии масс.
М., 1996. С. 222.

Московичи С. Машина, творящая богов. М.. 1998. С. 105.

См.: Стецовский Ю. И. История советских репрессий. М., 1997. Т. I. С. 18.

См. Указ. соч., Т. II. С. 140.

См.: Кудрявцев В., Трусов А. Политическая юстиция в СССР. М., 2000. С. 97.

См.: Стецовский Ю. И. История советских репрессий. Т. II. С. 133.

См.: Фест И. Гитлер. Биография. Пермь, 1993. Т. 3. С. 390.

См.: Указ. соч., С. 396, 402.

Фрезер Д. Д. Золотая ветвь. Исследование религии и магии. М., 1986. С. 196–250.

Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. I. М., 1992. С. 217.

См.: Юнг К. Г. О современных мирах. М., 1994. С. 219–221.

См.: Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С. 39.

См.: Поппер К. Указ. соч. М., 1992. Т. I. С. 149. К. Поппер писал: «Мы сами навязываем идеалы природе и тем самым привносим в мир природы мораль, хотя сами при этом являемся частью природы. Мы — продукты природы, но природа же дала нам власть изменять мир, предвидеть и планировать будущее и принимать далеко идущие решения, за которые мы несем моральную ответственность. Таким образом, и решение и ответственность за них появляются в мире только вместе с нами». (С. 96).

См.: Канетти Э. Массы и власть. М., 1993. С. 103.

Юнг. К. Г. Об архетипах коллективного бессознательного // Архетип и символ. М., 1991. С. 97

Там же. С. 98.

См.: Юнг К. Г. Психология и религия // Архетип и символ. М., 1991. С. 182–183.

Юнг К. Г. Проблема души современного человека // Архетип и символ. М., 1991. С. 216.

См.: Юнг К. Г. Aion. Исследование феноменологии самости. М., 1997. С. 18.

См.: Юнг К. Г. Психология бессознательного. М., 1994. С. 141–142.

Э. Самуэлс отмечает некоторых предшественников теории К. Г. Юнга. Платон говорит о первоначальных Идеях, из которых происходят все последующие вещи и идеи. Эти идеи считаются содержащимися в умах богов до создания мира; поэтому Идеи Платона предшествуют опыту, у Юнга же архетип способствует основным переживаниям и опыту. Однако более поздние формулировки Юнга все же включают в понятие архетипа трансцендентный элемент. Другим источником влияния был Кант, если значение зависит от восприятия должно предшествовать приобретению знания. Кант разобрал схему, в которой все чувственные данные можно организовать в фундаментальные врожденные категории, входящие в чувства. Поэтому они составляют часть переживания, но расположены вне времени и пространства, им не хватает связи с телесными реальностями и повседневным опытом.

К. Г. Юнг особо признавал, что очень многим обязан Шопенгауэру, который писал о «прототипах» или архетипах как об исходных формах всех вещей. Он считал, что только они и являются истинно сущими: поскольку всегда есть, то никогда не переходят (см.: Самуэлс Э. Юнг и постюнгианцы. М., 1997. С. 51–52)

Приводится по: Юнг К. Г. Воспоминания. Сновидения. Размышления Киев, 1994. С. 369–370.

См.: Самуэлс Э. Юнг и постюнгианцы. М., 1997. С. 55.

См.: Там же. С. 56.